

Беру тебя
В ДОЛГ
Екатерина Кариди

Annotation

— Поедешь со мной. Я беру тебя в долг, — отчеканил мужчина и повернулся спиной.

Когда-то Родхар Ледяной клинок отсеял ее на отборе невест. Предложил почетное место любовницы. Мара от этой чести отказалась и решила выйти замуж за соседнего лорда. Он развалил ее брак, сделал так, чтобы вокруг нее образовалась пустыня, задушил податями, опозорил. А теперь он еще вломился к ней в дом.

«Ты сам нарвался», — подумала Мара, а вслух сказала: — Хорошо.

Будет противостояние, любовь, ревность, соперничество. А также черный юмор и неожиданные повороты судьбы. Однотомник. ХЭ

- [Беру тебя в долг](#)
 - [Часть первая. Глава 1](#)
 - [глава 2](#)
 - [глава 3](#)
 - [глава 4](#)
 - [глава 5](#)
 - [глава 6](#)
 - [глава 7](#)
 - [глава 8](#)
 - [глава 9](#)
 - [глава 10](#)
 - [глава 11](#)
 - [глава 12](#)
 - [глава 13](#)
 - [глава 14](#)
 - [глава 15](#)
 - [Часть вторая. Глава 16](#)
 - [глава 17](#)
 - [глава 18](#)
 - [глава 19](#)
 - [глава 20](#)

- [глава 21](#)
- [глава 22](#)
- [глава 23](#)
- [глава 24](#)
- [глава 25](#)
- [глава 26](#)
- [глава 27](#)
- [глава 28](#)
- [глава 29](#)
- [глава 30](#)
- [Часть третья. Глава 31](#)
- [глава 32](#)
- [глава 33](#)
- [глава 34](#)
- [глава 35](#)
- [глава 36](#)
- [глава 37](#)
- [глава 38](#)
- [глава 39](#)
- [глава 40](#)
- [глава 41](#)
- [глава 42](#)
- [глава 43](#)
- [глава 44](#)
- [глава 45](#)
- [глава 46](#)
- [глава 47](#)
- [глава 48](#)
- [глава 49](#)
- [глава 50](#)
- [глава 51](#)
- [глава 52](#)
- [глава 53](#)
- [глава 54](#)
- [глава 55](#)
- [глава 56](#)
- [глава 57](#)

- [глава 58](#)
 - [глава 59](#)
 - [глава 60](#)
 - [глава 61](#)
 - [глава 62](#)
 - [глава 63](#)
 - [Жениться по любви — 1](#)
 - [Жениться по любви — 2](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Бонус](#)
-

Беру тебя в долг
Карида Екатерина

Часть первая. Глава 1

— Собирайся, поедешь со мной в королевский замок!

Дядя ворвался в дом как внезапный сквозняк. Собственно, сквозняк был самый настоящий, потому что Меркель Хантц не удосужился закрыть за собой дверь.

— Зачем? — опешила Мара, глядя, как он отпихивает в сторону корзину со штопкой.

А тот уже дошел до стола и теперь, запрокинув голову, жадно пил морс из кувшина. Допив, со стуком поставил кувшин на стол и выдал:

— Родхар Ледяной Клинок объявил отбор невест.

У Мары внезапно ёкнуло сердце. В сознании зазвенел тревожный сигнал.

— Что? — переспросила она.

Меркель отошел от стола и шагнул к окну.

— Поедешь со мной, — ронял он слова, стоя спиной. — Отбор это шанс. Если повезет, устроишься при дворе. А нет...

Оглянулся и смерил ее взглядом.

— Кто-нибудь да на тебя позарится.

Сказано было так пренебрежительно, что Мара не выдержала, отвернулась. Спорить с Меркелем Хантцом не имело смысла, после смерти родителей младший брат отца был ее опекуном.

Повисла короткая пауза. Наконец Мара сказала:

— Хорошо, я поняла.

И встала, чтобы выйти. А он ей бросил вдогонку:

— Ничего лишнего с собой не бери. Кое-какую одежду купим тебе по дороге, чтобы не была оборванкой. На первое время хватит, а дальше пусть думает тот, кто на тебя позарится.

И тут она не выдержала.

— Послушайте, дядя, почему я вообще должна куда-то ехать?

Он подался вперед и нехорошо оскалился.

— Потому что я так сказал, Мара. А сейчас пошла и быстро собралась. Мы выезжаем через час!

Через час?! Ее просто душило от обиды и возмущения.

Мара заперлась в своей светелке и сидела, глядя в одну точку. Меркель не оставлял ей выбора. Он даже времени свыкнуться с мыслью ей не дал.

Наверное, надо радоваться, да? Она поедет на отбор невест, увидит королевский замок. Но ведь это должно происходить официально! Ведь не корову на рынке, будущую королеву Хигсланда выбирают. Всем девушкам присылается приглашение, его привозят королевские герольды.

А вместо герольдов здесь был ее дядя.

В конце концов, она пересилила себя и стала собираться.

Опекун зашел за ней через час, недовольно оглядел ее пожитки и велел:

— Выходи. И без того задержались, опаздываем.

Но когда служанка сунулась было взять ее вещи, рыкнул:

— Куда?! Ты останешься.

Это было вторым тревожным сигналом.

— Как же я без служанки? — спросила Мара, стараясь не показывать, насколько она шокирована происходящим.

— Обойдешься пока. А во дворце к тебе служанок приставят.

Ох, чем дальше, тем больше крепла у нее уверенность, что младший брат отца затеял что-то странное. А он уже подхватил кофры с ее вещами. Крикнул походя:

— Живо!

И направился к выходу из комнаты. Мара с места не сдвинулась. Дядя обернулся, уставился на нее грозно.

— Ну? Что замерла? Мы опаздываем.

— Приглашение, — проговорила она. — Должно быть приглашение от короля.

— Ах это?! — Меркель по-звериному оскалился. — Не волнуйся, у меня есть приглашение для тебя!

Звоном в ушах отдалось. Мара шевельнуться не могла, а дядя двинулся к ней и угрожающе прошипел:

— Я сказал. Мы опаздываем. Выходи, не стой. Или мне тащить тебя силой?

И тут она очнулась.

Меркель был слишком зол и явно настроен решительно. Придется подчиниться, иначе с него станется потащить ее силой. Вот только зачем это все ему? Какой его интерес? Мара невольно обвела взглядом стены и потолок своей комнаты. Неужто... Поверить не могла.

Но разбираться с этим, видимо, предстоит уже потом.

Она совладала с собой и сказала:

— Да. Извините, дядя, я просто задумалась. Я уже иду.

— Вот и правильно. Думать потом будешь, когда я тебя на место доставлю.

И двинулся быстрым шагом по коридору. Шаги отдавались эхом, а Мара шла за ним пытаясь понять, что происходит. Но разбираться с этим, видимо, предстоит уже потом.

* * *

Не прошло и четверти часа, а она уже тряслась в тесной повозке и по ухабам. И повернувшись назад, глядела в маленькое оконце, как удаляются стены родительского замка. Наконец она села ровно и перевела взгляд на спину скакавшего чуть впереди дяди.

И почему у нее было такое чувство, что все это грандиозный подвох?

глава 2

Дядя крикнул кучеру, чтобы тот ускорился. Послышались гиканье и свист хлыста, ржание. Теперь они неслись еще быстрее, а мимо проскакивали росшие на обочине деревья и кусты.

Стало почему-то трудно дышать, Мара потеряла переносицу, лоб. Ей казалось, что она прощается со всем этим и больше не увидит. Потом она откинулась на стенку подсакивавшей на каждом шагу повозки и закрыла глаза. А в голову полезли разные мысли.

Вот было бы хорошо, если бы вдруг отвалилось колесо.

Глупо, конечно.

Но тогда бы они остановились и опоздали.

Не зря же Меркель Хантц так спешит и боится не успеть куда-то. Значит, это шанс. И тут же поморщилась, понимая, что нет никакого шанса. Дядя от своей затеи не откажется, если сломается повозка, он ее волоком потащит.

Протест зарождался в душе, а будущее надвигалось, давя неизбежностью.

Потом она подумала, в конце концов, может быть, все не так уж и страшно?

И этот отбор невест... Что она знает о правилах? Кажется, все девушки, приглашенные на отбор, должны жить в королевском замке и видаться с королем. Еще будут пиры, турниры, танцы, охота. Не так уж плохо, да? Она пожала плечами.

Но будут еще и конкурсы, и как она слышала, подготовиться заранее невозможно, потому что всегда все бывает по-разному. Зависит только от короля.

Попыталась представить Родхара, вспомнить, какой он.

Мара видела его когда-то давно, когда была еще девочкой. Была вместе с родителями на празднике, который устроил еще покойный король Хлориг, отец Родхара. Там было много богато одетых всадников, и мама показала ей тогда:

— Вот смотри, это король. А это наш молодой принц Родхар.

Она запомнила только, что у принца густые черные волосы, и что на коне он держался лучше всех. Кажется, он был красивый. Потом

она случайно оказалась рядом, когда принц проходил по двору со стайкой разряженных в пух и прах молодых красавиц. Он ее тогда не заметил.

И что изменится сейчас?

Тащить ее к нему на отбор невест. Что за странная фантазия у дяди? Да и какой смысл? Родхар в ее сторону даже и не взглянет. Женится на одной из тех разряженных герцогских дочек, и это будет правильно. Или выберет принцессу из окрестных королевств, что будет еще правильнее.

В этот момент повозку совсем уж сильно тряхнуло на повороте, а Мару так подбросило на сидении, что она ударилась головой. Такое зло взяло от безысходности, что она не выдержала, высунулась в окно и рывкнула:

— Дядя! Вы так меня живой не довезете!

Тот что-то пробурчал в ответ и махнул ей рукой, чтобы не высовывалась. Но с того момента темп немного сбавили и повозку уже не так трясло и подбрасывало. Мара свернулась калачиком на сидении, закуталась в накидку и попыталась уснуть.

То ли дорога пошла ровнее, то ли она притерпелась к тому, что из окна дует, но она сама не заметила, как уснула. Проснулась, оттого что Меркель Хантц тряс ее за плечо.

— Вставай, приехали.

Еле разлепила глаза, стала оглядываться, вокруг уже почти стемнело. Вечер? Выходит, они ехали не меньше шести часов. Она отлежала себе все, а дядя выглядел бодро, хоть и скакал все это время в седле.

— Выходи, — проговорил тот, подаваясь назад, и вылез наружу.

Выходить не хотелось, эта тесная повозка ощущалась последним безопасным убежищем. Хотя о какой безопасности она толкует?

— Не торчи там! — слышался окрик. — Времени мало. Надо еще позаботиться о твоих нарядах. Заночуем здесь, а завтра к полудню надо уже быть в замке.

— Иду, — буркнула Мара, выбираясь из повозки.

И наконец увидела, куда он ее привез.

Это был Даршанц, небольшой городок на пути к столице.

Знаменит он был тем, что здесь шла бойкая торговля. Даршанц стоял прямо на главном тракте. Оживленное движение в столицу и

обратно, в нем постоянно кипела жизнь. Была даже поговорка: «Даршанц не спит ни днем, ни ночью».

Далеко они успели забраться, однако.

Повозка отъехала в сторону, в Мара стала оглядываться по сторонам. Меркель остановился на окраине, но даже здесь были хорошие, крепкие дома. Построенные в новомодном стиле «фахверк»*. Темный каркас из мореного дуба и белый камень заполнения. В свете факелов дома казались пряничными.

Мара неловко повела плечом и переступила на месте, стараясь смотреть под ноги, чтобы не наступить на оставленные лошадьми кучи. Ее трясло мелкой дрожью от усталости и немного покачивало. Такое чувство, будто плывет в лодке. Все время хотелось отставить ногу в сторону, чтобы не потерять равновесие.

— Иди за мной! — окликнул дядя.

Он уже довольно далеко ушел вперед. А тут остановился и оглянулся на нее.

— Чего встала? Нам еще за твоими тряпками, а потом устраиваться на ночь!

Как ее напрягало это пренебрежение, сквозившее в каждом его слове. Меркель невозможно злил ее и как будто делал это нарочно. Он никогда не отличался особой любезностью, а сейчас просто превзошел себя. Она пошла, но ноги подрагивали, быстро не получалась. Когда поравнялась с Меркелем, он снова стал грубо подгонять:

— Шевелись, Мара.

И тут она не выдержала, взглянула на него и проговорила:

— Зря вы так, дядя. Что если я стану королевой? Ведь все возможно. И что тогда? Подумайте об этом, дядя.

Меркель даже отшатнулся, и такой у него проскочил странный взгляд, словно он испугался. Потом натужно расхохотался и выдавил:

— Да...ааай Бог. Кхम्म...

И закашлялся. Мара прошла мимо него и бросила:

— Куда идти? Показывайте.

Он молча пошел вперед, уже без понуканий. Только один раз зыркнул на нее острым режущим взглядом. Наконец они пришли.

— Жди здесь, я сейчас, — сказал Меркель, оставив ее перед крыльцом какого-то дома, а сам вошел внутрь.

Так глупо. Мара мечтала от него избавиться, а тут осталась одна, и вдруг стало страшно. Однако дядя не солгал, вернулся почти сразу. С ним вместе был какой-то мужчина. По виду зажиточный, но об остальном судить было трудно, кто их знает, горожан. Мужчина спросил:

— Это она?

— Да, — кивнул дядя и повернулся к ней. — Иди сюда, Мара.

Что?! Этого еще не хватало!

— Никуда я не пойду, — сказала Мара, глядя на них.

Видно было, что Меркеля распирает от злости, однако он сдержался.

— Твои платья, — процедил он. — Они здесь. Их еще надо подогнать.

Несколько секунд она смотрела на них и не трогалась с места, наконец дядя процедил:

— Мы. Опоздываем. Завтра ты должна быть в королевском замке.

Мара подумала, что дядя Меркель уж слишком боится опоздать к началу отбора, значит, вряд ли оставит ее здесь. Преодолевая неприятное чувство, она все-таки вошла.

Внутри дом был довольно зажиточно обставлен. Судя по всему, хозяин торговец, однако слишком у него был уверенный и острый взгляд для торговца. И отточенные движения. Ее отвели в комнату, и там действительно было несколько платьев. Все сшитые по последней моде.

Смущало то, что и дядя, и тот мужчина вошли вместе с ней.

— Пусть мадхен** снимет накидку, — проговорил мужчина. — Целиком. Надо видеть, где подгонять.

— Мара, — мотнул головой дядя.

Не хотелось, но она сняла.

— Необычный цвет волос, как лунное серебро, — проговорил мужчина. — Все как он зака...

Дядя громко кашлянул, они переглянулись. Нехорошая усмешка появилась на губах торговца, однако он поклонился ей и проговорил:

— Мадхен, прошу, встаньте сюда. Надо снять мерки.

Откуда-то сбоку возникла служанка, стала суетиться вокруг нее. А мужчины отошли в сторону и о чем-то тихо переговаривались. Как

Мара ни прислушивалась, ничего не разобрала. Наконец служанка сняла и записала все ее мерки.

— Ну что? — спросил дядя.

А торговец заверил:

— Все будет готово до утра.

Мару поразило то, что он даже не заикнулся об оплате. Она все думала об этом, когда они вышли. Потом пришла к выводу, что Меркель мог оплатить все заранее, или как-то еще.

— Очнись, Мара, мы пришли, — раздался недовольный голос дяди.

Она вскинула глаза, перед ними была таверна. Меркель толкнул дверь и пошел вперед, ворча на ходу:

— Давай, заходи. Теперь еще взять комнату и ужин. А завтра...

Дальше она не расслышала. И честно говоря, Мара так вымоталась за этот день, что ей было все равно. Главное, что Меркель взял для нее отдельную комнату. Она даже ужинать не стала, сразу забралась в постель и заснула.

глава 3

Утром ее разбудили очень рано. Мара совсем не выспалась, чувство было такое, как будто только закрыла глаза, и вот уже вставать. Но Меркель подгонял опять. Не успела она одеться, как он влетел в ее комнату, внося тревожность. Тут же прошел к окну и стал вещать:

— Быстрее, не тяни время. Мы должны обязательно успеть сегодня на отбор.

А ей как раз принесли завтрак. Каша была горячая, она ела осторожно.

— Мне что, давиться, дядя? — в сердцах сказала Мара, а потом спросила уже другим тоном: — Я не понимаю, к чему такая спешка?

Он не ответил, только зло зыркнул на нее и вышел из комнаты. Но в дверях обернулся и бросил:

— Сейчас должны принести твои платья. Наденешь розовое.

И вышел.

После такого какой завтрак, кусок не полезет в горло! Но она все съела, потому что неизвестно, когда удастся поест в следующий раз. Дядя не солгал, сундук с ее платьями доставили очень скоро. Но еще раньше в ее комнату принесли лохань, и горячую воду. Мара не стала задавать вопросов. Если уж Меркель расщедрился для нее на горячую ванну, это надо использовать. Мылась очень быстро и все равно получила огромное удовольствие.

Однако настал момент одеваться. И тут Мара поняла, что не наденет это розовое. Да, оно было эффектное, но слишком открытое. Черта с два, подумала Мара и стала перебирать остальные платья. Выбрала наиболее закрытое серое, из плотной ткани. Даже не из скромности, а потому что это платье было самое теплое. Оделась с помощью местной служанки, которую дядя прислал ей в помощь.

Кроме платьев там была еще новая накидка, отороченная мехом и расшитая узором по подолу. Красиво, конечно, и дорого. Но вот туфли к этому всему предусмотрены были только одни. Глядя на них, Мара чертыхнулась про себя, похоже, на этом дядя сэкономил.

А потом просто надела свои башмаки. Они у нее были еще крепкие. Пусть не изящные, ничего, под платьем не видно.

Она как раз закончила одеваться, когда вошел дядя. Глянул на нее и выпалил:

— Почему не надела розовое?

— Потому что оно не подходит.

Казалось, он сейчас вспылит, но Мара сказала:

— Мы разве не торопимся?

Меркель со свистом выдохнул сквозь зубы. Но два молодца из прислуги замерли в дверях, оживляя приказаний. В конце концов Меркель мотнул им головой, чтобы выносили сундук. А ей сказал:

— Выходи, — и сам первый вышел из комнаты.

* * *

Выехали они сразу, как только сундук приторочили на запяжки повозки. И опять Меркель погнал лошадей, но дорога уже была намного ровнее. Не так трясло, и Мара чувствовала себя лучше. Она даже успела вздремнуть.

А к полудню, как и планировал ее опекун, они въехали в столицу Хигсланда Лендрио. Повозка покатила по улицам города, Мара выглядывала в окно, высматривая королевский замок. А его было видно издалека. Каменная громада возвышалась на холме, словно утес. Мара была здесь когда-то и уже видела все это, но почему-то, чем ближе они подъезжали, тем ей становилось тревожнее.

Наконец, примерно полчаса спустя они въехали в ворота замка. Она отмечала про себя и флаги, развешанные по стенам, и опущенный подъемный мост, на котором зачем-то были вставлены две тумбы. Здесь царило оживление, сновал народ.

Но не успела она толком рассмотреть все, как их вышел встречать распорядитель отбора. Дядя сразу направился к нему, вытащил из-за пазухи бумагу и показал на повозку, в которой она сидела.

— Мара-Элизабета Хантц.

Дядя говорил ему что-то еще. Надменный придворный слушал, уставившись в бумагу, потом перевел на нее пристальный взгляд. Мара вдруг почувствовала себя кроликом в садке, а он снова уставился в бумагу и кивнул.

Дальше все было быстро. Дядя выгрузил ее и сундук с платьями и тут же уехал.

А она осталась посреди двора одна!

Распорядитель оглядел ее внимательно, потом знаком приказал, чтобы забрали ее сундук, и сухо произнес:

— Мара-Элизабета Хантц, вы приняты на королевский отбор.

Вот и как все это было понимать?

К чему было вот так гнать? И почему Меркель умчался, как будто под ним земля горела?

* * *

Распорядитель отбора развернулся и пошел вперед, постукивая посохом. А она постояла, а потом быстро пошла за ним, понимая, что она попросту не ориентируется здесь и не знает, куда идти. И без того ничего не понятно, не хватало еще потеряться.

Пока шла распорядителем, все думала, глядя на его спину. Значит, дядя не лгал, когда говорил про отбор. Но вел себя так странно и так поспешно уехал, что это наводило на нехорошие мысли. Он буквально бросил ее и сбежал, как будто очень торопился. Куда и почему, спрашивается, так спешил Меркель Хантц? Додумать она не успела.

Они все это время двигались куда-то по коридорам замка, а тут вдруг остановились перед двустворчатой дверью. Распорядитель стукнул посохом, оттуда вышла высокая сухая дама в глухом темно-зеленом платье.

— Мара-Элизабета Хантц, — проговорил распорядитель. — Разместить... Кхम्म. На королевский отбор.

Странная оговорка почудилась Маре. А эти двое сначала переглянулись, потом сухая дама смерила ее высокомерным взглядом и процедила:

— Меня зовут матрес* Елена Фоурм, и я отвечаю за порядок в крыле для претенденток. Следуйте за мной.

Теперь ее повели в крыло, специально отведенное для претенденток. Коридор, по обе стороны двери. Эта матрес Фоурм двигалась впереди и цедила сквозь зубы:

— На время отбора вам положена комната. У нас есть комнаты, в которых девушки живут по двое и по трое.

Мара хотела сказать, что ей неважно, пусть хоть по трое. Она же понимала, что лучшие условия здесь у богатых невест. Но тут сухая дама, которую Мара мысленно окрестила палкой, неожиданно повернулась к ней и сказала:

— Но вас мы поместим в одноместную комнату.

Надо же. Мара изумилась, с чего ей, интересно, такая честь?

Все стало ясно, когда она увидела комнату. Крохотная каморка с видом на задний двор. Сюда же принесли ее сундук. Дама высокомерно проговорила:

— Располагайтесь. На обед вы уже опоздали. Ужин в семь.

И удалилась, шурша юбками.

* * *

Мара осмотрелась в комнате.

Не так уж плохо. По крайней мере, тут есть стол и кровать. И даже кое-какие удобства. Все-таки королевский замок.

Почти сразу после ухода матрес Фоурм к ней постучалась служанка. Сообщила, что ее зовут Гизел и что она приставлена к ней до конца отбора. Спросила, есть ли пожелания, но Маре честно ничего не хотелось. Разве что есть. Но ей прямо сказали, что поесть она сможет только на ужине. Очевидно, здесь заботятся о том, чтобы претендентки не переедали.

— Спасибо, ничего не нужно, — сказала Мара. — Я устала и хотела бы лечь.

Служанка помогла ей распустить шнуровку на платье и удалилась не особо довольная. Возможно, ожидала какого-нибудь подарка? Но тут уж что делать, «щедрый» дядюшка ей ни одной монетки не оставил. Только то, что она взяла из дому сама, а это было немного.

Оставшись одна, она разделась окончательно и улеглась в постель. Сейчас чуть больше двух, до ужина почти пять часов, можно было спокойно поспать. Но заснуть сразу не удалось. Она так и лежала с закрытыми глазами.

И вдруг услышала шорох за дверью. И голоса. Мара напряглась, прислушиваясь.

глава 4

Говорили мужчина и женщина, но очень тихо, слов не удалось разобрать. Ей почудились интонации этой матрес Фоурм. Потом послышался тихий смех. Шаги.

Что это было?

Она присела на кровати, нахмурилась, а сон как рукой сняло. Хотела выглянуть, но передумала. Что она може предъявить? Кто бы там ни был, они ведь могли просто секретничать. И что с того, что у ее комнаты? Тут целое крыло претенденток, и у всех двери выходят в этот коридор. Почему обязательно принимать это на свой счет?

В конце концов, она снова опустила голову на подушку.

Уже давал о себе знать голод, а до ужина еще далеко. И надо было все-таки попытаться заснуть. Некоторое время Мара еще прислушивалась, потом усталость взяла свое, она уплыла в сон.

* * *

За дверью ее комнаты действительно происходило нечто интересное.

Говорили двое, смотрительница крыла претенденток матрес Елена Фоурм и помощник распорядителя. Он тут присутствовал тайно.

— Эта? — спросил мужчина.

— Такие волосы только у нее.

— Почему не в розовом была, как условились?

— Ну, откуда мне знать? — шикнула матрес Елена и закатила глаза. — Платье могли не успеть доставить, оно могла порваться. Мало ли что может произойти с этими неряхами?!

— Хммм, хмммм, — мужчина пометил что-то в своих записях. — Она у нас идет в жены барону Малгиту? Он заранее оплатил заказ.

— Да. Старый черт, уже четырех молодых жен схоронил, все ему мало!

— Нам какая печаль? Может, ей даже повезет, и старый барон помрет раньше? Останется богатой вдовой.

Раздался приглушенный смех. Они отошли к следующей двери, помощник смотрителя что-то черкал в своих записях. Некоторое время царило молчание, потом смотрительница крыла претенденток проговорила:

— Я все-таки волнуюсь, что если король узнает...

— С чего бы? А если и так? Вон их сколько, он их в лицо не запомнит даже. Пусть хоть любую забирают, хоть всех сразу. Женится-то наш король все равно на принцессе из Грихвальда.

И снова засмеялся.

— Это да, но все же... — вздохнула дама.

Кому как ней ей было знать, что королевский отбор — это прекрасный способ обогатиться. Жаль только, очень редко случается. И потому надо стремиться использовать все шансы. И она старалась. Очень старалась. Но в этот раз честную даму почему-то преследовало странное предчувствие и беспокойство.

Хотя с чего бы? Непонятно.

Отбор проводится как дань традиции, не более того. Иллюзия равенства. Зато это прибавляет королю любви и популярности среди подданных. Каждый захудалый рыцарь может прислать свою дочь на отбор, приглашения, как заведено исстари, рассылаются всем.

Но на самом деле, на ком женится его величество, известно с самого начала. Выбор не особенно велик, реальных претенденток всего двое: принцесса Амелия из Грихвальда и Истелинда, дочь главного королевского ловчего. Амелия дочь короля, а Истелинда необычайно красива. Но, как бы ни была прекрасна дочь ловчего, его величество склонится в пользу династического брака, он куда более выгоден короне.

Остальные же девицы будут нарасхват. Уже сейчас на них идет охота.

Многие королевские рыцари и придворные присматривают тут жен. Выбрать себе невесту с королевского отбора не только престижно, но и выгодно, каждой участнице в качестве приза полагается небольшое, но вполне достойное денежное вознаграждение.

А другим, тем, кто может себе это позволить, девушку подбирают заказ. Вот как в случае с этой Марой-Элизабетой Хантц, у которой такие необычные волосы.

Но рискованно... Ох, как рискованно.

Все надо провернуть идеально, чтобы комар носа не подточил. Ни одно, даже маленькое пятно не должно лечь на репутацию будущей избранницы. Ибо ей предстоит стать королевой Хигсланда и родить наследника престола. Любые подозрения, кривотолки, все это моментально поставит под вопрос право наследования.

Здесь, в стенах этого крыла, Елена Фоурм лично отвечала за каждую.

Однако за его пределами, смотрители ответственности не несут, если вдруг какая-то девица возьмет и опозорит сама себя, Или предпримет какой-нибудь легкомысленный шаг и потеряет доверие.

Или выйдет замуж.

* * *

А в это время Мара-Элизабета Хантц преспокойно спала.

Проснулась только к пяти, и то, потому что явилась служанка, помогать ей одеться к ужину.

Спросонья ее немного знобило, и приходить в себя было трудно. Служанка все время тарахтела и торопила ее, а ей хотелось послать все к черту. Но Мара пересилила себя и стала собираться.

Пока она умывалась, Гизел успела застелить постель и разложить поверх все ее платья.

— Что наденете, мадхен Хантц?

Вообще-то, платьев было не так уж много, вероятно, у других девиц этого добра побольше. Мара неохотно оглядела все, взгляд остановился на розовом, и Гизел тут же показала на него:

— Вот это? Оно самое модное.

А ей почему-то не хотелось. Наверное, потому что дядя настаивал, чтобы она надела именно его.

— Нет. Вон то, голубое.

Платье тоже было красивое. И не такое открытое, как розовое. Квадратный вырез каре был отделан узкой полоской вышивки, и такая же вышивка шла по низу рукавов. а по подолу рисунок был крупнее. В остальном же никаких излишеств.

— Вот это? Что ж, я сейчас подготовлю его.

Сейчас? Мара скептически посмотрела на складки и заломы на платье, образовавшиеся, оттого что оно лежало сложенным в сундуке. Она же ничего нормально разгладить не успеет. Надо было делать это все раньше, благо времени было полно. Но сейчас поздно спохватываться, сама виновата, проспала весь весь день.

— Хорошо. — сказала она. — Но впредь постарайся готовить платья заранее.

Гизел аз покраснела от злости.

— Разумеется, мадхен Хантц.

Поклонилась ей и вылетела из комнаты. Вернулась с утюгом, пыхтела и громыкала, но справилась действительно быстро. Разложила платье и проговорила:

— Вот.

Мара посмотрела на служанку и проговорила:

— Спасибо, Гизел. Руки у тебя просто золото.

Девушка неожиданно смешалась, выдавила неловкую улыбку и сказала, шевельнув крупными кистями:

— Ну что, мадхен, будем одеваться? А то уже время.

Потом она одевались. Платье село идеально, не солгал тот торговец. Почему-то воспоминание о нем было неприятным.

Чем ближе подходил момент, тем больше Мара начинала нервничать. И хоть она и говорила себе, что это просто ужин. Возможность вкусно поесть, не более того. Там будет столько народу, что ее, никто в этой толпе не заметит. А все равно волнение поднимало голову.

Служанка укладывала ее волосы, а она невидящим взглядом смотрела в зеркало. Наконец та сказала:

— Вот, мадхен. Готово.

Мара невольно замерла, глядя на себя. Непривычно. Волосы были уложены в широкую сложную косу. Она еще ее как-то подвернула внутрь и подколола шпильками. Прическа открывала шею и делала ее зрительно длиннее. И из-за этого она казалась себе голой. Но девушкам не полагалось никакой вуали, это замужним особам и вдовам. Пришлось примириться с новой собой.

— Красиво, — проговорила Мара.

Хотела поблагодарить, но тут в дверь постучали. Вошла сухая прямая матрес Фоурм, оглядела ее и выдала:

— Мара-Элизабета Хантц. На ужин.

И Мара пошла за ней следом, стараясь не думать о том, что сейчас она, возможно, встретится с королем.

глава 5

Когда распорядитель вел сюда, Мара не особенно успевала смотреть по сторонам. От волнения и усталости у нее все сливалось в какое-то цветистое пятно. Единственное впечатление, которое у нее осталось, это то, что здесь богато.

Сейчас она внимательно присматривалась к деталям. Поражало все. Резная мебель с инкрустациями, тяжелые ткани, затканые золотом, искусная ковка. Здесь были картины, дорогая посуда в горках.

Суровый снаружи, королевский замок блистал богатством и красотой изнутри.

Конечно, каждая из претенденток хотела бы стать хозяйкой всего этого выставленного на показ великолепия.

И еще где-то здесь, в недрах замка, должен был храниться великий Ледяной Клинок — легендарный меч, когда-то в древности давший имя династии. Говорили, будто Ледяной Клинок магический, он обладает невиданной силой и делает короля непобедимым.

Еще Мара слышала, что покойный король, отец Родхара, надевал этот меч среди прочих регалий на свадьбу, ее батюшка как-то оговорился шепотом, что на самом деле меч обычный стальной, просто узоры на нем похожи на морозные.

Любопытно было бы увидеть...

Все эти мысли мелькали в голове, только бы не думать о главном.

О том, зачем она сюда приехала.

Потому что выйти замуж за короля — это...

Она же понимала, что у нее нет шансов. Но то, что за участие в отборе дают небольшое вознаграждение, было в плюс. Если дядя Меркель своим опекунским правом не отберет, можно было бы купить пару лошадей, починить крышу и еще останется.

Ну, вот опять.

Мара медленно выдохнула.

Просто все это было неожиданно и трудно совместить с собой. Нет, каждая девушка мечтает выйти замуж. Но вот так, из медвежьего

угла, да в королевский замок? Кто на нее взглянет, когда тут в пух и прах разодетые девицы из знати.

И, кстати, к другим претенденткам Мара тоже присматривалась. Как и они к ней. Оглядели ее, оценили, но никто особо не спешил знакомиться.

Всех девушек стайкой вела на ужин матрес Елена Фоурм. Прямая как палка и еще более напышенная, чем днем. Девушки шептались меж собой, она обернулась и так глянула, что у многих охота отпала вообще открывать рот. Однако не все реагировали одинаково, было несколько девушек, одетых богаче остальных. Одна из них смирившись эту Фоурм взглядом, усмехнулась и достаточно громко сказала другой:

— Мне кажется, или кто-то здесь лишний?

А та к которой эта девица обращалась, только скривила губы в подобии улыбки.

Вот они, истинные королевы отбора, подумала про себя Мара. И тут, словно по заказу, матрес Фоурм повернулась в ее сторону и уставилась на нее, как будто это она тут главный зачинщик беспорядков. Мара постаралась опустить глаза и не нарываться. Вовсе не хотелось чтобы та именно на ней сорвала свое неудовольствие.

— Если вы все обсудили, извольте следовать дальше, — сухо проговорила смотрительница. — Потому что в противном случае вы опоздаете. А опоздавшие останутся без ужина.

Видимо, угроза подействовала. На Мару, у которой посте той каши, съеденной рано утром, во рту маковой росинки не было, так уж точно.

— Мы поняли, матрес Фоурм, — сладко пропела та самая девица. — И не хотим опоздать.

— Я надеюсь, — процедила дама.

Повернулась и пошла вперед.

Дальше они двигались уже молча. И очень скоро смотрительница привела всех их в просторный зал, где был накрыт длинный и широкий стол. Ряды стульев с обеих его сторон, приборы. И больше ничего.

Фоурм встала в центре и сказала:

— Прошу к столу. Против каждого места пригласительные с вашими именами. Как только вы займете свои места, подадут ужин.

Как Мара и подозревала, место ее оказалось в самом хвосте стола. Поближе к двери и подальше от того торца, где стояло резное кресло с высокой спинкой.

Место для короля? Значит, они увидят его за ужином? Сразу всколыхнулось волнение, Мара стала незаметно оглядываться, другие девушки тоже все время с интересом посматривали в ту сторону.

Однако матрес Фоурм велела:

— Начинайте.

Слуги стали разносить угощение, ужин начался, а королевское кресло так и пустовало. Кольнуло легкое разочарование. Однако быстро прошло, она принялась за еду.

И вдруг отворилась дверь.

В Зал стремительно вошел высокий смуглый черноволосый мужчина и твердым шагом пошел к столу. И Мара застыла, не донеся ложку до рта, потому что это и был король Родхар.

А мужчина, проходя мимо, на секунду замер, скользнув по ней взглядом.

И тут же пошел дальше.

Резко отодвинул свое кресло и сел за стол.

Воцарившаяся было при появлении короля тишина тут же взорвалась ахами и вздохами. А Мара сидела, опустив глаза в тарелку. Потому что ей невольно вспомнилось, как когда-то во дворе принц Родхар со свитой из щебечущих разряженных красавиц прошел мимо нее и не заметил.

С тех пор не изменилось ничего.

Хотя нет. Изменился он сам. Теперь это был мужчина. Уверенный в себе, властный, резкий. Одним словом — король.

Она украдкой взглянула в тот дальний конец стола, где сидел король и, что уж греха таить, наиболее вероятные фаворитки отбора. Король любезно говорил с одной из них и одновременно улыбался другой очень красивой девице, сидевшей напротив. В этом было что-то ужасно циничное.

Мара медленно выдохнула, взяла отставленную ложку и принялась есть.

Наверное, это было даже хорошо, что она сидит в хвосте. И до дверей ближе, и среди всех этих девиц ее почти не видно. Вот, кстати, о девицах.

Она вспомнила, как зовут ту, с которой король говорил так любезно. Гизел рассказывала ей. Это принцесса Амелия из Грихвальда. Наиболее вероятная кандидатка в королевские невесты. А та красавица, которой он улыбался, Истелинда, дочь главного королевского ловчего. И... Нет, Мара ничего не хотела сказать, но это очень удобно, выбрать сразу и жену, и любовницу.

Тем временем, слуги стали разносить горячее. И это тоже было очень кстати, потому что той небольшой порции Маре не хватило, чтобы насытиться. Только она принялась орудовать ложкой, как тут же поймала на себе взгляд матрес Фоурм. Пришлось изобразить подобие улыбки, но на каменном лице дамы ничего не отразилось в ответ.

Похоже, эта матрес Фоурм будет бдить за ними даже во сне, подумала она и принялась есть дальше. И одновременно, чтобы не слышать смеха девиц другой стороны стола, постаралась припомнить, что Гизел рассказывала ей об остальных претендентках.

Та, пока ее причесывала, говорила много чего. Но, к сожалению, у Мары в тот момент образовалась такая каша в голове, что она ничего толком не запомнила. Надо бы снова расспросить служанку обо всех. Но уже поподробнее.

— Вы не передадите мне горчицу?

Вопрос прозвучал неожиданно. Мара подняла глаза, к ней обращалась девушка, сидевшая напротив.

— Да, конечно, — проговорила она.

Взяла набор с судочками и передала через стол. А потом снова принялась за еду. И вдруг как будто почувствовала что-то, перевела взгляд в дальний конец стола.

Король смотрел прямо на нее.

глава 6

Волосы. Это было первое, что ему бросилось в глаза. Необычный цвет привлек внимание.

Девушка сидела с самого краю стола, значит, дочь простого рыцаря из какого-нибудь медвежьего угла. Возможно даже без земли и наверняка без приданого. Мелькнула не оформившаяся мысль и угасла.

Король прошел дальше.

У него был трудный день. Эти бесконечные счета, прошения, доносы и подати, с которыми приходилось весь день разбираться. Теперь еще надо было оказывать внимание претенденткам. Отбор только начался, а уже основательно ему надоел.

К тому же, он хотел есть.

Но только Родхар сел за стол, как тут же начались ужимки, вздохи и закатывание глазок. Впрочем, в общении с девушками тоже была своя прелесть. Если их не слушать, они радуют глаз, как, например, Истелинда.

Однако на грани сознания все время бродила одна и та же не оформившаяся мысль. Девушка в самом конце стола. Он точно не видел ее при дворе. Если бы видел, запомнил. Но эти волосы...

К сожалению, сейчас он располагал временем.

Позже надо будет разобраться, откуда она.

* * *

Так неожиданно... Мара застыла, встретившись с этим опасным мужчиной глазами, и в первый момент даже растерялась. Как сейчас себя вести? Наверное, это невежливо просто никак не отреагировать?

Однако беспокоилась она зря.

Его величество Родхар просто перевел взгляд на дверь, встал и направился к выходу. И в этот раз он прошел с другой стороны стола, так, что она даже его не видела. Но в какой-то момент, когда его шаги

раздались за ее спиной, Маре вдруг показалось, что она почувствовала его взгляд.

Она еще больше опустила голову и почти уткнулась носом в тарелку.

Твердые шаги прозвучали дальше, дверь закрылась. Когда Мара наконец выпрямилась и подняла глаза, сразу же столкнулась взглядом с той девушкой, что просила передать ей горчицу. Та смотрела на нее прищурившись, словно подозревала в чем-то.

Мара сделала вид, что не заметила.

Тем более, что стоило королю покинуть зал, смотрительница отбора матрес Фоурм сразу же объявила:

— Ужин окончен. Прошу всех встать и следовать за мной.

Повернулась и направилась к дверям.

Пришлось с сожалением отложить ложку, у нее в тарелке еще пара кусочков оставалась. И похоже, не только она не успела доесть, потому что раздался легкий ропот. Смотрительница немедленно обернулась и взглянула на них, словно коршун на цыплят, Ропот стих.

А Фоурм встала в дверях, наблюдая, как девушки выходят. Можно было поклясться, что она считала их по головам.

* * *

Обратный путь до крыла претенденток уже казался короче, однако Мара заметила, что на нее теперь странно косятся некоторые девушки и сама эта матрес. Но. Она была сыта, и это главное. С остальным можно было начинать разбираться завтра.

В комнате ее встречала Гизел. И, разумеется, пока та помогала ей с платьем, расплетала косы и расчесывала волосы на ночь, Мара узнала много нового об участницах отбора. А также о том, что завтра им предстоит прогулка по саду перед замком, которую почтит своим появлением король.

— Там еще будут рыцари и придворные, — загадочно поиграв бровями, сообщила служанка.

— Очень интересно, — проговорила Мара.

Без всякой задней мысли, просто так. А девушка сразу оживилась.

— Да, мадхен! — заговорила она с придыханием. — Вы там не зевайте, присматривайтесь, может, найдете себе кого побогаче в мужья. Говорят, с отбора никто просто так не возвращается, все выходят замуж!

И захихикала.

Странная ассоциация у нее вдруг возникла, Мара даже не успела понять, что к чему.

Но вот с переодеванием было закончено, служанка удалилась, пожелав ей спокойной ночи. И она наконец осталась одна. Улеглась в постель, а сон не шел. Не привыкла она так празднично проводить время, да и днем выпалась. Лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок.

Вдруг шорох.

Она мгновенно замерла, напряженно прислушиваясь, даже дышать перестала. Мыши? Еще шорох. Нет, это не мыши! Ей показалось, что за дверью кто-то стоит. Но ведь здесь никого не должно быть, правда? Мара моментально слетала с постели и отворила дверь.

Прямо против нее стояла матрес Фоурм.

— Вы? — удивленно выдохнула Мара.

А смотрительница очевидно не ожидала, потому что отшатнулась, и что-то такое непонятное проскользнуло у нее во взгляде. Неуверенность какая-то и страх. Но она мгновенно овладела собой, вскинула голову и строго произнесла:

— Почему вы до сих пор не спите, мадхен Хантц?

— Я пыталась, — оглянулась на раскрытую постель Мара.

А эта дама немедленно уставилась на ее постель тоже. Словно хотела высмотреть, не прячет ли Мара там любовника. Ноздри раздулись, как будто она что-то вынюхивала.

Наконец смотрительница произнесла:

— Девушкам на отборе положено вовремя ложиться спать. Иначе завтра бы будете «радовать» глаз свои помятым видом и дурным цветом лица. Вы этого хотите, мадхен?

— Э... нет, — Мара поняла, что дешевле согласиться.

Дама еще раз обвела взглядом ее комнату, и только после этого ушла.

И зачем она приходила?

Что за такой странный интерес к ее скромной особе?

* * *

Утром их разбудили очень рано.

Маре было не привыкать, но если кто-то думал поспать подольше, у него бы все равно не было шансов. Потому что матрес Фоурм самолично прошлась по все комнатам и подняла всех по команде, как солдат.

Сразу следом за смотрительницей пришла Гизел и принесла завтрак. Оказалось, что только ужины у них будут проходить в большом королевском зале. Завтракают они у себя, обедать будут здесь же. В крыле для претенденток для этого есть свой обеденный зал.

— Вот поэтому, мадхен Мара, так важно не пропускать ужин, — доверительно сообщила служанка.

Она также сообщила, что потом, (когда потом, Мара не поняла, а она не стала пояснять), к ним на ужине будут присоединяться лорды. Какие лорды, зачем? На все эти вопросы служанка только таинственно улыбалась.

И еще Гизел сказала одну интересную фразу:

— После сегодняшней прогулки прояснится многое.

Объяснения этому, разумеется не было тоже.

— А теперь, мадхен, давайте побыстрее одеваться. Выбирайте платье, вы сегодня должны красиво выглядеть.

Все это звучало странно. Однако Мара решила, что у нее слишком уж развилась подозрительность, и она видит опасности там, где их скорее всего нет. И потому — да, девушка была права. Надо одеться и поторопиться, иначе заявится эта прямая как палка матрес и снова будет ее отчитывать.

— Какое платье, мадхен?

Вчера, пока она была на ужине, Гизел успела подготовить все ее платья. И теперь она смотрела и думала, что надеть. Покрасивее... Невольно вспомнила того высокого и властного смуглого мужчину и неожиданно для себя показала на розовое.

— Вот это.

— И прекрасно, мадхен! Оно самое красивое. Помяните мое слово, вам в нем обязательно повезет!

Служанка еще долго тарахтела, одновременно помогая ей одеться и причесывая. Волосы она на этот раз убрала со любя назад. Часть перехватила лентами, а основную массу оставила распущенной. И сказала:

— Вот, смотрите, так красивее.

Не успела Мара ответить, как дверь отворилась. Вошла матрес Фоурм, на секунду застыла, впившись в нее взглядом, потом сказала:

— Мара-Элизабета Хантц, следуйте со всеми на прогулку.

И вышла. А Мара за ней.

В этот раз их опять вели всех вместе по коридорам, только уже в противоположную сторону. И когда они приблизились к выходу, их окружила стража. Так, в сопровождении вооруженных воинов, они сначала проследовали по вымощенному камнем и присыпанному соломой внутреннему двору замка, а потом подошли к окованной арочной двери в наружной стене.

Пока дверь отпирала большим ключом, матрес Елена Фоурм повернулась к ним, оглядела всех и сказала:

— Я надеюсь, на прогулке вы будете вести себя достойно и не опозорите себя.

У Мары от этого предупреждения глаза на лоб полезли.

Однако широкая, окованная железом арочная дверь уже открылась, и они по одной стали заходить в сад.

глава 7

Поскольку Мара стояла в хвосте, ее очередь проходить подошла одной из последних. Каждую из девушек матрес Фоурм провожала таким цепким взглядом, как будто они преступницы. Пришлось ждать, и пока ждала, Мара все переваривала странную фразу смотрительницы.

Что значит, не опозорите себя? Так странно звучало, как будто они все вот прямо сейчас, с порога, начнут совершать какие-то непотребства и непристойности. И стража рядом откровенно смущала. Как будто их ведут не на прогулку в сад, а в застенки.

К тому же, все это тянулось слишком долго.

Мара стала незаметно оглядывать высокие шпили и крыши замка. Вот крыши так крыши, каменная черепица идеальная уложена. Нет, на такую ей не хватит в любом случае, можно даже не мечтать.

Наконец подошла и ее очередь заходить в сад, она шагнула за дверь и невольно замерла. Все-таки королевский сад был сказочно красив. Тут как будто был другой мир, Мара засмотрелась.

— Мадхен, проходите, вы задерживаете остальных, — прозвучал сзади тихий голос стражника.

Она тут же опомнилась и отошла в сторону стайки девушек, восторженно оглядывавшихся вокруг. Все они о чем щебетали друг с другом и даже выглядели дружелюбнее, чем вчера на ужине.

Но вот в дверном проеме появилась матрес Фоурм. Возникшее было ниоткуда хорошее настроение так же в никуда и исчезло. Мара уж думала, что эта дама и дальше будет бдительно следить за каждым их шагом, однако смотрительница опустила на скамью недалеко от входа и заявила:

— Можете прогуливаться по саду, но не делайте ничего такого, чтобы мне пришлось за вас краснеть!

Еще и платочком им махнула для верности. Мара поверить не могла, это означало — свобода? Однако и тут были свои нюансы. Потому что, оставшись предоставленными сами себе, претендентки отбора немедленно разделились на группки. И сразу стало ясно, кто с

кем и против кого будет дружить. Судя по тому, как на нее косились после вчерашнего, Мара поняла, что с ней не будет дружить никто.

Ну, что ж. Так, наверное, даже лучше. Можно спокойно пройтись по саду и насладиться красотой.

Дома у Мары был крохотный садик, покойная матушка любила возиться в цветнике. Отец даже однажды привез ей черенок розы. Это было настоящее сокровище! Как Маре все время хотелось подойти и понюхать драгоценные цветы...

Зимой куст вымерз. Но на следующий год папа привез еще, потом его берегли, как зеницу ока. Этот куст жив до сих пор.

А тут была целая аллея из розовых кустов. И другие аллеи с кустами жасмина и сирени, азалии, спирея и барбарис и еще многое другое. Все это перемежалось живой изгородью из ровно стриженной бирючины и туи. Аллеи между собой пересекались, из одной в другую вели дорожки. Искусно созданный прекрасный лабиринт, королевский садовник постарался на славу. Здесь можно было бродить целый день и любоваться красотой.

Группки девушек стали разбредаться по саду. Мара некоторое время плелась в хвосте, потом свернула влево на боковую дорожку и дальше шла вдоль стены, увитой плетистыми розами. Красота, яркие цветы, все эти дурманящие ароматы, ветерок, пение птиц. При желании можно было представить себе, что она тут совершенно одна.

Единственное, что сейчас немного омрачало существование — это новые туфли. Впереди по правую руку была беседка, вся оплетенная вьющимися розами. О, это было именно то, что нужно. Мара добрела до беседки, зашла туда и уселась на скамейку. А потом с наслаждением скинула туфли и прикрыла глаза. Вот теперь счастье было полным.

Но только она расслабилась, как рядом послышались шаги и в беседку вошли двое.

Король. И с эта красавица Истелинда, дочь ловчего. Он вел ее под руку.

Мара так и застыла, уставившись на них, и не сразу сообразила, что надо надеть туфли. Истелинда кривилась и демонстративно смотрела в сторону, а король смотрел прямо на нее. Его тяжелый взгляд скользнул по ней, оглядывая всю с головы до ног и задержался на...

Боже, когда Мара поняла, куда он смотрит, быстро сунула ноги в туфли. Истелинда проводила ее испепеляющим взглядом, а она пробормотала:

— Прошу прощения.

И бочком пошла к выходу.

А потом, все убыстряя шаги, устремилась подальше оттуда.

Шла и морщилась, испытывая досаду. Невольно вспоминались слова этой противной матрес Фоурм:

«Я надеюсь, на прогулке вы будете вести себя достойно и не опозорите себя»

«...но не делайте ничего такого, чтобы мне пришлось за вас краснеть»

Так глупо!

Да если бы она знала, что туда кто-то войдет! Стоило представить физиономию смотрительницы, хотелось закрыть глаза и застонать. Показать босые ступни в одних чулках! Все-таки она умудрилась повести себя неприлично.

Но было и другое.

Она прекрасно поняла, с какой целью его величество собирался уединиться в беседке с этой Истелиндой. Не трудно было догадаться, что она сорвала им свидание. Ну уж простите! Она же не знала. Иначе близко не подошла бы к их любовному гнездышку.

С другой стороны, было так обидно. Эта матрес чуть ли не по головам их считает и даже во сне контролирует, а тут — такое. Профанация какая-то, двойной стандарт.

От всего этого остался неприятный осадок.

Правда, Мара так и не могла понять, что же именно обижает ее больше.

Она быстро шла по дорожке, опустив голову, и чуть на наткнулась на кого-то. Немедленно остановилась и вскинула голову. И на всякий случай, попятилась назад.

Перед ней стоял мужчина, уже пожилой, но еще молодящийся. Видно было и по его модным сапогам, и по отороченному мехом камзолу, и по аккуратно прилизанной прическе. Мужчина разглядывал ее с таким умилением, словно она диковинная кукла или лакомство какое-то.

А вокруг никого, только цветущие заросли.

Ей вдруг стало страшно. Снова вспомнились слова матрес Фоурм, не самые приятные мысли полезли в голову. Она здесь с этим человеком одна. Возможно, Истелинде и сойдет с рук, а если ее вот так застанут, а она точно не отмоется.

— Здравствуйте, — проговорила Мара.

И стала осторожно пятиться назад, понимая, что бежать нельзя, это может спровоцировать в нем инстинкт охотника. А тот, словно услышал, вдруг шагнул к ней. Улыбка расплылась в пол лица.

Она уже хотела наплевать на все и бежать, но тут за ее спиной раздался резкий голос:

— Малгит? Кого-то ищешь здесь, барон?

Король!

Так попасться... Боже! Она сразу обернулась и застыла. Родхар был один, без Истелинды. Смотрел на мужчину, а ее как будто и не замечал вовсе. Маре казалось, что ледяные иглы впиваются в позвоночник.

— Э... Сир, я искал вас, — проблеял этот престарелый барон и стал раскланиваться.

А король прошел мимо нее, остановился, искоса взглянув в ее сторону. А потом повернулся к барону и грозно вскинул бровь.

— Ну?

Тот начал бормотать что-то о пошлинах и торговле. Мара не стала дослушивать. Как только мужчины заговорили между собой, она бегом припустилась по дорожке и остановилась только когда вышла на самую широкую аллею.

глава 8

Ох как она неслась! Она и сейчас на чувствовала себя в безопасности. Но здесь было довольно много девушек — участниц отбора, и Мара, стараясь не привлекать внимания, пошла медленнее. Теперь надо было успокоить бешено колотившееся сердце и дыхание.

Она сделала вид, что разглядывает выюнки на шпалере, а сама стала осторожно оглядываться. И тут столкнулась взглядом с матрес Фоурм.

Какое у той было лицо!

На нем отражались одновременно недоумение, злость и паника. Смотрительница оглядела ее, а потом нервно дернулась и стала шарить глазами по сторонам. А Мара потихоньку переместилась ближе к группке девушек, окружавших Амелию, принцессу Грихвальда, и поздоровалась.

На нее покосились и едва кивнули. Но сейчас это было не так уж важно, главное, что она уже не одна. Не так опасно. Немного отлегло от сердца и отпустил страх, зато тупой иглой стало колоть разочарование. Всего одна прогулка, и столько неприятного. А ведь так хорошо начиналось. И вся эта красота...

Померкла разом, когда она увидела, как к ним приближается в окружении нескольких девиц красавица Истелинда. Дочь главного ловчего смотрела прямо на нее. Ее прищуренный взгляд не сулил ничего хорошего.

А Мару зло взяло. Она вскинула подборок, оглядела красавицу и отвернулась. И тут заметила, что в саду, оказывается, прогуливаются и другие мужчины! В отдалении виднелось несколько фигур. Но как же так?

Только вроде немного успокоилась и отошла, а тут снова начала накатывать паника. Ей здорово повезло. Ведь если бы не король, неизвестно что могло произойти.

Она невольно стала искать взглядом короля, а его нигде не было видно. Сделала еще несколько шагов по инерции и услышала окрик:

— Мадхен? Вы что, под ноги не смотрите?

На нее неприязненно смотрела девица, которой Мара чуть не наступила подол.

— Простите, — извинилась Мара.

Но та уже отвернулась, демонстративно отдернула платье и вместе с двумя другими девицами двинулась дальше. А до Мары донеслись реплики:

— Вылезают из медвежьих углов!

— Не понимаю, зачем посылать приглашения кому попало?

— Такова традиция, вы же знаете.

Ну и пусть, подумала она и двинулась в обратную сторону.

И тут откуда-то сбоку на широкую аллею стремительным шагом вышел Родхар Айслинг* — Ледяной Клинок. Опять она натолкнулась на него взглядом и замерла на месте. А тот, не глядя по сторонам, прошел мимо и направился прямо к выходу.

Мара еще смотрела, как высокая мощная фигура исчезает за дверью, когда смотрительница громко объявила:

— Прогулка окончена! Тех из вас, кто еще остался на отборе, прошу следовать за мной!

Что? Почему она так сказала. Мара стала с недоумением оглядываться, однако пошла со всеми. И уже по пути из разговоров поняла, что двух девушек во время прогулки застали в весьма двусмысленных ситуациях. Теперь им предстоит либо с позором вернуться домой, либо принять предложение соблазнивших их лордов.

— Но увы, — тихо говорила одна из девиц. — Им теперь придется попрощаться с приданым. Такое им родня не простит.

— Я думаю, все не так страшно, — парировала другая. — Всегда можно по-родственному договориться.

Мара слушала, и у нее на глаза на лоб лезли. Получалось, она просто чудом избежала позора?

* * *

Когда добрались до крыла претенденток, матрес Фоурм объявила:

— У вас есть полчаса, чтобы привести себя в порядок, а потом будет обед. После обеда до ужина время в вашем распоряжении. Постарайтесь потратить его с пользой. Потому что перед ужином...

Матрес взяла паузу. Обвела всех взглядом и как-то странно уставилась на Мару.

А дальше было еще лучше.

— Вас отведут в большую гостиную, — матрес снова взяла паузу и даже понизила тональность голоса, а потом резко добавила: — И я очень надеюсь! Что вы будете вести себя достойно.

Звонящая тишина повисла после ее слов. Девушки нервно переглядывались, а Мара невольно вспомнила произошедшее в саду и похолодела. Убедившись, что произвела на всех должное впечатление, смотрительница сказала:

— А теперь можете расходиться по комнатам. И прошу меня не беспокоить просьбами в эти полчаса, я очень устала.

Первое, что пришло Маре в голову — а так можно было?

Потом она подумала, что в последнюю очередь обратилась бы к этой сухой неприятной даме с просьбой. Впрочем, это уже не имело значения, потому что она добралась до своей комнаты. Там ее уже ждала Гизел и сходу набросилась с вопросами:

— Ну как, мадхен? Все прошло хорошо?

Хорошо? Если учесть все нюансы, наверное.

— Да, — Мара через силу улыбнулась. — Помоги мне снять это платье.

Легое замешательство отразилось на лице служанки, но она тут же справилась с собой и засуетилась:

— Ах, конечно! Простите, я такая недогадливая.

Стала распускать шнуровку и помогать ей снять платье. И попутно задавала осторожные вопросы.

— А что, мадхен, королевский сад так красив, как про это говорят?

— Да, сад очень красив, — сказала Мара. — Очень.

И очень опасен.

— И... кхम्म... вам там никто не понравился?

— Кого ты имеешь в виду? — Мара резко обернулась.

— Ну, — служанка повела бровями. — Наши девушки говорят, что в сад позволяется заходить лордам.

Мару как кипятком ошпарило. А служанка вдруг сказала, очень проницательно глядя ей в глаза:

— Вы уж простите, мадхен, но невестой нашего короля станет только одна. А остальным надо подумать о будущем и присмотреть тут себе мужа побогаче.

Сразу вспомнился тот старикан, кажется, его звали барон Малгит. Ценный совет. В этом было столько голой правды, что Мара даже нашла в себе сил обидеться. С определенной точки зрения, и даже наверное, служанка была права.

Однако пауза затянулась.

— Подай мне серое платье, — проговорила она. — И сделай что-нибудь с волосами.

До обеда всего полчаса, не стоило злить смотрительницу опозданием.

* * *

Матрес Фоурм действительно требовался отдых. А еще ей нужно было хорошенько все обдумать, потому что она пребывала с серьезных сомнениях. Два дела прошли удачно. А эта мадхен Хантц...

У нее просто голова пухла.

Почему сорвалось, когда все было выверено до мелочей? Как теперь быть?! Ведь старый барон Малгит половину оплатил заранее. Он может потребовать деньги назад, а у нее просто пальцы поджигались, когда она об этом думала.

Но больше всего матрес Елена Фоурм боялась, что дело всплывет. Если все это дойдет до короля, она может оказаться крайней.

И тогда...

Думая об этом, она уже готова была вернуть барону задаток. Но пальцы сжимались...

Те несчастные полчаса, которые эта честная дама могла себе выделить на отдых и размышление, пролетели моментально. Она кряхтя встала, чтобы отвести претенденток на обед.

А за обедом все присматривалась к этой Маре Хантц и гадала, что же на самом деле произошло, почему же налаженное дело сорвалось? Потом решила, была не была.

* * *

В этот раз им велено было подготовиться на час раньше.

И все равно оставалось лишних два часа времени, которое надо было как-то убить. А Мара совершенно не привыкла бездельничать. Дома всегда было столько работы, а тут совершенно нечем заняться. Она прилегла не раздеваясь прямо поверх покрывала и попыталась уснуть.

Ничего не вышло, только повертелась зря. И была даже рада, когда явилась Гизел. А та стала раскладывать платья и бодро заявила:

— Пора одеваться, мадхен! Какое выберете?

Какое? Мара не знала. Было там одно синее со вставками. Довольно красивое, но не такое яркое, как розовое. А ей как раз и хотелось быть как можно меньше заметной.

— Вот это.

Но неожиданно это платье оказалось идеальным. Глубокий синий цвет скрадывал все лишнее и подчеркивал фигуру, она казалась в нем еще стройнее. Светлая кожа, светлые волосы, все это сильно бросалось в глаза. Наверное, из-за контраста.

— Вы такая красивая, мадхен! — выдала служанка, подкалывая в прическу последние пряди. — Вот увидите, вам обязательно повезет.

— Дай-то Бог, — пробормотала Мара.

За этим их и застала смотрительница. Оглядела ее и произнесла:

— Мара-Элизабета Хантц, следуйте за мной.

И Мара вышла за ней следом, думая о том, что теперь может ждать ее гостиной, какая опасность?

глава 9

Ну вот, теперь их на две меньше, подумала Мара, увидев участниц отбора. Девушки теперь выглядели серьезнее, очевидно, тоже сделали соответствующие выводы. Самой же Маре это все напоминало охоту. Как будто стая волков загоняет отару, отделяя овечек по одной. А главный волк, высокий, сильный, темноволосый... Следит за охотой и развлекается.

Пока шли опять по коридорам, в голове вертелось много разного.

Сначала она не могла понять, почему король позволяет кому-то охотиться на его территории. Но после слов служанки поняла, он уже наметил себе добычу. А остальные ему не нужны. И да, наверное, Гизел была права, надо подумать о будущем и присмотреть тут себе мужа побогаче. Но ее мутило от этой мысли.

Но вот наконец они остановились в холле перед высокими резными деверями, и матрес Фоурм сперва оглядела пронизывающим взглядом каждую, а потом начала:

— В королевской гостиной...

Ох, как она нервничала.

Утреннее происшествие в саду не давало ей покоя. Надо было хоть немного прояснить ситуацию. И за те два часа, что у нее оставались перед походом в гостиную, она постаралась найти барона Малгита и выяснить у него, почему сорвалось. Но старый перечник ничего толком не смог сказать, кроме того, что когда он только собирался приступить к выполнению плана, ему встретился король.

Когда Елена Фоурм это узнала, у нее чуть не случился сердечный приступ.

— И??? — спросила она, не в силах продохнуть.

Ведь если ее снимут с отбора и с позором отошлют, плакали тогда ее денежки. Она останется без должности и без пенсии. Но из того, что рассказывал Малгит, получалось, что король просто спугнул девчонку. Та убежала, и все.

Все ли?

Матрес Фоурм никак не могла составить точного представления, произошло это случайно, или... Вот это «или» заставляло ее беспрестанно вздыхать и хвататься за сердце.

Однако, если бы король что-то заподозрил, он бы выдал какую-нибудь реакцию? Наверное. А раз тишина, то... Она выдохнула еще раз.

— Будьте внимательны и не теряйте голову. Я ясно выражаюсь? — проговорила смотрительница.

Ответом ей были нервные смешки и нестройный хор голосов:

— Да, матрес Фоурм, конечно.

— Вот и хорошо. Следуйте за мной.

После таких предупреждений, Маре стало казаться, что та ведет их в клетку с хищниками. Однако они ступили через порог, и ее опять нахлынуло то же чувство, что и в королевском саду.

Первый взгляд, и уже хотелось охватить все.

Большая королевская гостиная представляла собой огромный двухсветный зал. Туда из холла вела широкая лестница с красивым резным ограждением. Мара еще никогда не видела такой искусной работы. В противоположном конце зала был камин, такой большой, что в нем полыхало целое дерево.

Резные панели из мореного дуба по стенам, охотничьи трофеи, дорогое оружие. Свечи горели везде. В высоких напольных подсвечниках, в широкой тяжелой люстре. Но откровенно поразил Мару мозаичный пол, здесь из цветных каменных плит был выложен самый настоящий рисунок.

А вот кресел было всего два. Одно, как Мара поняла королевское, а для кого же другое, додумать не успела.

— Внимательно смотрите под ноги, — раздался голос смотрительницы. — И не создавайте толчею на лестнице.

Предупреждение последовало вовремя. Потому что в спешке можно было наступить на подол.

Король пока отсутствовал, но в большой королевской гостиной уже было несколько мужчин. Они стояли у стен и смотрели на них снизу вверх. Это еще больше усиливало впечатление охоты.

Мара осторожно спустилась одной из последних. Когда все оказались внизу, смотрительница проговорила:

— Можете прогуливаться по залу и ожидать его величество.

И многозначительная пауза.

После этого она отошла к стене и присела на крохотный выступ под панелью. А их, значит, снова предоставили самим себе. Прогуливаться не особо хотелось, но не стоять же в центре. Опять вспомнилось, что ей советовала Гизел, и Мара стала осторожно приглядываться к мужчинам в зале.

В конце концов, в словах служанки был резон.

Группа девушек, к которой она попыталась примкнуть медленно перемещалась по залу. Все они рассматривали дивный декор, и тут, кстати, выяснилось, что пространство под лестницей имеет довольно широкий сквозной проход. И около этого прохода она увидела того самого старикана, с которым едва не столкнулась в саду.

Мара чуть не шарахнулась в сторону. Но вовремя опомнилась, таким поведением она только лишнее внимание привлечет. А этот старикан буквально поедал ее глазами.

Боже, подумала она и стала мелкими шажками переходить в противоположную сторону, чтобы скрыться за спинами других девушек. Почти удалось.

Но в это время отворилась дверь зала. На верхней площадке лестницы появился король и быстро сбежал по лестнице.

Это было странно завораживающее зрелище. Родхар напомнил ей ветер. Рослый, сильный, широкоплечий мужчина быстро и ловко двигался. Мара вдруг почувствовала, что не может тронуться с места, застыла, глядя на него.

А он ступил с последней ступени на пол и безошибочно нашел взглядом ее.

* * *

В следующий миг король уже смотрел в другую сторону и уверенно шел вперед. Стремительный, недоступный. Ее как будто обдало волной его силы, но эта волна уже пронеслась, и Мара вдруг почувствовала себя выброшенной на песок.

Она тут же одернула себя и пожала плечами, глупо было принимать это на свой счет.

Остальные участницы отбора немедленно потянулись за королем и уже окружили его, щебеча что-то восторженное. Мара, конечно же, присоединилась ко всем. Но вперед лезть не стала, короля обступили, и ей пришлось бы протискиваться и работать локтями, а этого не хотелось делать. К тому же непонятное чувство никуда не ушло.

Потому она осталась стоять с краю толпы девушек, жаждущих королевского внимания, и стала незаметно оглядываться. И тут же столкнулась взглядом с матрес Фоурм. Та уже не сидела на приступочке, но это и понятно, сидеть в присутствии короля допускается только за столом, или кому он позволит сам. Странно было другое, смотрительница выглядела нервной и буквально прожигала ее пристальным взглядом.

Мара невольно поежилась. С чего бы спрашивается, такое внимание к ее скромной особе. Или она делает нечто противоречащее правилам приличия? Стоило об этом подумать, сразу вспомнились ее утренние похождения в саду. Знала бы матрес, что она сняла туфли в беседке и в таком виде попала на глаза королю...

Она отвела взгляд и стала смотреть в другую сторону. Но там был этот престарелый барон, кажется, Малгит. Увидел, что она него смотрит, и изменился в лице. Заулыбался, шагнул ближе. Пусть это было сто раз невежливо с ее стороны, Мара немедленно отвернулась.

А вокруг его величества, тем временем, образовался плотный кружок. Разумеется, тут были фаворитки отбора, принцесса Амелия и леди Истелинда, а так же другие девицы, имевшие возможность похвастаться знатностью и богатством. Но сейчас к этой группке присоединились и мужчины придворные. И Мара стала прислушиваться к разговору.

А оттуда доносились голоса и басовитый и звонкий мужской смех. Король даже смеялся по-особенному. Или ей это казалось? Между тем, один из богато одетых придворных проговорил:

— Сир, во времена вашего батюшки отбор проходил намного веселее. Устраивались состязания, охоты и балы.

Уверенный тон, едва обозначенный поклон и легкий смешок. Все говорило о том, что этот крепкий мужчина лет пятидесяти пользовался особым расположением его величества.

— Ах, батюшка!.. — хихикнула Истелинда.

На нее неодобрительно покосилась принцесса Амелия, а Мара поняла, что это и есть главный королевский ловчий.

— Да что ты, Белмар? Не боишься объявлять вслух, насколько ты древний? — жестковато пошутил король.

— Нет, ваше величество, — поклонился тот, — Потому что в те времена я был мальчишкой пажом. — Но я в любом случае готов пожертвовать собой, лишь бы у девушек была возможность показать свои таланты.

Король засмеялся, откинув голову.

— Таланты, говоришь? Что ж будет им и охота, и балы!

И направился к своему креслу. Сел в него и оглядел всех. На секунду, ровно на один миг его взгляд, острый, как укол клинка, остановился на Маре. Или это ей показалось. Может быть.

Потому что он уже повернулся к принцессе Амелии и с любезной улыбкой пригласил ее сесть рядом. И тут же заговорил с главным ловчим о том, что хорошо бы устроить охоту прямо завтра.

— Раз уж девушки жаждут показать во всей красе свои таланты.

А вот эту фразу Родхар произнес, глядя на Истелинду. Та немедленно заулыбалась и горделиво повела плечом.

Ну вот, вроде бы и все? Интересы короля обозначены предельно четко. Впрочем, она ведь знала с самого начала. Теперь главное, продержаться до конца отбора, получить свое вознаграждение и...

Мара уже представляла, как будет заниматься починкой крыши, как вдруг услышала резкий королевский окрик:

— Малгит! Что ты там прячешься под лестницей? Подойди сюда, барон!

Она сжалась от неожиданности и похолодела.

— О, нет, сир, я не прячусь, — проскрипел барон, оглядываясь на проем под лестницей.

— Вот и хорошо, — с нажимом проговорил Родхар. — Иди сюда и повтори, что ты утром рассказывал про подати.

Барон подошел, начал что-то лепетать. Король слушал слушал его, но смотрел при этом на нее, а его тяжелый взгляд ощущался кожей. Все это выглядело так странно, но не продлилось долго.

Мажордом доложил, что ужин готов.

В этот раз за ужином должны были присутствовать лорды. Это делало обстановку более раскованной и одновременно более напряженной. Мужские разговоры, смех, хищный блеск глаз, все вместе действовало на нервы.

Мара уже сто раз сказала себе, что Гизел была права, и к лордам надо присмотреться, а за столом это будет сделать удобнее. Но, убей Бог, ей хотелось закрыть глаза. Еще матрес Фоурм все время зыркала в ее сторону, что тоже не добавляло уверенности и спокойствия.

Когда вошли в большой зал, стало ясно, что здесь произошли изменения. Места за столом для участниц распределялись не совсем так, как вчера. Появилось больше приборов, Мара сразу поняла, что это для лордов. Но если за каждой участницей место было закреплено, то остальные места оставались свободные.

Но вот смотрительница произнесла:

— Прошу к столу. Занимайте свои места и не задерживайте его величество.

По заведенному при дворе Айслингов протоколу отбора, сначала за стол садились дамы, потом занимал свое место король. И только после этого предлагалось сесть лордам.

Девушки расселись быстро. Сразу вслед за этим прошествовал к своему креслу король. Рядом с ним, естественно, сидели фаворитки отбора, а Мара заняла свое место в дальнем конце стола. Ей почти ничего не было видно за головами, но так даже лучше, привычнее и надежнее.

Оставалось только дожидаться, когда рассядутся лорды, и начнут подавать ужин. Она уже приготовилась поесть относительно спокойно, потому что от всей этой нервной обстановки у нее живот подвело. И тут увидела, что прямо против нее садится барон Малгит.

Честно? Стоило увидеть его улыбку, у нее возникло такое чувство, как будто она в ловушке. Кулаки сжались, она опустила голову и спрятала руки под стол.

— Что ты там делаешь, Малгит?

Прозвучало резко и неожиданно.

— Я... сир? — забормотал тот.

Все разом замерли и подались назад. Теперь короля было хорошо видно, и почемуто стало тревожно.

— Иди сюда, поближе, барон! А то я тебя оттуда плохо вижу, — насмешливо проговорил Родхар, опершись локтем о стол.

— Да, да, сир... Я сейчас. Благодарю!

Барон засуетился, ища место поближе, а Мара выдохнула с облегчением.

А в зале появились слуги, стали разносить еду. Мужчины занялись разговорами о предстоящей охоте. Она немного расслабилась и наконец смогла поесть с аппетитом. Можно было считать, что ужин прошел хорошо. Но когда они поднялись из-за стола, король вдруг громко проговорил:

— Матрес Фоурм! Проследите, чтобы все участницы были готовы к началу охоты.

И Мара невольно напряглась. Потому что обращался он к смотрительнице, а смотрел при этом на нее. Это был быстрый взгляд и какой-то... Слишком острый.

* * *

Потом матрес Фоурм вела из обратно в крыло претенденток, и все время вздыхала так тяжело, что одна из девушек не выдержала, спросила, не плохо ли ей. Смотрительница разом вызверилась на всех, и дальше они двигались молча.

Уже там в крыле, перед тем, как отпустить их всех спать, матрес Фоурм строго предупредила:

— Подъем будет ранний. Кто проспит, останется без завтрака, — и обвела всех взглядом. — Я надеюсь, вы все умеете ездить верхом?

Выдержала паузу и добавила:

— Потому что в противном случае, вам придется сидеть в поле и ждать, когда охота закончится. И, — теперь смотрительница почему-то уставилась на нее. — Я надеюсь, вы все будете вести себя пристойно!

После таких наставлений Мара просто стрелой неслась в свою комнату.

глава 10

Еле она ступила за порог и выдохнула, как тут же пришлось отвечать на вопросы служанки. Гизел помогала ей снимать платье, а у самой рот не закрывался.

— Ну что, мадхен, как прошло? Говорят, там были лорды?

Да что же это такое! Маре просто хотелось взвыть, но она кивнула:

— Были.

И добавила, вспомнив о том, что ее волновало:

— Лорд Белмар упомянул, что раньше отборы проходили веселее. И предложил его величеству устроить охоту.

— И что король? — служанка аж замерла, забыв, про то, что надо расчесывать Маре волосы.

— Король согласился.

— Это же хорошо! — воодушевилась та и сразу задумалась, глядя в сторону. — Жаль, мадхен, что у вас нет с собой красивого костюма для охоты.

— Да, — с досадой проговорила Мара. — Это потому что пришлось собираться слишком быстро. Ничего, поеду в том, что есть.

Гизел глянула на нее серьезно и сказала:

— Мадхен, ну вы там осторожно. А то будет скачка, неровен час, зацепитесь за ветку, обтреплется подол.

Об этом Мара думала тоже. Как и о предупреждении смотрительницы. Она уже стала всерьез рассматривать возможность отсидеться в поле, пока будет идти охота, во всяком случае, платье уцелеет. И уж сидя в поле у всех на виду, она точно не сможет сделать ничего непристойного.

В конце концов, она махнула на все рукой и легла пораньше, чтобы проснуться вовремя. Потому что, если проспит, с матрес Фоурм станется оставить ее без завтрака.

Во сне ей снились волки.

Большая стая, голодные. Они наступали со всех сторон, их глаза горели угольками во тьме. Было так страшно, она уже слышала их шумное дыхание и звериный запах. Мара отступала, пятилась куда-то в темноту.

Сено за спиной. Откуда она знала, что сено за спиной? Ведь она не могла обернуться.

И вдруг! Словно факелы осветили перед ней круг, и в этот круг неожиданно впрыгнул огромный черный волк. Он был самый страшный! Мара хотела бежать. А он так страшно зарычал, скаля огромные зубы, и пошел на нее. И она замерла на месте.

Надвигался, а у него когти! Широкая грудная клетка от тяжелого дыхания ходила, как кузнечные мехи, глаза горели злобой, из страшной пасти вырывалось рычание.

Вот... Он уже близко! Рядом совсем! Сейчас он ее сожрет...

Волк подошел вплотную и начал ластиться к ней.

* * *

Дальше она ничего не видела, все подернулось темнотой. Но кошмар так подействовал на нее, что она даже во сне чувствовала себя измученной. Утром едва нашла в себе силы проснуться. И то, потому что с утра пораньше ее бесцеремонно разбудила Гизел.

— Вставайте, мадхен Мара! Иначе останетесь без завтрака, а охота может затянуться надолго.

Она села на кровати, потирая шею и все еще вспоминая свой кошмарный сон. К чему это было? Дали знать себя усталость и вчерашние ощущения, или сон был вещий?

Потом быстро встала, умылась и съела принесенный служанкой завтрак. А та, пока Мара ела, успела сообщить ей все последние новости. И в частности:

— Наши сказали, что другие девушки будут одеты красиво, — она многозначительно вскинула палец. — Значит, надо тоже нужно! Так что, мадхен, выбирайте лучшее из того, что у вас есть.

У Мары и так мозги были заморочены, она еще в себя не пришла с ночи. Наверное, потому и сказала:

— Хорошо, давай тогда розовое.

Служанка сразу разулыбалась.

— Вот и правильно, мадхен! И давайте уже одеваться, а то матрес Фоурм сейчас придет.

И стала быстро запихивать ее в розовое платье. Пока одевались, пока служанка накручивала ей на голове плотные косы, Мара не раз усомнилась в своем выборе. Но менять сейчас что-либо уже было поздно. Она попросту не успеет переодеться, и неизвестно потом, что выкинет смотрительница.

Действительно, только-только Гизел успела ее закончить с прической, явилась матрес Фоурм. Увидела ее платье, застыла, глядя на нее как-то странно, потом, словно очнувшись, нервно сглотнула и проговорила:

— Мара-Элизабета Хантц, следуйте за мной.

Уже который раз Мара слышала от нее эту сухую формулу, и каждый раз у нее мороз продирает по коже.

* * *

Смотрительница шла впереди, прямая как палка, Мара за ней. Часть девушек, участниц отбора, уже стояли в холле. Но тут были не все.

— Ждите здесь, — проговорила матрес Фоурм.

А сама отправилась за оставшимися девицами. Понятно за кем, не хватало двух фавориток отбора. Пока смотрительница отсутствовала, девушки косились друг на друга, оценивая наряды и потихоньку переговаривались. Мара особо не вслушивалась. Но да, про себя отметила, что Гизел не солгала, все постарались принарядиться.

Ждать пришлось довольно долго.

Очевидно, для кого-то тут все-таки были особые условия, потому что появились обе претендентки с опозданием. И да, тут было на что посмотреть. Сначала вышла Красавица Истелинда в эффектном костюме для верховой езды. Маленький черный дублет, оставлявший открытыми шею и грудь, едва прикрытую тонкой батистовой сорочкой. И ярко-красная юбка.

По толпе девушек пронесся вздох зависти и восхищения. А Истелинда горделиво оглядела всех. На секунду задержала взгляд на Маре, шлепнула хлыстиком по ладони и брезгливо поморщилась. Последней появилась принцесса Амелия. Принцесса была одета строже, во все черное, но тоже смотрелась весьма эффектно.

Мара вдруг ощутила себя такой дурой. Все эти ее потуги, розовое платье...

Но зато теперь все были в сборе. И пока они, плавно двигаясь по коридорам замка, выбрались наружу, настроение понемногу пришло в норму. Потому что...

Ясное утро, день обещал быть солнечным. Охота вот-вот должна была начаться. Но прежде каждой участнице полагалась лошадь. У некоторых девушек из знатных семей лошади были свои. Остальным предоставили из королевских конюшен.

Король со свитой и лорды стояли в стороне. Оттуда слышались шум и гомон, смех, рожки и лай собак. Маре казалось, что она слышит в этом шуме тот особенный смех сильного уверенного в себе мужчины. Хотя, конечно, ей лучше было подумать о том, чтобы поскорее получить лошадь. Потому что почти все девушки уже были верхом, а мужчины начали проявлять нетерпение. Не стоило задерживать.

Конюх как раз вывел смирную на вид почтенную рыжую лошадь, и Мара собиралась уже подойти. Однако тот сказал:

— Нет, мадхен, это не для вас.

Ну что ж, нет, так нет, Мара отошла в сторону. И тут конюх окликнул ее. Она повернулась и не поверила своим глазам, он вел под уздцы небольшую изящную лошадку серебристой масти.

— Вот ваша, мадхен, извольте.

Она изумилась, оглянулась даже, нет ли ошибки.

* * *

Родхар искоса наблюдал за тем, что происходит на конюшне, а сам посмеивался шуткам и нетерпеливо притопывал. И лишь один раз король замер, глядя, как конюх подводит лошадь девушке в розовом

платье. Он специально подобрал для нее кобылку такой же масти, как и ее волосы.

Но вот она села в седло. Король медленно выдохнул и дал отмашку.

Охота началась.

глава 11

Король выступил первым, за ним свита, лорды, псары с собаками. И, конечно же, они, участницы отбора. Все это шумное, гомонящее стронулось с места в один миг, но пока что шагом. Потому что прежде следовало выехать за город в поле, и там уже начнется основная забава.

А пока двигались по улицам города, было хорошо заметно заметно, насколько все девушки по-разному держатся в седле. Для одних ездить верхом было привычным занятием, а кто-то кособочился на лошади, словно курица на заборе.

Король был не один. Красавица Истелинда ехала слева от него рядом со своим отцом, главным королевским ловчим и звонко хохотала над какими-то шутками. Принцесса Амелия, восседая верхом на гнедом жеребце, молча ехала справа.

Обе время от времени бросали друг на друга быстрые ревнивые взгляды. Глядя на них, Мара подумала про себя, ведь все очевидно, правда? И обе вынуждены были с этим мириться. Хорошо, что ее это не касается.

* * *

Процессия растянулась. Замыкали ее стража и повозка, в которой тряслась матрес Фоурм. А Мара старалась держаться ближе к середине, не вырываться вперед, но и не отставать, ее серебристая кобылка шла ровно, легко переставляя тонкие ноги и вскидывая небольшую изящную голову.

Пусть семья Мары была небогата, и сама она не слишком искушена, но даже она понимала, что такая лошадь может стоять целое состояние. Ехала и терзалась сомнениями, не произошла ли какая-то ошибка. Впрочем, если даже произошла, в этом не ее вина.

Разумеется, ее лошадь заметили. Многие обращали внимание на редкий серебристый окрас и провожали Мару неприязненно-

завистливыми взглядами. Но это можно было перенести. Главное, что старый барон Малгит торчал где-то поблизости от короля.

Но вот процессия выбралась за городские ворота, можно было уже переходить на небыструю рысь. Все это было интересно и невольно будило азарт. Им еще предстояло немного проехать по хорошей дороге, а дальше они свернули в сторону поляны, невдалеке от которой начиналась опушка леса.

Здесь уже все было подготовлено, для тех, кто намеревался ждать, был разбит маленький походный лагерь. Для тех, кто хотел перекусить, расставлены столики и даже установлена палатка с королевским штандартом. Мара еще удивилась, зачем здесь палатка, ведь король, кажется, не собирался задерживаться. Или она чего-то не поняла? Но спрашивать не стала.

А матрес Фоурм решила охоту переждать. Она устроилась у одного из столиков, но прежде, конечно, прочла им нотацию. Это уже даже не обижало, потому что стало привычным. Она пропустила слова смотрительницы мимо ушей и стала оглядываться по сторонам.

Видно было, что уже мужчины готовятся. Значит, вот-вот, и уже надо будет выезжать. Мара не удержалась, искоса взглянула на короля. Зачем? Не знала сама.

Он пил вино из кубка, слушал, что говорила леди Истелинда и улыбался уголком рта. Но смотрел на нее. Мара смутилась, этот взгляд поверх кубка... самый настоящий волчий. К счастью, в этот момент подали сигнал к началу. Король отбросил кубок, хлестнул коня и первым понесся к лесу.

Несколько долгих секунд она так и стояла в растерянности, потом поскакала вместе со всеми.

* * *

Впереди была солнечная опушка, а дальше вся эта огромная толпа с гиканьем врезалась в лес. Дамы со смехом неслись наперегонки. Мару тоже захватил общий порыв. И поначалу все было понятно.

Ей ведь приходилось бывать на охоте. Отец, когда был жив, иногда брал Мару с собой ее, а матушка оставалась дома. Правда собак у них было всего две, но одна настоящая борзая. Мара невольно

улыбнулась воспоминаниям. В них было солнечно и светло, почти как...

Но вокруг уже было не так светло и солнечно.

Лес неожиданно обступил их со всех сторон и укрыл тенью. А вся огромная толпа охотников растянулась и рассредоточилась группками. Король со свитой сразу же умчались вперед, и сейчас она могла видеть только отдельных всадников слева и справа, но не особо удавалось разглядеть кто есть кто.

Ее серебристая кобылка неслась так резво, что Маре приходилось успевать лавировать между стволами и уворачиваться от веток, норовивших хлестнуть в лицо или зацепиться за платье. Слишком быстро! Но и остановиться, сбавить ход она не решалась. Незнакомый лес вокруг, если она останется одна, рискует заблудиться. Лучше не упускать из вида тех, кто сейчас рядом.

Постепенно направление движения немного сместилось в сторону, теперь ей казалось, что они забирают влево. А впереди был небольшой прогал, и там мелькнула группа всадников. Мара успела заметить красную юбку. Значит, там Истелинда.

А где Истелинда, там король.

Или наоборот.

Неважно.

Уже через пять минут трудно было сказать, где именно сейчас король, потому что лай собак теперь несся отовсюду. И она могла поклясться, что он все ближе. В какой-то момент Маре показалось, что стая несется прямо на нее. Она пришпорила лошадку и попробовала уйти вправо. Но справа, как назло, было поваленное дерево. Мара уже хотела повернуть, но лошадка взяла препятствие.

Удалось. Лай собак теперь слышался с стороне, и на некоторое время она могла сбавить ход. Дать отдохнуть лошадке и осмотреться. Потому что теперь Мара вдруг поняла, что из тех, кто прежде был слева и справа от нее, никого не видно.

Заблудилась? Черт... Однако шум охоты хоть и удалялся, но все же был слышен отчетливо. Не так уж далеко она ушла.

В конце концов, нагонит, подумала Мара и пустила лошадь шагом. Вокруг был знакомый лес. Красивый, ухоженный, чистый. Королевский. И раз уж нее есть немного времени, она решила полюбоваться. Когда еще будет такая возможность.

Высокие деревья, кружевная листва вверху, над головой в небольшой прогал между кронами виднелся кусочек неба. Справа довольно густой подлесок, так, что не продерешься, только объезжать. А слева небольшой поросший мхом овражек.

Казалось, все спокойно, но видимое спокойствие было обманчивым. Вскоре снова стал доноситься шум охоты, она даже видела, как среди стволов мелькнули темные фигуры всадников. Лай собак теперь слышался слева и все более отчетливо.

Мара подумала, что надо бы теперь придержать лошадь, а еще лучше развернуться и сдать назад. И это было последним, что она подумала.

Потому что из небольшого овражка прямо на нее вылетел волк.

глава 12

Волк был такой огромный, как в том сне, страшный!

Ее серебристая лошадка тут же взвилась на дыбы и шарахнулась в сторону. А Мара чудом удержалась в седле, но от неожиданности упустила поводья. Она вцепилась в гриву. Только бы усидеть!

Если сейчас лошадь понесет, ей конец! В этом дурацком платье и в женском седле она просто свалится. А лошадь испуганно ржала и храпела, перебирая тонкими ногами.

Волк... Волк рычал!

Было дико страшно, она просто онемела, не слышала ничего вокруг и не сводила с ошетинившегося зверя глаз. Надо суметь развернуть лошадь, и уйти раньше, чем зверь бросится. Но как же повернуться к нему спиной?!

Она почти справилась с собой. Почти...

И тут со стороны того овражка вылетел всадник! Родхар. Один! Несся, как бешеный, опережая всех своих собак. На всем скаку скатился с коня и бросился на волка с кинжалом.

Боже! КАК ей теперь было страшно!

Потому что волк и человек сплелись в единый рычащий клубок. Наверное, все длилось доли мгновения, а ей казалось — вечность. И не разобрать, что происходит. Где челюсти волка, где кинжал?! Чья это кровь?! Она не могла заставить себя тронуться с места, пока не узнает.

Но тут наконец следом вылетели своры собак и всадники. И все действительно смешалось. Крики, рев, рычание, лай собак. Это было слишком! Маре в какой миг стало дурно, а серебристая не выдержала, сорвалась с места и помчалась, не разбирая дороги.

Прямо сквозь подлесок и дальше, ныряя между стволами. Повод болтался, задевая за ветви, но Мара даже руки не могла разжать. Еще сильнее вцепилась в гриву и прижалась к шее лошади, чтобы не вылететь из седла. А ветки секли по лицу, хлестали, цеплялись за волосы и платье.

Самое ужасное, что она не видела дороги, не разбирала, куда мчится. Но лошадь, похоже, все-таки не понесла, просто сильно испугалась. И теперь она уже так безумно не мчалась, вытягивая шею.

А Мара хоть и не решалась разжать руки, чтобы поймать повод, но потихонечку стала подтягивать ее за гриву. Все время в левую сторону.

Потому что из глубины памяти вдруг яркой искрой пришло, как отец рассказывал, что под ним однажды понесла лошадь, и он все подтягивал левый повод, стараясь заворачивая ее кругами, пока она наконец не стала в полной мере слушаться поводыев. Было трудно. Они еще некоторое время так проскакали, потом серебристая все же начала сбавлять ход, а потом и вовсе пошла шагом.

Сколько все это длилось?

Может, несколько минут, но Маре показалось вечность.

Серебристая шумно дышала, бока ходили ходуном, а она просто распласталась в изнеможении на шее лошади и закрыла глаза. У нее тряслись руки от усталости и шумело в ушах.

Кажется, обошлось. Она попыталась бледно улыбнуться, не открывая глаз. Теперь только собраться с силами. Вот сейчас, немного отдохнет, придет в себя. И...

Мара поздно среагировала на шум, не успела подготовиться.

Когда сбоку вылетел всадник и буквально сшиб их, она все-таки вылетела из седла.

* * *

Первый момент удара о землю — сразу вышибло дыхание и посыпались искры из глаз. Боль от ушиба пришла только потом, но такая сильная, что не вдохнуть. В глазах потемнело.

Она только чувствовала, что пытается тормозить ее и что-то быстро причитает.

Ах... Ах... Ей слышалась возня, а глаза толком не открыть и слова не вымолвить. Ей хотелось отпихнуть от себя эти руки и сказать:

«Да подождите вы! Нельзя же так...»

Но в тот момент не было сил шевельнуться, а мутное сознание плавало в каком-то киселе. Наверное, на какое-то время Мара все-таки отключилась, потому что, когда она смогла открыть глаза, обнаружила себя уже не в том месте, а у дерева. А тот, кто был рядом, быстро сдерживал с нее платье, открывая грудь.

Как она шарахнулась, как закричала:

— Нет! Оставьте меня! Уберите руки! Нет!!!

А он, это был барон Малгит, это кошмарный старикашка, конечно, осадил немного, но равно все тянул к ней руки и приговаривал, улыбаясь ей, словно она несмышленный ребенок:

— Ну что вы, мадхен, милая, что вы. Не надо так кричать, я не причиню вам зла.

А глаза алчные. Она пыталась его отталкивать, но он был сильнее. И главное, все норовил стянуть платье!

— Сейчас мы вам поможем, да, мадхен? Вам же трудно дышать? Конечно трудно.

— Не трудно мне! — рявкнула она.

Из последних сил попыталась встать, оступилась и завалилась набок. Он тут же оказался рядом:

— Успокойтесь, милая, не надо так вырываться! Я не сделаю вам ничего дурного, я хочу жениться на вас. Мара-Элизабета, ваш дядя уже дал согласие! — выпалил он воодушевленно блестя глазами.

Очевидно ожидал, что она тут же кинется ему в объятия. А Маре дурно стало. Отвратительная догадка. Все эти платья, спешка, странные оговорки и взгляды смотрительницы...

— Мой дядя продал меня вам, — проговорила она потрясенно. — А матрес Фоурм была в курсе... А как же король?

— Не надо говорить такие вещи! — Мужчина вдруг испуганно заозирался и буквально вцепился в нее клешнями.

И было от чего. Все слышнее становился конский топот, к ним явно приближался кто-то, круша все на своем пути.

— Помните, что я хочу на вас жениться, мадхен, — успел шепнуть старый барон.

Дернул ее за платье и прижал к стволу дерева.

* * *

С самого начала Родхар исподволь наблюдал за девушкой. Она вызвала у него смешанные чувства, странные, цепляла чем-то. Не красавица, но...

На той серебристой кобылке она смотрелась идеально. Глядя на нее, король испытал горячее предвкушение сладкой охоты.

А потом увлекся охотой настоящей, и на какое-то время упустил ее из виду.

Когда опомнился, девушки нигде не было видно. Отстала? Потерялась? Он решил найти ее потом. Потому что в тот момент отвлечься было невозможно, он был слишком разгорячен охотой и гнал зверя дальше.

Когда зверь вылетел прямо на нее. Родхар чуть с ума не сошел. Бросился на волка. За тот ужас в ее глазах, готов был голыми руками рвать зверя на части. И в запале боя даже не обращал внимания на то, что происходит рядом.

Заметил только краем глаза, как рванулась с места серебристая лошадка и мелькнуло розовое платье. А следом за ней понесся кто-то из лордов. Пока добил зверя, пока выкарабкался, вскочил на коня, потерял время. А потом он гнал, как безумный.

И не зря.

Девчонка была в лапах Малгита. Серебристые волосы растрепаны, на щеке царапина, порванное платье. Родхар увидел, в каком он состоянии, и зарычал от ярости:

— Убрался от нее! Сейчас же!

глава 13

Время на миг замерло.

Боже, какой это был стыд и ужас...

Маре хотелось провалиться сквозь землю. Она же жалкая, беспомощная и грязная! Это проклятое розовое платье, наполовину сползшее с плеч, разодранный подол. Барон, вцепившийся в нее. Все смешалось. Как будто кто-то безжалостный в один миг перекроил всю ее жизнь, пустив по наихудшему пути из всех возможных.

И ей некуда было деваться, скрыться некуда!

Но тут все с мертвой точки стронулось.

— Отойди от нее! — голос короля был страшен.

Родхар наступал на старого барона, словно разъяренный зверь. А тот пятился от него и лепетал, что у него самые честные намерения и что он готов на Маре-Элизабете Хантц жениться.

— Замолчи! — зарычал Родхар и рванулся вперед, стискивая кулаки.

Малгит наконец убрался в сторону, и теперь Маре хорошо было видно, что король в крови. Заливая руку, кровь текла по рукаву, раздранным волком. Кровь была на шее. На лице ссадины... У него раны! Ему же наверное больно? Мара зажмурилась, снова встала перед глазами та дикая картина, когда он бросился на волка врукопашную.

Это было так страшно!

Но тут вернулась реальность.

Она съежилась у дерева, пытаясь как-то поправить на себе съехавшее платье. Сразу наваливалось все: осознание, боль от ушиба. Она тихонько застонала и всхлипнула, закрывая рот ладонью.

Совсем тихо, почти беззвучно.

Но он услышал. Родхар немедленно повернулся в ее сторону голову. А потом в два счета оказался рядом. Оглядел ее, Мара втянула голову в плечи, ледяные иглы побежали по позвоночнику. А король перевел на Малгита безумный и злой взгляд, видно было, что в нем еще кипит ярость боя, и угрожающе рыкнул:

— Что я тебя рядом с ней не видел!

Потом рывком подхватил ее на руки и прижал к себе. А после, так и не выпуская ее из рук, вместе с ней взлетел в седло и поскакал на своем мощном жеребце куда-то через лес.

* * *

Он прижимал ее к себе так крепко, словно она драгоценность, и несясь вперед как одержимый. А Мара была настолько шокирована всем этим, что просто затихла, невольно прислушиваясь к тому, как вырывается шумное дыхание из крепкой широкой груди мужчины, и как поют его стальные мышцы.

Куда он ее везет, что с ней теперь будет? Эта мысль пришла только потом.

И да...

Когда рядом появились другие всадники, псари и лорды и участницы отбора, вот тогда Мара в полной мере осознала, что произошло. После того, как все видели ее в разодранном платье, вырываться, пытаться высвободиться бессмысленно, она скомпрометирована безнадежно.

Вокруг уже была толпа, а король и не думал выпускать ее из рук. По-прежнему прижимал к себе, он даже словом ни с кем не перемолвился, только коротко приказал, чтобы нашли ее лошадь, и понесся на своем скакуне в лагерь.

А вокруг столько глаз, вся эта орда. Псари, лорды, принцесса Амелия, Истелинда, другие участницы с отбора. Ей даже, показалось, что где-то мелькнул барон Малгит. ВСЕ глазели на нее, и Мара не знала, что сейчас может быть хуже.

И все-таки... Она слушала шумное дыхание мужчины, стук его сердца, ее держали его сильные руки. Было в этом что-то жаркое, живое... Неизвестно, что случится в следующий миг, в тот момент она чувствовала, что нет места надежнее.

Но ничего не может длиться бесконечно.

Момент прошел.

Король наконец доскакал до лагеря перед лесной опушкой. Какими их встречали взглядами! Мара думала, матрес Фоурм в обморок упадет. Эта сухая чопорная дама рысью бежала за

королевской лошастью с вытаращенными от изумления глазами и разинутым ртом.

А король доскакал до шатра в центре лагеря и бросил поводья конюху. Вместе с ней спрыгнул наземь и понес ее на руках в шатер.

* * *

Вошел. В три шага добрался до установленного в шатре ложа, покрытого шкурами. Молнией пронеслась мысль у нее в голове — зачем тут ложе?! Шкуры?! А в следующее мгновение он уже опустил ее на ложе. Крикнул:

— Лекаря!

И вышел.

Так быстро, стремительно! Она не успела опомниться.

Почти сразу вслед за этим в шатер влетел запыхавшийся пожилой мужчина с небольшим кофром в руке. Мара дернулась, пытаясь сесть, а он велел:

— Лежите, мадхен. Я должен вас осмотреть.

И стал искать что-то в своем кофре. Это было неудобно и дико, что ее будет осматривать мужчина, да еще наедине! Казалось, хуже некуда.

Хорошо, хоть вход в шатер остался открытым, но теперь сюда могли заглядывать все. Слышались разговоры. Один раз даже мимо прошла Истелинда, заглянула внутрь и презрительно фыркнула. Мара шумно выдохнула и зажмурилась. Но тут же открыла глаза, потому что лекарь велел:

— Лежите спокойно, я должен осмотреть вас на предмет повреждений и переломов.

— Но у меня нет переломов, — попыталась возразить она. — Только ушиб.

— Вы упали с лошади. Его величество приказал вас осмотреть.

— Хорошо, — пробормотала Мара.

Казалось, этот человек ничего ужасного не делал. Он только снял с нее туфли и повертел щиколотки, потом велел сесть и проделал некоторые манипуляции, заставляя ее следить за металлическим

штифтом и двигать глазами и головой. А после сказал вытянуть перед собой руки. Выдохнул, потер лысину и заключил:

— Серьезных повреждений нет.

Только она обрадовалась, что позорная процедура закончена, как этот человек спросил, понижая голос:

— Не нанес ли вам повреждений барон?

— Что?

— Я спрашиваю, кхम्म, не посягнул ли он на вашу честь?

Мара на секунду онемела и уставилась на него, вытаращив глаза.

— Лучше будет, если вы скажете, мадхен, иначе я вынужден буду проверить.

— Нет, — смогла она наконец выдавить.

Мужчина кивнул, собрал свой кофр и коротко поклонился ей.

— Я доложу его величеству.

И покинул шатер.

Не прошло и минуты, вошел король. Бросил на нее быстрый, какой-то волчий взгляд, и отошел к столу, стоявшему у противоположной стенки шатра. И встал там, повернувшись к ней спиной.

Мара только успела сесть и спустить ноги на ковер, да так и замерла, боясь шелохнуться. Король шевельнул плечами, а она заметила, что у него рука перевязана прямо поверх одежды.

Она хотела выразить как-то свою благодарность. Честно. Ведь он спас ее.

И тут король заговорил.

— Я снимаю тебя с отбора.

Прозвучало сухо и резко. На секунду Маре стало больно, но ведь другого и не следовало ожидать.

— Да, Я поняла, — проговорила она, опустив голову. — Благодарю, ваше величество. Я уеду сегодня же.

— Ты останешься здесь.

— Простите? — ей показалось, она ослышалась.

А он ходил по шатру и говорил рублеными фразами:

— Тебе будут выделены комнаты и полный штат прислуги. Можешь рассчитывать на хорошее содержание. Лошади, украшения, меха — все это сверх того.

До нее наконец дошло.

— Простите, ваше величество...

— Что?! — Родхар резко обернулся и пошел к ней.

В какой-то момент сделалось страшно, но она все-таки спросила:

— В каком качестве я останусь?

Мужчина замер против нее и проговорил:

— В качестве моей любовницы.

Его тон, давящий взгляд... Мороз по коже.

— А как же принцесса Амелия и леди Истелинда, другие претендентки?

Король усмехнулся жестко и цинично.

— Амелия станет моей женой, это давно решено. А Истелинда, это Истелинда. Они тебя не касаются. Достаточно того, что ты будешь со мной, — проговорил он и снова отошел к столу.

Она смотрела на его широкую мощную спину и думала, как здорово все решено. Одна будет женой, другая официальной любовницей, а ей отведена роль постельной грелки. Возможно, одной из многих.

А когда она ему надоест, дорога ей будет в монастырь? Если прежде ее не сожрут его жена и официальная любовница?

Мужчина ждал, сцепив за спиной руки.

Мара сказала:

— Нет.

И тут он стал медленно поворачиваться к ней.

глава 14

Удивление и неверие в его глазах. Сейчас Родхар был похож на хищника, на пути которого неожиданно выросло препятствие. Мара понимала, что препятствие может только раззадорить. Опять стало страшно, но она все-таки сказала:

— Это огромная честь. Но я вынуждена отказаться.

Он все еще не верил. Скосил он голову набок и шагнул к ней, оглядывая с сомнением. Как слабоумную.

— Что ты несешь? — скривился. — Ты вообще поняла, что я сказал?

Конечно, она же должна была прийти в восторг и прыгать от счастья. Да только она не могла. Так глупо, столько девушек мечтали бы сейчас оказаться на ее месте.

А ей припомнился королевский сад и розовые кусты в нем. Их было множество, целые аллеи, и королю, она в этом была уверена, не было дела до этих роз. А у нее дома единственный розовый куст, тот, что отец подарил матушке. Драгоценный. И пусть в королевском саду «розы» лучше цветут и за ними неусыпно ухаживает его величество «садовник». Она предпочитала быть единственной, пусть и в худших условиях.

— Да, ваше величество, я поняла, — кивнула она, видя, как на смену удивлению приходит гнев.

А теперь предстояло самое страшное. Мара никогда не думала, что будет решать свою судьбу вот так, в один миг. И выбирать придется из двух зол.

Возможно, кто-то назовет ее дурой, но ей нужно было обезопасить себя от того хищника, что сейчас смотрел на нее. Потому что он не заметит, как сожрет ее, а потом выплюнет кости и пойдет дальше. Он — король. А она не Истелинда, она после этого просто не сможет подняться.

— Я выйду замуж за барона Малгита, — сказала Мара.

— Что?!

Боже... Он рыкнул так, что у нее зазвенело в ушах. Мара вздрогнула, потому что король сейчас был действительно страшен. А он наступал на нее медленно и давил взглядом.

— Повтори!

Она невольно зажмурилась, но повторила:

— Я выйду замуж за барона Малгита.

— За этого старого мерзавца?! Глупая, что он тебе напел?! Что ты вообще о нем знаешь?!

Из него прямо хлестало злым презрением. И тут она разозлилась, жаркий протест стал подниматься из души.

— Я знаю, что Малгит купил согласие моего дяди, — заговорила она, выталкивая из себя то, о чем раньше молчала. — И что здесь, на вашем отборе, тоже все нечисто. Иначе как объяснить, что он у вас на глазах пытался скомпрометировать меня трижды. И один раз ему это даже удалось! Но я все-таки выйду за него, потому что он предлагает мне честный брак.

«В отличие от вас».

Эти не сказанные повисли в воздухе.

— ЧТО ТЫ НЕСЕШЬ?! — рявкнул он.

Глаза горели гневом, а кулаки судорожно сжимались. Но ей уже нечего было терять, гнев и обида вытеснили все, даже здравый смысл и инстинкт самосохранения.

— Как, вы не знали, ваше величество, что у вас на отборе все продается?! И как вдруг так получается, что девушки ведут себя непристойно?! — она захохотала. — Давайте подумаем! Может быть, их специально подставляют?

«А вы на это смотрите, и вам плевать». - чуть не сказала она. Но тут инстинкт самосохранения все-таки включился.

Родхар смотрел на нее так, словно хотел растерзать.

* * *

В мозгу плыло от ярости. Он смотрел на нее и думал только об одном. Разложить ее сейчас на этом ложе и взять силой! Чтобы

закрыла свой дерзкий рот! И не смела больше никогда говорить, что выйдет еще за кого-то. Потому что она должна принадлежать ЕМУ!

Но он никогда не брал женщин силой.

И не возьмет.

Тем более — ее.

Смотрел на эти тонкие ручки и плечики, на спутанные серебристые волосы, на красную царапину, грубо прочертившую нежную щеку. Чувствовал, что в груди печет огнем, и не мог понять.

Ведь он держал это хрупкое тело в руках, и все было по-другому.

И все должно было случиться по-другому.

Но те слова, что она говорила.

Они рвали его терпение в клочья.

И чтобы не сорваться на нее, он просто вылетел из шатра.

* * *

Вылетел, а там эта толпа любопытных. Короля такое зло взяло. Внутри все еще клокотало то дикое, что девчонка в нем раздражила. Но постепенно в голову стало просачиваться понимание того, о чем она ему рассказала.

Получалось, что его низвели до...???

У него просто не было слов описать свое состояние. Что угодно он готов был услышать, только не то, что у него за спиной происходит торговля живым товаром. И он получается к этому причастен. Его просто ела досада.

Да плевать он хотел! Пусть бы его лорды продавали своих дочерей как угодно. Но у себя дома. А не у него на отборе!

И тут ему попала на глаза смотрительница отбора матрес Фоурм. Стояла, испуганно шепталась о чем-то со старым мерзавцем Малгитом. Эти двое были довольно далеко от шатра. Но Родхар сам не понял, как вдруг оказался рядом.

— Ваше величество, — присела перед ним в поклоне эта карга.

Он рыкнул:

— Прочь.

Ею он собирался заняться после. Сначала Малгит.

Старый барон попытался было испуганно попятиться от него, но Родхар был быстрее. Он просто схватил его за грудки и яростно потряхнул. А потом заорал в лицо:

— Только посмей на ней жениться!

— М... ммм... — попытался что-то промямлить тот.

— Что?! — Родхар наконец ослабил хватку.

А тот, почувствовав небольшое облегчение, выдал:

— Но если девушка согласна, ее опекун тоже, почему же нет, сир?

В глазах горело старческое упрямство, страх, глубоко запятанный мужской интерес и жадность. Ну да, он же заплатил за нее. Урод!

Кровь ударила королю в голову, он потряхнул его снова, выплевывая слова в лицо:

— Только посмей на ней жениться, и я сгною тебя за измену! Сдохнешь в кандалах, понял?!

И снова тряс его, пока тот не пошел на попятный и не заскулил:

— Я понял, сир. Понял. Понял. Сир!

Большого труда стоило Родхару разжать руки, но отпустил.

Теперь эта старая сводня, матрес Фоурм. Огляделся, ища взглядом. Где она? Смотрительницы нигде не было видно, да и вообще, вокруг короля образовалось пустое пространство. Родхар кликнул стражу:

— Найти мне матрес Фоурм и привести сюда.

Стражники бросились исполнять приказание, а он взял первый попавшийся стул и уселся на него, нервно притопывая ногой. Его придворные сгрудились в отдалении и оттуда настороженно поглядывали. Охота давно уже перестала быть развлечением. И все, что тут происходило, пахло грозой. Но уехать никто не мог, потому что король не давал разрешения. Плевать.

Лекарь подошел, в очередной раз пытаясь уговорить его:

— Ваше величество, надо перевязать раны...

— Плевать! — рыкнул он.

Лекарь испарился. А стража наконец нашла матрес Фоурм. Родхар повел шеей и поднял на нее взгляд. Женщина силилась держаться, но видно было, что ее всю трясет.

— Матрес Елена Фоурм. Только ради того, что вы когда-то были фрейлиной моей матери... — начал он.

А та уже поняла, стала заламывать руки.

— Сир, ваше величество, я ни в чем не виновата! Я не знаю, что вам про меня рассказали?! Это все клевета!

— Чтобы я вас больше не видел при дворе, — медленно проговорил он.

И вот тут она заголосила по-настоящему:

— Ваше величество! Я все скажу! Все! Только дайте мне оправдаться... Сир!

Он мотнул головой страже:

— Убрать. Под замок, пока все не расскажет.

Потом еще некоторое время сидел, успокаивая дыхание.

И только после этого снова пошел в шатер.

глава 15

Когда Мара осталась одна, в первую секунду она еще как-то держалась на выплеске эмоций. Как срезанный косой цветок, который доли секунды держится на стебельке. Потом все рухнуло, словно из нее выпустили воздух.

Как будто этот мужчина давал ей силы бороться, а без него...

Она огляделась в шатре и на секунду зажмурила глаза, потому что стала все четче обозначаться реальность. Что теперь с ней будет? Неужели она действительно согласилась выйти замуж за того старого барона?

Вспомнился дядя Меркель. Его отношение, слова:

«Отбор это шанс. Если повезет, устроишься при дворе. А нет... Кто-нибудь да на тебя позарится».

Спешка, с которой он торопился сбить ее с рук.

«Ничего лишнего с собой не бери. Кое-какую одежду купим тебе по дороге, чтобы не была оборванкой. На первое время хватит, а дальше пусть думает тот, кто на тебя позарится»

Ну вот. Позарился.

Мара мрачно усмехнулась, силясь встать. Прострелило руку, смех отдался болью в ушибленном боку. Мара понимала, что настоящая боль придет потом. И болеть у нее будет сердце. А сейчас надо просто найти в себе силы и выйти из шатра. Но ей было трудно заставить себя сделать это. Потому что тонкие тканевые стенки — последнее убежище, за которым на нее обрушится разом все.

А снаружи доносился шум. Слышно было, как король гневно распекал кого-то. Но далеко, слов не разобрать. Хотелось втянуть голову в плечи. Мара сидела, покачиваясь на на огромном, покрытом шкурами ложе, и собиралась с силами.

Вот сейчас. Еще немного, и она встанет и выйдет из этого шатра. Сейчас.

Не успела.

Раздались шаги у входа, резко взлетел кусок ткани, закрывавший вход, в шатер вошел король. Мара вскинула голову и сжалась, а он подался навстречу. На секунду они замерли, впившись друг в друга

взглядами. Странное это было мгновение, казалось, сейчас изменится что-то, и станет все хорошо.

И тут он сказал с каким-то злым пренебрежением:

— Барон на тебе не женится.

Как будто швырнул ее в омут и пристально отслеживал, как она будет барахтаться. В первый момент, конечно, был шок. Осмысление того, что за этот час ее мир перевернулся уже дважды.

Честно? Мара она даже не знала, что в данной ситуации было правильно, расстраиваться или радоваться, что она не выйдет за старого барона. Зато наваливалось осознание будущего, которое ее ждет.

— Ну, что ж, я... — начала Мара.

Мужчина зло ухмыльнулся, делая шаг в ее сторону. Сокращая пространство, заставляя ее чувствовать себя маленькой и беззащитной. Огромный страшный волк, он попросту загонял ее, как дичь на охоте. Стало дико обидно за собственную глупость. А потом она вдруг перестала ощущать боль от ушибов и как-то сами собой развернулись плечи. Теперь ей действительно терять было нечего.

— Значит, я вернусь домой.

— Так?! — его гнев был осязаемым.

— Так.

На какое-то мгновение их взгляды скрестились, подобно двум мечам. Еще немного, и полетят искры. И вдруг он развернулся и вышел.

* * *

Это был феерический позор.

Мара сама толком не помнила, как добралась сначала до замка, а потом до крыла претенденток. Ехала и старалась по сторонам не смотреть, понимая, что на нее показывают пальцами и даже не шепчутся, а громко обсуждают вслух, обсасывая несуществующие подробности.

Ну да, большей дуры на свете нет. Еще ни одну девушку не выбрасывали с отбора вот так, все чинно и благопристойно выходили замуж. Она будет первой.

Иррациональная обида на судьбу и собственную глупость все еще горела в груди, хотя, чего обижаться? Все правильно и хорошо. Сейчас главное было оказаться как можно дальше отсюда. Думать, как обустроить дальше свою жизнь, Мара собиралась потом.

В комнатке, которую ей отвели, она быстро переделалась в свое единственное платье. Хорошо, что не выбросила его, как советовал дядя Меркель. Остальные хотела вернуть барону, надо же дать ему хоть какую-то компенсацию за потраченные деньги.

Пока все это происходило, служанка причитала над испорченным розовым платьем. И вообще, причитала:

— Что же вы, мадхен, прозевали все! Мммм?! Надо было пользоваться возможностью!

— Так вышло, — сказала Мара.

Та замерла на минуту, пристально на нее глядя и выдала честно, по-простому:

— А я на вас так рассчитывала. Да что уж теперь.

Мара хотела ответить, но в этот момент дверь отворилась с грохотом. Она вздрогнула, и черт его знает, на что надеясь, обернулась. Два дюжих стражника держали сундучок. Один грозно спросил:

— Мара-Элизабета Хантц?

— Да, — кивнула Мара настороженно.

Они буквально швырнули к ее ногам сундучок:

— Вот. Вознаграждение от его величества за участие в отборе. Велено доставить.

Развернулись. Дверь снова хлопнула. Служанка метнулась было к сундучку, потом обернулась к ней:

— Мадхен...

Наверное, это неприкрытое пренебрежение и было последней каплей. Мара просто подхватила кофр, в котором были ее деньги и личные, захваченные из дома, вещи и вышла из комнаты.

— Мадхен! — крикнула ей вслед служанка. — А как же деньги?! Платья эти куда?!

— Платья барону Малгиту. А деньги, — она пожала плечами. — Верните его величеству.

По коридорам она шла не оборачиваясь. На нее косились, шептались за спиной. Ничего. Если идти все прямо и прямо, то королевский замок, хоть он и большой, можно пройти очень быстро.

Из замка ее беспрепятственно выпустили в город. Там Мара остановилась в ближайшей гостинице, потому что уже наступил вечер. А с утра вместе с первым транспортом, направлявшимся из Лендрио в сторону Даршантца, уехала домой.

Съездила на отбор.

Часть вторая. Глава 16

Обратная дорога всегда кажется короче, наверное, потому что двигаясь «туда» больше обращаешь внимания на детали и чувствуешь себя напряженно. А когда едешь обратно, просто отмечаешь уже знакомые ориентиры.

Сейчас Мара почти ничего не замечала вокруг себя, а вид за окном повозки сливался в сплошное серое пятно. Иногда ей чудился шум погони, и это заставляло ее прислушиваться и нервно вздрагивать. Но когда выехали за пределы столицы и покатали по главному тракту, ясно стало, что страхи напрасны, никто ее преследовать не будет. Странно это было состояние.

В довершение всего пошел дождь. И потому дорога тянулась долго и однообразно. Однако рано или поздно все кончается.

С опозданием в один час они прибыли в Даршантц.

В сам городок возница заезжать не стал, остановил у постоянного двора на окраине. И пока меняли лошадей, тем пассажирам, кто желал ехать дальше, была предоставлена возможность размять ноги. Можно было пройтись, или же пересидеть это время в харчевне. Прогуливаться под дождем было сомнительное удовольствие, и Мара решила зайти поесть вместе с остальными.

Обеденный зал был большой и довольно-таки закопченный, да и народ, сразу видно, простой и нетребовательный. Но в ее положении перебирать харчами не следовало.

Только Мара со своей порцией горячей похлебки устроилась за столиком и уже собралась есть, как вдруг услышала краем уха интересный разговор. И чем дальше вслушивалась, тем больше ей хотелось провалиться сквозь землю. Потому что говорили о ней.

Казалось бы! Только вчера все это произошло, а уже по всему Хигсланду судачат, что какую-то там девицу выкинули с отбора. С какой колоссальной скоростью распространяются слухи... Аппетит пропал к черту.

— Представляете, говорят, ее прогнал сам король.

— А...

— Да, — голос рассказчика понизился. — Говорят, за непристойное поведение.

Это вызвало немедленное оживление среди слушателей..

— Оооо...

— Наверное, эта девица была та еще штучка!

— Угу. И еще говорят...

Тут разговор оборвался, а рассказчик неожиданно обратился прямо к ней:

— Мадхен!

Мара попыталась сделать вид, что не слышит, но тот окликнул ее снова:

— Мадхен! Вы же едете из Лендрио?

Хорошо еще, на ней была накидка скрывавшая волосы и верхнюю часть лица!

— Да, — сказала Мара, обернувшись.

А на нее уставились с нездоровым любопытством.

— Ну, расскажите нам. Вы же наверняка знаете все про это!

О, да, она знала все. И рассказать могла сейчас, что угодно, ибо уже поняла, чем нелепее ложь, тем охотнее в нее верят. В тот момент в ней как будто щелкнуло что-то жесткое и встало на место. Однако на нее смотрели, и надо было что-то сказать.

— Я не могу ручаться, — пожала Мара плечами. — Но, говорят, на охоте на девушку напал волк.

— О...

— И после этого жених от нее отказался, а король снял ее отбора.

Практически не соврала ни в чем. Несколько секунд висело молчание, потом посыпались версии:

— Наверное, сильно изуродована?

— Ну конечно, если волк напал!

— Оно и понятно, что жених отказался, если изуродована. Да и королю-то не надобна уродина на отборе.

— Да, не повезло... Жалко девушку...

Дровишки, подброшенные в костер сплетен, сделали свое дело.

Мару оставили в покое, можно было наконец поесть спокойно. И пока ела, имела возможность убедиться, насколько быстро сплетни могут обрастать подробностями. К концу обеда по залу уже гуляло две

версия. По одной волк отгрыз девушке левую руку и правую ногу, а по другой на девушку в лесу напали разбойники.

Пусть, подумала Мара.

Главное, что сию секунду никто не свяжет этот рассказ с ней, а завтра она будет уже далеко отсюда. И что о ней станут болтать в Даршантце, уже не будет иметь значения.

Тем временем закончили менять лошадей, и надо было выезжать дальше, возница хотел добраться до места к ночи.

* * *

Мара уже шла к повозке, чтобы сесть, и тут ее окликнули.

— Мадхен!

От неожиданности целый ворох ледяных игл прошелся по спине...

Слишком близко прозвучал голос, и она его узнала. Хотелось сбежать, но Мара медленно обернулась, стараясь не выдать себя. Потому что это был тот самый человек, у которого ее дядя покупал платья. То ли торговец, то ли переодетый лорд, а может, и кое-кто похуже.

— Добрый день, мадхен.

— Добрый, — ответила она и выпрямилась, сдерживая желание поскорее сбежать.

А мужчина подошел к ней ближе и тихо проговорил:

— Не бойтесь, я не выдам вашу тайну.

Чееееерт... Этого только не хватало.

Она уставилась на него, холодея изнутри и пытаясь понять, что этому человеку нужно. А он быстро огляделся кругом и, как бы невзначай, выдал:

— Я вижу, вы путешествуете налегке?

Разговор Маре не нравился, и этот человек ей не нравился.

— Да, — ответила она, оборачиваясь в сторону постоянного двора.

Не хватало еще, чтобы кто-нибудь их услышал.

— Но этот способ не слишком удобный.

Он пренебрежительно указал на большую повозку, в которую сейчас грузились ее попутчики. И, кстати, он ее задерживал, сейчас

все набьются, и ей потом придется всю дорогу ютиться где-то с краешку.

— Меня устраивает, — проговорила Мара.

— Такая девушка заслуживает лучших условий. Если хотите, я мог бы устроить вас у себя. Мой дом открыт для вас, мадхен, — мужчина быстро оглянулся кругом, склонился к ней и чуть понизил голос. — А потом... завтра, или когда вам будет угодно, доставил бы вас к вашему дяде?

Он напирал так неприкрыто, что Мара разозлилась. Сразу припомнились все те полунамеки, которыми обменивались с дядей Маркелем. Ведь этот человек был явно в курсе всех тех делишек, что проворачивала матрес Фоурм при дворе.

Злость придала силы, она смирив его взглядом и отодвинулась.

— Вам ведь знакомо имя матрес Фоурм? — спросила Мара негромко.

Мужчина нахмурился.

— Знаете, с ней приключилось такое несчастье, — начала она, отмечая про себя, что взгляд мгновенно мужчины сделался острым. — До его величества вдруг дошли слухи о том, что на отборе за его спиной процветает мздоимство. И, представьте себе, сейчас по приказу короля ведется расследование.

Вот теперь он отшатнулся, словно обжегся.

— Не благодарите, — сказала Мара и пошла к повозке.

И так втискивалась в нее одной из последних.

* * *

Потом всю дорогу до следующего постоянного двора ехала, закрыв глаза. Вымотал ее этот разговор. Потом дорога стала хуже, но возчик гнал, потому что хотел успеть. И они тряслись и тряслись, и казалось, этому конца и края не будет. И все же ближе к ночи они добрались до Хантца. А вскоре показались стены родительского замка. Пара серебряных монет, и возница согласился довезти ее до ворот.

Все. Мара была дома.

глава 17

Вот они перед ней, ворота замка. Дом.

Мара постучалась и прижалась к воротам головой.

Все силы, какие у нее были, внезапно закончились. Как будто действовать, говорить, держать спину ровно, все это она могла, только когда мысленно сражалась с королем. Пока тень его угрозы нависала над ней. А как не стало этого, внезапно нахлынуло изнеможение. Ей хотелось уткнуться лицом в подушку и...

Нет, не плакать.

Плакать сейчас она не могла. Держалась еще в душе какая-то плотина, за которой копилась боль. И эта плотина пока не переполнилась. Так что, плакать, сожалеть — все это будет потом.

А пока Мора оглядываясь мысленно на проделанный путь от столицы до дома и удивлялась себе. Она умудрилась быстрее добраться, чем дядя Меркель, когда вез ее на тот отбор. Немного шумело в голове, штормило с дороги. Вспыхивали в памяти отдельные фрагменты, слова, лица.

Надо же, она даже говорила что-то, отвечала впопад... Вспомнился тот неприятный тип из Даршантца, который все пытался заманить ее к себе. И как потом он испугался и отшатнулся от нее, когда речь зашла о короле.

Все-таки перепало ей от короля полезное что-то!

Было, конечно, и другое, но думать о том, другом, Мара не могла себе позволить.

Однако что-то долго никто не отворяет, промелькнуло у нее в голове. А на дворе уже ночь. Впрочем, не страшно, что сейчас ночь, главное, добраться да своей постели, а завтра...

Раздались шаркающие шаги и недовольный голос.

— Кто это шляется по темноте?

Старый слуга Хиберт, Мара его знала, сколько себя помнила. Странно, неужели в замке не нашлось никого помоложе? А тот продолжал шаркать и ругаться вполголоса:

— Как будто нельзя дождаться утра... Вот я собак спущу сейчас...

— Хиберт! Это я! — крикнула Мара.

— Чего? — проворчал тот, открывая маленькое окошечко.

И тут же оторопел.

— Мадхен Мара! Вы, что ли?? Так вы же в столице, у короля на отборе?

— Я, — она устало улыбнулась. — Как видишь, вернулась.

Он кинулся открывать, бормоча про себя:

— Ох-хо-хо... Это что же делается...

Наконец Мара оказалась внутри, и только сейчас поняла, что же ей все время казалось неправильным. Темно. Тихо. Пусто. Странное подозрение закралось.

— Хиберт, — спросила она, оглядываясь. — А где все?

— Так ведь нет никого, мадхен Мара. Дядя ваш, как из столицы вернулся, так рассчитал всех. Сказал, замок пойдет на продажу. Я вот, один здесь. Оставлен сторожить, пока не объявится новый хозяин. А как объявится, так и мне придется искать себе угол. Ох-хо-хо... Новому-то хозяину зачем старик надобен?

Огляделся и вздохнул:

— Эх, мадхен Мара... Что теперь будет?

Мара слушала и не могла поверить своим ушам. А в душе поднималась злость на мерзавца Меркеля. Рановато он медведя разделывать стал! Медведь еще в лесу бежит.

От злости прибавилось сил. Она обернулась к старому Хиберту и сказала:

— Отцовский замок он не продаст. Я вернулась, и все будет по-старому.

— Да, мадхен, — без особой уверенности повторил Хиберт.

Попытался было подхватить ее кофр, но она не дала.

— Оставь, я сама. Расскажи лучше, мой опекун сильно разорил замок?

И пока шла сначала до привратничкой, а потом до своей комнаты, узнала, что Маркель вывез все столовое серебро, посуду, мебель, гобелены. Даже новое постельное белье! Ничем не побрезговал. Дескать, племянница найдет себе богатого мужа на отборе, ей ничего из этого не понадобится.

— Лошадь-то хоть одну этот стервятник, мой опекун, оставил? — спросила она.

— Одну оставил, Мадхен Мара. Чтобы было на чем ездить в лес.

— Хорошо, — проговорила она, оглядывая свою ободранную комнату.

Старик еще топтался, но она отправила его сразу, а сама застыла у окна.

Вот как все вышло. Жизнь сделала странную петлю и снова привела ее сюда, в родной дом. Только получилось все, хуже не придумаешь. Но Мара не жалела ни о чем. Видно, так суждено.

Небо как раз расчистилось, вышла луна и осветила задний двор и садик, на который выходило ее окно. Она смотрела на залитый серебристым лунным светом розовый куст, который посадил для матери ее отец. Этот куст на месте, значит, все хорошо.

А дядя Меркель, ее опекун... Мара не сомневалась, что тот появится здесь, и очень скоро.

Ну, что ж, подумала она. Пусть приходит.

* * *

Накануне.

Королевский замок Хигсланда действительно был велик и прекрасен.

Но все же, он недостаточно велик для того, чтобы в нем прошло незамеченным случившееся в этот день событие. Одну из претенденток, Мару-Элизабету Хантц, с позором выставили с отбора.

Весь замок притих в ожидании.

Казалось бы, девица из медвежьего угла, ни знатности, ни богатства, кто бы вообще знал, как ее зовут? А теперь ее имя было у всех на устах. Потому что она внезапно затмила всех, и принцессу Грихвальда, и дочь главного ловчего, знаменитую красавицу Истелинду.

Слишком уж большой был резонанс, а поведение самого короля...

Но об этом (по понятной причине) никто не рисковал высказываться вслух. Никому не хотелось повторить судьбу матрес Фоурм. Зато делались ставки, кого следующего скосит косой королевской немилости. И разумеется, все, что было прямо или

косвенно связано с мадхен Хантц, отслеживалось с пристальным вниманием.

* * *

Свой интерес в этом деле имели все, в том числе и прислуга.

Когда мадхен Хантц выставили с отбора, ее служанка Гизел была очень расстроена. Во-первых, потому что эта тихая мадхен имела мирный и непривередливый характер. А, во-вторых, и просто по-человечески, служанка считала своим долгом опекать ее и учить жизни. Потому как сиротка, да и немного не от мира сего.

Оказалось, что не немного, а очень основательно.

Отказать королю?!

У Гизел в голове не укладывалось. Ладно, старый барон. Но ТАКОЙ шанс! Надо было хвататься руками и ногами. А там бы она научила эту мадхен, как все правильно сделать. И зажили бы по-королевски...

Но раз такое дело, что уж. И жалко, да ничего не поделаешь.

И тут принесли вознаграждение. Приличный такой сундучок! Гизел сходу прикинула, должна быть кругленькая сумма, даже если там серебро. А если золото? Ну не медь же, в самом деле!

Ну, подумаешь, кинули без уважения. Но там же ТАКИЕ деньги!

А эта мадхен... Точно не от мира сего. «Платья — барону, а деньги вернуть королю».

И ушла.

Гизел готова была лопнуть от досады. Это ж... Платья, деньги, все само плывет в руки, и ничего себе не взять! Если бы хоть дверь в комнату была закрыта, можно было хотя бы несколько монеток успеть тиснуть. А так все на виду.

Служанка так и стояла, заламывая руки и не зная, что ей делать. Но продолжалась ее агония недолго. Бледный и нервный помощник распорядителя отбора заглянул в комнату, чтобы проверить, собрала ли свои вещи мадхен Хантц. И тут увидел картину.

Вещи не собраны, сундучок с королевским вознаграждением без всякого уважения валяется на полу, а служанка столбом стоит в центре комнаты.

— Что здесь происходит? — спросил он недовольно. — Почему вещи до сих пор не собраны? И где эта мадхен Хантц?

Ох, у Гизел язык чуть не отсох, пока все выговорила. Как от себя это все отрывала.

— Ушла мадхен, ваша милость. А вещи... — она оглянулась. — Платья велено доставить барону Малгиту, а вознаграждение вернуть его величеству.

— Что?!

Помощник распорядителя сначала не поверил. Потом, осознав, хищно уставился на сундучок и грозно на служанку. Оглянувшись на открытую дверь и прошипел:

— Если ты только посмеешь рот открыть, я тебя...

Договорить не успел, в открытую дверь просунулась голова леди Истелинды. Которой тоже было интересно, убралась ли отсюда эта мадхен Хантц. Откровенно говоря, леди Истелинда была только рада тому, что беловолосая провинциальная дура вылетела с отбора. Но сейчас она потрясенно оглядела комнату и ахнула:

— Что здесь происходит?

Помощник распорядителя поклонился и изобразил улыбку:

— Все в порядке, леди Белмар, идите к себе и не извольте беспокоиться. Мы освобождаем комнату.

Потом повернулся к служанке.

— Я позову стражу. Головой отвечаешь за сохранность! — бросил сквозь зубы и ушел.

Минут через десять вернулся с двумя стражниками, забрал платья и сундучок с деньгами. А Гизел оставалось только с досадой смотреть, как уплывает из рук богатство.

Положительно, этот день был какой-то дурной.

* * *

Когда это все доставили королю...

глава 18

Боль от раны приходит не сразу. В первый момент, когда кровь еще кипит, рану можно и не заметить. Но потом...

Когда Родхар ускакал с той охоты, он сначала ощущал только обиду и злость. Уже потом, оказавшись в замке и отдав себя наконец в руки лекаря, он понял, что потерял много крови. Волк все-таки здорово потрепал его, но ничего, шкуру Родхар приказал выделать и доставить в его покои. Как вечное напоминание.

И да, пришла боль.

Лекарь шил его раны, а король заливал боль крепким красным вином.

Но только болело у него в душе. Жгло досадой изнутри, горело! Отказ девчонки воспринимался так же болезненно, как если бы это было поражение в войне. Каких только обвинений он не высказал ей мысленно.

И двуличная, и неблагодарная, и меркантильная. Конечно! Она ведь предпочла ему мерзкого старого паука Малгита!

А в глубине души Родхару было безумно обидно. Мужчину заливала горечь и непонятное чувство, которому он не знал названия. А подогреваемые вином мысли постоянно ездили по кругу, и чем дальше, тем больше вскипала злость.

В конце концов, он взял себя в руки. Когда чуть не пришиб лекаря.

Довольно. Король не должен размениваться на какие-то дурацкие чувства. Что-то мешает его жизни? Это что-то должно быть удалено. Выброшено. К чертовой матери. К воронам!

Потому, как только ему донесли, что девица Хантц вернулась во дворец, король приказал, чтобы ей доставили положенное за участие в отборе вознаграждение. И велел проследить, чтобы она минуты лишней не задержалась в его замке.

А сам хотел заняться обычными делами.

Но не смог. И дело не в том, что все сильнее саднили раны и ссадины. Король просто не мог заставить себя сосредоточиться. Тогда он просто бросил все и быстрым шагом направился в главный зал. А

по дороге отдал распоряжение собрать там всех претенденток отбора и устроить музыкальный вечер.

Но вот незадача, оказалось, что некому руководить столь ответственным делом, как королевский отбор. Крылом претенденток заведовала матрес Елена Фоурм, а сейчас означенная дама сидела под замком, и с ней беседовал королевский дознаватель. Распорядителя отбора тоже временно отстранили от должности, до тех пор, пока не будет доказана его (не)виновность.

Помощников у распорядителя было трое, и вся эта нелегкая задача, до тех пор, пока не будет избрана на должность смотрительницы другая достойная дама, была возложена на них. Одного уже отправили проверить, собрала ли свои вещи покрывшая себя позором мадхен Мара-Элизабета Хантц. Ему было велено проследить, чтобы означенная девица убралась из замка, как только будет готова.

Двое других получили приказ проследить, чтобы участницы отбора вовремя попали на музыкальный вечер. И помчались выполнять.

Ибо его величество сейчас лучше было не злить.

* * *

Как сложно иногда бывает сделать самую простую вещь!

Если бы не вмешалась леди Истелинда, можно было спокойно взять себе деньги, которые он обнаружил в комнате этой мадхен Хантц. А служанку запугать так, что она бы рта не раскрыла. И черт с ними, с платьями! Платья пусть берет себе старый барон Малгит.

И тут дочь лорда Белмара так некстати сунула свой нос и видела все. Теперь по-тихому прикарманить он не мог, потому что эта дама всегда и все докладывает своему папеньке. Оставалось остановиться где-нибудь по дороге и отсыпать себе хотя бы часть. Но что делать со стражниками?! Их надо было куда-то услатить...

Пока он судорожно пытался придумать, как проделать это все, его нагнал новый королевский приказ. И двое других помощников.

— В чем дело? Чем ты здесь занят? Приказ короля доставить претенденток в главный зал СРОЧНО.

Помощник распорядителя закрыл рукой лоб. Поистине, это был какой-то дурной день. Такое дело! И не выгорело. Но он позаботился, чтобы стражники тоже ничего не растащили по дороге.

Он взял еще двоих молодцов и велел немедленно доставить все его величеству и доложить как есть. А сам отправился выполнять королевское поручение.

* * *

Его величество Родхар сидел на троне. Держал в правой руке кубок вина, а левая, перевязанная, покоилась на подлокотнике. Лорды уже собрались в большом зале, ожидали, что вот-вот должны появиться девушки, участницы отбора. Рядом срочно накрывались столы для закусок, музыканты наигрывали мелодию.

Король намерен был развлекаться, и плевать ему было на какую-то девицу с серебристыми волосами. Сейчас их тут будет много, он о ней и не вспомнит.

И в этот момент в зале появилась странная процессия. Четыре стражника. Двое впереди несли знакомый на вид сундучок. Двое других шли сзади и несли другой сундук, намного больше. В таких обычно хранят одежду.

Подожли и поставили на пол перед ним.

Родхар замер. Потом подался вперед и спросил:

— Что это?

А когда услышал ответ...

У него почернело в глазах. Ушла. И швырнула ему деньги в лицо.

Это была неслыханная пощечина.

Какое-то время Родхар молчал, не замечая, что кубок из мягкого золота смялся, и вино стекает по его руке, словно кровь. Неизвестно чем бы все закончилось, будь он один. Но в зале были лорды.

Король перевел тяжелый взгляд на сундук и приказал:

— Откройте.

Крышку откинули. Там лежали женские платья. Ее платья. Он увидел сверху то, синее, и непроизвольно сглотнул. Но тут же взял себя в руки и зычно кликнул:

— Малгит! Где он?! Приведите!

— Сир, я здесь, ваше величество.

Оказалось, тот просто прятался за спинами.

— Поди сюда, барон, — медленно проговорил король.

— Да, сир, я уже иду...

И неуверенно приблизился к трону. Родхар смерил его взглядом и подался вперед, перекладывая кубок из правой руки в левую. И тут заметил, что он основательно погнут. Не глядя протянул кубок, кто-то из лордов взял его. Плевать ему было, кто.

— Малгит, — сказал король, показывая на сундук с платьями. — Тут кое-что передали для тебя. Это платья. Они тебе нужнее. Бери, не стесняйся. Компенсация за то, что тебе не досталась девушка.

Рядом раздался дружный смех. Малгит быстро зыркнул из-под бровей, потом подошел к сундуку и коснулся платья рукой. За этот жест он готов был убить старого барона прямо здесь.

Родхару казалось, что в груди ворочается огненный стержень. Он удержал лицо, Но дальше уже не было сил это терпеть. Все-таки достала его девчонка с серебристыми волосами. Как стрела на излете. Как змея ужалила. Подло!

— Убрать все, — приказал он, преодолевая глухую боль в груди.

А потом вдруг выкрикнул во весь голос, чтобы начинали бал.

глава 19

Переночевала Мара в своей разоренной спальне неплохо.

Правда, поначалу, когда только легла и уставилась в потолок, сна не было ни в одном глазу. Горько было, больно. ЖАЛЬ. Что все пошло по наихудшему пути из всех возможных.

Она смотрела в темноту над головой и вспоминала того черноволосого мужчину, вихрем сбегавшего по лестнице. Красивого, сильного, мужественного. А потом, как он бросился на волка. И как нес ее на руках. Лошадку ту серебристую и порванное розовое платье...

Потекли все-таки слезы, как она ни крепилась.

Жаль.

Так мимолетно, коротко. Мало ей выпало хорошего, и все закончилось слишком быстро. Но, наверное, ей на всю жизнь хватит памяти о тех мгновениях, когда его сердце билось под ее ладонью.

А вот этого, словно он уже купил ее:

«Тебе будут выделены комнаты и полный штат прислуги. Можешь рассчитывать на хорошее содержание. Лошади, украшения, меха — все это сверх того».

Она не будет вспоминать никогда.

И вот этого жесткого цинизма:

«Амелия станет моей женой, это давно решено. А Истелинда, это Истелинда. Они тебя не касаются. Достаточно того, что ты будешь со мной».

Тоже.

В конце концов, Мара вытерла слезы и беззвучно прошептала:

— Прощай, Родхар Айслинг — Ледяной Клинок.

Лежала еще какое-то время, глядя в потолок. В темноте даже разглядела паутину. Хотя, конечно, это могли быть трещинки в побелке или потеки, оттого что протекла крыша. Чуть больше недели ее не было дома, а сейчас казалось, что прошла целая вечность.

«Убраться надо будет завтра же», — подумала Мара и наконец заснула.

Утром она проснулась с прекрасным боевым настроением.

И сразу занялась уборкой. Обмела всю паутину в своей комнате и в коридоре. Когда старый Хиберт поднялся наверх, будить ее, чтобы позвать завтракать, оторопел:

— Мадхен Мара! Что это вы делаете?!

Она обернулась, одной рукой орудия примотанным к швабре и завернутым в тряпку веником, а другой рукой поправляя косынку. И пропыхтела:

— Убираю.

Немного побелки посыпалось ей на голову, и она фыркнула отряхиваясь:

— Фууух!

— Мадхен Мара, — проговорил старый слуга. — Зачем же вы сами-то полезли?! У вас потрескается кожа на руках! Давайте мы сейчас...

И оглянулся в сторону выхода на лестницу.

— Хиберт, — сказала она. — У нас нет служанок и нет возможности их нанять.

— Тогда дайте мне! Я сам!

Она замерла, глядя на него, потеряла глаза тыльной стороной ладони.

— Нет. Если что, поможешь мне во дворе и в саду. А здесь я сама. Старый слуга долго смотрел на нее молча, потом покачал головой.

— Мадхен Мара... Ладно, я что хотел-то. Спускайтесь, я приготовил завтрак, и если не побрезгуете...

— Ну о чем ты говоришь, это же замечательно!

Потому что есть и впрямь хотелось, она только сейчас это поняла.

На завтрак была рассыпчатая каша из той крупы, которой раньше кормили кур. И даже по вареному яичку, двух несушек Меркель Хиберту все-таки оставил. Вообще-то яйца Хиберт сварил для Мары, но она есть одна категорически отказалась.

После завтрака она снова принялась за работу. Это было хорошо. Когда работаешь, время проходит с пользой, и некогда чувствовать. Прежде всего, конечно, Мара хотела оценить урон, который нанес замку Меркель. При дневном было лучше видно, что дела обстоят не

так катастрофически. Ее опекун выгреб почти все, оставил только то, на что позариться трудно. Но жить было можно.

И Мара еще собиралась повоевать с младшим братом своего отца. Она, конечно, понимала, что скорее песок расстанется с пролитой в него водой, чем Меркель Хантц с тем, что попало в его лапы. Однако ей тоже было, что ему сказать.

Потом она прикинула, как лучше распорядиться тем, что есть в наличии. О ремонте крыши теперь можно было забыть надолго. Мелькнула циничная мысль, что тут быгодились королевские денежки за участие в отборе. Но — нет. От короля она не могла взять ничего.

* * *

Так прошло еще два дня.

А на третий день объявился дядя Меркель.

Мара как раз возилась в саду с розовым кустом. Сначала услышала голос, дядя на повышенных тонах разговаривал с Хибертом. Раньше она робела перед братом отца, потому что до совершеннолетия тот имел над ней власть. Но после того, что с ней случилось на отборе, опекуна она больше не боялась.

Чего бояться, если самое страшное уже произошло?

Она спокойно поднялась с колен, отряхнула руки и вытерла о фартук.

А Меркель, тем временем, закончил разносить старого слугу. Влетел в сад, да так стремительно, что снес калитку. Замер напротив, оперев руки в бока, и уставился на нее.

Дядя всегда двигался очень быстро и порывисто, дверей за собой никогда не закрывал, если что-то попадалось на его пути, он просто отбрасывал это в сторону. Только сейчас Мара поняла, что это такой прием, чтобы подчинить, показать, что он «неотвратим и неизбежен». Только теперь этот прием на Мару не действовал. Видела она уже настоящему неотвратимых и неизбежных.

Они смотрели друг на друга, и пауза слегка затянулась.

— Ты? Откуда ты здесь взялась? — скривился Меркель. — Что ты здесь делаешь?

А глаза злые и бегающие. Мара опустила первый вопрос, ответила только на второй:

— Сами видите, работаю. Пытаюсь спасти то, что вы еще не успели разворовать.

— Как ты разговариваешь со мной?!

— Как вы того заслуживаете.

Меркель смотрел на нее, как будто хотел испепелить. А ей было не страшно. Смотрели уже нее так, и ничего, выжила.

— Вы, дядя, вор, — сказала она.

— Что?! Да как ты смеешь!..

— Верните то, что вы забрали из моего замка.

И тут он внезапно сменил тон.

— Это больше не твой замок. Я дал согласие на твой брак с бароном Малгитом. Поскольку ты несовершеннолетняя, — ехидно протянул он и шутовски раскланялся.

Да, ей девятнадцать, и она несовершеннолетняя. И это плохо, иначе на порог бы не пустила дядю.

— Замок отходит барону в качестве приданого. Как и все остальное, — продолжал Меркель, проникаясь пафосом. — Но барон в этой рухляди не заинтересован, и по его указанию, яставляю замок на продажу.

Мара слушала и мысленно улыбалась, а когда он закончил, сказала:

— У вас устаревшие сведения. Мой брак с бароном Малгитом не состоится.

— Я дал согласие, и это не обсуждается!

— Вы дали согласие, дядя, да только это ничего не значит.

Говорила она так спокойно и уверена, что Меркель занервничал. Выкрикнул, взмахнув рукой и переминаясь с ноги на ногу:

— Ты спятила. Тебя никто не спрашивает!

Вот теперь ей стало действительно смешно. Мара склонила голову набок и прищурилась:

— Где вы были последние пять дней, дядя? В какой дыре? Если не знаете того, что уже почти весь Хигсланд знает? Король запретил Малгиту жениться на мне.

— ЧТО?! — прогремыхал Меркель, до которого наконец стало доходить. — Так вот оно что?! Ах ты гнусная! Опозорила себя, и тебя выгнали с отбора? Ха-ха! То-то я думаю, чего это ты здесь и одета как оборванка?! Всегда знал, что ты тварь! Такая же, как и...

Не известно, что еще полилось бы из его грязного рта, но тут Мара выставила вперед правую руку и твердо сказала:

— Не советую.

Тот замер, шумно дыша и глядя на нее. Мару сейчас трясло от злости, но она держала себя в руках. Этот бой она должна была выиграть, во что бы то ни стало.

— На вашем месте, дядя, — проговорила она. — Я бы подумала, как вы будете возвращать Малгиту деньги, которые он вам заплатил за меня. Потому что Малгит сейчас будет очень зол.

Столько ненависти было в глазах опекуна, он скрипнул зубами и уже собирался вылить на нее очередную гадость, но она успела раньше.

— И как будет зол король!

А теперь во взгляде Меркеля уже мелькнул страх. Ей стало противно. До дрожи. До тошноты!

— Вы обворовали дом брата!

— Я не воровал, я взял в наследство.

— Наследство вы получите, когда я умру, а я пока что жива! — не выдержала она. — А сейчас убирайтесь! И будьте любезны, вернуть мое приданое!

Меркель шагнул к ней и навис угрожающе. Однако в следующее же мгновение он круто развернулся и вылетел из садика, так хлопнув калиткой, что та слетела с петель окончательно.

Мара еще продолжала стоять, сжимая кулаки, очнувшись только, когда ее окликнул Хиберт:

— Мадхен... Я все слышал. Как вы, мадхен?

— Хорошо, — механически ответила Мара. — Меркель не продаст замок.

— Но и то, что забрал, не вернет, — старый слуга с сожалением покосился в сторону калитки.

А она вдруг почувствовала себя усталой. Разжала кулаки и проговорила вполголоса:

— Посмотрим.

Во всяком случае, у нее остался дом, а с остальным она справится.

* * *

Три дня небольшой срок.

Но за это время в королевском замке произошло немало интересного.

На том балу, устроенном почти сразу после охоты, его величество был неразговорчив, моментами даже откровенно страшен и пугал девиц мрачным весельем. Придворные склонны были списать мрачность короля на то, что его беспокоит рана, полученная на охоте. Других версий не было, а если и были, их никто не решался озвучить.

А дальше, на следующее же утро полностью сменилось руководство на королевском отборе. Кое-кто из придворных лишился должности. А кому-то, как матрес Фоурм, пришлось отправиться в пожизненное изгнание. Не помогло даже то, что она когда-то была фрейлиной матушки его величества.

И произошли новые назначения. На место матрес Фоурм смотрительницей была назначена вдова генерала Пасквела. Почтенная матрес Гермiona Пасквел уже почти год проживала в своем имении, но ради такого случая за ней срочно отправили кортеж. Говорили, что сразу же после приезда дама имела беседу с королем и из кабинета вышла зеленая.

О чем именно его величество предупредил даму, так и осталось неизвестным. Двор затаился в ожидании новых событий. А что касается самого отбора, то король, казалось, совершенно забыл о нем.

Потому что после того бала никаких увеселений не устраивалось. Ни музыкальных вечеров, ни ужинов, ни охоты, ни встреч с кандидатками в гостиной. Зато в последующие дни все свободное от государственных дел время король проводил в фехтовальном зале или устраивал бешеную скачку по окрестностям.

Жизнь в замке замерла, стали поговаривать, что Родхар Ледяной Клинок готовится к войне с соседями.

Разумеется, в этой двойственной ситуации девушки — участницы, вынужденные целыми днями сидеть в крыле претенденток, пытались разными способами разузнать, что происходит. Потому что новая смотрительница отбора хранила полное молчание. И охраняли теперь претенденток отбора лучше, чем казну королевства.

Так прошло еще два дня.

Наконец, по прошествии этих двух дней матрес Гермiona Пасквел объявила о том, что король намерен возобновить встречи с претендентками отбора.

И завтра по приказу его величества состоится первый музыкальный вечер.

глава 20

За эти несколько дней раны затянулись, хоть Родхар и изнурял себя то занятиями в фехтовальном зале, то бешеной скачкой по окрестностям. Сначала ныло и саднило все, болели мышцы, потом и это прошло.

Не прошла жгучая боль в груди. Она накатывала приступами, внезапно, заливала его целиком, оставляя после себя ядовитую досаду и злость. Обрывки воспоминаний. Голос, звеневший в ушах.

В такие минуты хотелось крушить все вокруг себя.

Казалось, простить то, что сделала маленькая дрянь с серебристыми волосами невозможно. И он говорил это ей. Кричал на все лады. Доказывал! Но ничего не получал в ответ. Потому что все эти споры происходили в его душе.

Наконец, на пятый день, он просто устал.

Что-то циничное, всегда жившее в нем, взяло верх.

И оказалось, что незачем беситься. Глупее не придумаешь занятия! Родхар вдруг остановился посреди всех своих дел, запрокинул голову и захохотал.

Он король.

Его дело править страной.

Преумножить достояние и передать сыну, наследнику. А раз наследника у него нет, нужна жена, способная родить сыновей. Благородного рода, высокого положения, равная. Для этого он и создал этот проклятый отбор.

По сути, отбор был, конечно же, формальностью. Данью традиции, не больше. Точно так же, как идиотская традиция нацеплять на венчание Ледяной Клинок — Айслинг. Который якобы обладает магическими свойствами. Тупой старый меч.

Жену он уже выбрал. Надо просто выдержать положенное время, а потом назначить день свадьбы. И выбрать себе официальную любовницу. Потому что это тоже традиция, черт бы ее побрал!

Он приказал возобновить увеселения на отборе.

А тот проклятый комок, разрывавший ему грудь... Его просто нет.

С утра король был занят делами, которые на пять дней забросил, и заодно морально готовился к тому, что вновь придется посетить отбор и, будь он неладен, музыкальный вечер. Он даже переоделся ради этой цели.

Пока переодевался, к нему попросился с докладом главный ловчий.

— Сир, шкура того волка, подготовлена. Я распорядился набить чучело, когти мы сделаем серебряные, а глаза...

Родхар не дал ему договорить, резко развернулся.

— Я хочу просто шкуру. На пол, под ноги.

Секундная заминка, потом Белмар изобразил улыбку и поклонился:

— Да, сир. Будет исполнено.

А он снова повернулся к зеркалу, оправляя черный дублет. Камердинер подал драгоценный пояс, наборный из пластин серебра, инкрустированных необработанными самоцветами. К нему короткий кинжал и широкую цепь на шею.

— Сир, — заговорщически понизив тон, сказал Белмар. — Осмелюсь доложить, наши девушки затеяли кое-что интересное.

Король хмыкнул. Новая смотрительница отбора, вдова генерала Пасквела, просила разрешения внести кое-что дополнительное в программу музыкального вечера. Честно говоря, ему было плевать на все эти потуги.

Кстати, матрес Пасквел испросила разрешения на еще одно новшество. Табурет. Его поставили в центре, и каждая из девушек усаживалась на него перед выступлением. Это чтобы все участницы отбора ощутили себя равными. Родхар позволил.

Слуга поднес на узком золоченом подносе перстень и маленькую стопочку крепкого красного вина со специями. Родхар выпил вино, надел перстень и обернулся к главному ловчему.

— Что ж, посмотрим, что приготовили нам наши дамы.

А потом направился в гостиную.

Если бы он знал!

Он запретил бы предприимчивой генеральской вдове всякую самостоятельность. Девуцы пели. Кто как может. А Родхар вынужден был их выслушивать.

Король уже второй час сидел на троне и все его усилия уходили на то, чтобы не кривиться и не зевать. Взгляд его скользил по залу, время от времени останавливаясь на красавице Истелинде. А у той вид был такой загадочный, что королю становилось ясно: Истелинда намерена блистать. Потому и выбрала себе жребий петь последней.

Действительно, когда подошла ее очередь, красавица уселась на табурет и попросила себе лютню.

— Сир... Ваше величество, — проговорила она, томно вздохнув, при этом ее грудь колыхнулась в вырезе вишневого платья. — Я спою песню, услышанную мной однажды на постоялом дворе. Ее пел бродячий бард. Не судите строго, это песня простого народа.

«Так вот ради чего все затевалось», — подумал король, глядя на Истелинду.

И тут она запела:

— Любви моей ты боялся зря, не так я страшно люблю...

А его словно полоснуло тем обжигающим чувством, которое он давил в себе со вчерашнего дня. Голос у Истелинды был высокий и звонкий, и выводила она мелодию красиво. Но видел он сейчас перед собой совсем другое лицо. И слышал другой голос.

Все это вернулось, ударило в него воспоминанием. Родхар как будто видел со стороны себя и ее, девушку с серебристыми волосами.

«Я снимаю тебя с отбора»

«Я уеду сегодня же»

— Мне было довольно видеть тебя, — выпевала Истелинда. — Встречать улыбку твою...

И он снова слышал ее и себя.

«Ты останешься здесь»

«Нет»

«Ты будешь со мной!»

«Я выйду замуж за барона Малгита»

Король закрыл глаза, стиснул зубы и сжал кулаки. Как только Истелинда закончила петь, он тут же поднялся и вышел.

глава 21

Сначала, сгоряча, все кажется проще. Пусть работы непочатый край, все можно осилить. Да, можно. Но уже на третий день после того, как уехал дядя Меркель, стало ясно, что ничего он не вернет. И даже ничего ему за это не будет. Всегда может сказать, что взял на сохранение властью опекуна. И на его стороне закон.

Будь она совершеннолетняя, могла бы с ним судиться. В крайнем случае, можно было обратиться к королю. Но как только Мара доходила до этого в своих мыслях, сразу все рассуждения сворачивалось.

К королю она не станет обращаться никогда и ни за что.

Ей придется бороться своими силами.

В одном она могла быть уверена, Меркель не рискнет продать замок отца. Он слишком трусоват для этого. Потому что каким бы скромным род Хантц не был, он записан в главной книге родов королевства. Со всеми знаками и регалиями. А она наследница.

Одно дело тихо продать замок Малгиту в качестве ее приданого, как дядя и планировал. Возможно, замок входил в часть сделки изначально, а может быть, ее опекун решил содрать со старого барона побольше. Уже не важно. Сделка с Малгитом не состоится.

А выставить замок на продажу открыто дядя не посмеет. Это наследственное владение, акт продажи должен быть вписан в большую книгу родов королевства вместе. Меркель не имеет права на наследство до тех пор, пока она жива.

И вот в этом заключалась определенная опасность.

Мара была уверена, что опекун затаится и будет пакостить. Конечно, не своими руками. Но ведь она в доме одна, с ней только старый Хиберт. И они не смогут вечно сидеть за стенами замка, рано или поздно придется выйти, потому что захочется кушать. Ей невольно подумалось, как бы сплетня, что она стала жертвой разбойников, не оказалась правдой.

Неприятно, но Мара гнала от себя эти мысли.

За эти три дня она навела относительный порядок в замке, правда, у нее руки отваливались и разламывалась спина. Горечь, оттого что она

смотрела на голые стены и вспоминала о том, что раньше здесь висел гобелен или стоял поставец с посудой, давила в себе безжалостно.

Жива будет, рано или поздно, сделает так, чтобы замок обрел первозданный вид. Сейчас трудно было задумываться о будущем, главное было — дотянуть до совершеннолетия. Тогда она сможет распоряжаться своей судьбой без оглядки на Меркеля.

Плохо было то, что за прошедшие дни в замок не заглянул ни один арендатор. Означать это могло только одно — ее опекун и тут приложил свою руку.

Но это еще предстояло выяснить.

На следующий день, еще раз тщательно проверив запасы, Мара собралась сама съездить к арендаторам и пополнить запасы еды. Она как раз была на конюшне, седлала одну из двух оставленных «щедрым» дядей лошадей, когда вошел Хиберт.

— Что это вы делаете, мадхен? — настороженно спросил старый слуга.

Мара ответила не сразу. А тот отставил лопату к стене и подошел ближе.

— На прогулку собрались? Так я вам не советую, у вашего дяди совести хватит подстроить какую-нибудь пакость.

— Да нет же. Я собираюсь съездить к арендаторам.

— Оставьте все это, — решительно отстранил он ее. — Я сам. А вы сидите в доме и ворота закройте.

* * *

Вернулся Хиберт уже к вечеру, сумрачный, усталый. Привез кое-какой еды и чуть не с порога заявил:

— Плохи дела, мадхен. Ваш дядя, уж простите, редкостный подлец. Выгреб все подчистую. Люди сами еле концы с концами сводят. Нам-то всегда с едой помогут, но...

Мара поняла без слов.

Приближается время сбора податей в казну, а им платить будет нечем. Промелькнуло много разных мыслей, но Хиберт смотрел на нее, и она сказала:

— Ничего, как-нибудь выкрутимся.

В тот день у них был очень приличный ужин. Но Мара ела и все думала, что надо бы экономнее расходовать еду. Ей, например, вообще много не нужно, а вот Хиберту — да. На нем вся тяжелая работа. Мяса бы...

И тут он сказал:

— Мадхен, я завтра пойду на охоту. Попробую перепелок набить, кроликов.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я с тобой.

В лесу можно найти грибы, ягоды и дикие груши, орехи. Она уже мысленно это все прикинула.

— Нет, мадхен. Вы останетесь дома, запретесь и будете сидеть тихо. И не смотрите на меня так. Я не юная девица, меня не похитят разбойники.

— Зато они могут напасть на тебя, ранить.

Старый Хиберт тихо рассмеялся.

— Ах, мадхен, если бы в мои молодые годы обо мне так беспокоились. А мы с вашим батюшкой многое повидали, да...

Потом уже серьезно сказал:

— Завтра схожу на охоту. Потом за дровами в лес. И я договорился, раз в неделю с хутора будет приходить жена арендатора. Поможет вам со стиркой и уборкой.

Ей потом было стыдно перед старым слугой. И грустно, оттого что тот, кто должен был о ней заботиться, оказался таким подлецом.

О Родхаре Айслинге она в тот момент не думала. Она вообще не думала о нем. Разве что ночью, и немного днем.

* * *

Утром Хиберт уехал на охоту, а она, как договорились, заперлась. Стала заниматься делами по дому, и вдруг топот копыт на подъездной дороге к замке. В тишине так громко разносился звук, и слышно было, что всадник несется во весь опор. Ей тревожно стало...

Побежала смотреть.

Там был Меркель Хантц, ее опекун. Подскакал и начал колотить в ворота.

— Откройте! Что, ослепли?! Хиберт! Открывай немедленно.

Она приоткрыла маленькое окошко в окованной железом двери.

— Полегче, дядя Меркель. Если вы будете так кричать, надорветесь.

На несколько секунд он даже потерял дар речи, а потом из него полилось:

— Ах ты бесстыжая! Как ты смеешь так разговаривать со мной?!

Он даже покраснел с натуги, но Маре было все равно.

— Зачем вы пожаловали, дядя?

Он хмыкнул и, внезапно сменив тон, проговорил:

— Приехал проверить, как ты здесь живешь. Не нужна ли тебе помощь?

Столько яду, столько шипящих.

— А вы, значит, приехали мне помочь?

Меркель кивнул:

— Отчего же нет? Если ты правильно себя поведешь.

Что-то такое оценивающе сальное мелькнуло в его взгляде, что Мару просто затрясло.

— Дядя, как вы можете?!

— А что? Замуж ты все равно не выйдешь, так что... О будущем надо подумать, пока ты еще годишься на что-то.

У нее в глазах потемнело от злости, и хоть руки тряслись, но говорила она спокойно:

— Как знать, дядя, как знать.

— Угу, — протянул тот. — А скоро подойдет время платить подать. Чем будешь платить?

— Я несовершеннолетняя, — в тон ему ответила Мара. — Вы мой опекун, подати — это ваша забота. А вы выгребли все подчистую. Как отчитаетесь перед королем, когда подойдет срок?

— А вот тут можешь не беспокоиться. Его величество призвал тебя на отбор? Призвал. Платья тебе надобны были? Надобны? А на это все нужны деньги. Вот и пришлось выгрести все, чтобы отправить тебя достойно. А в том, что ты опозорила и растеряла все по дороге, разве моя вина?

Мара была потрясена. У него так складно получалось, что она еще вышла виноватой!

— Упрямишься? На порог меня пустить не хочешь? Посмотрим, что будет завтра, когда ты по миру пойдешь, — бросил Меркель

напоследок и ускакал.

Она смотрела ему вслед, а потом прошептала:

— Не дождешься.

глава 22

В четкой и размеренной жизни короля как будто произошел сбой. И как он старался, положение не удавалось выровнять. С того музыкального вечера, когда Истелинда вывела его из себя, прошло еще несколько безумно скучных дней. выматывающих душу. А с того проклятого дня почти две недели. Он их считал по часам.

На отборе за это время состоялось еще несколько музыкальных и прочих вечеров. И каждый раз генеральская вдова выдумывала какое-нибудь благородное состязание для девиц. За это время они уже и пели, и декламировали, и даже демонстрировали способности к устному счету и рукодельничали.

Родхар сначала испытывал острое желание сослать фонтанирующую идеями матрес Гермоину Пасквел назад в деревню, но потом успокоился. Потому что музыкальные вечера с пением и декламацией остались позади. Теперь девицы были заняты тем, что старались превзойти друг друга в рукоделии, а он мог хотя бы на время оставаться выше этой возни.

Правда, наступал момент, когда все они шли к нему со своими поделками.

Говорили:

— Мой король, это для вас.

Улыбались и смотрели ему в глаза. А он ловил себя на том, что хотел бы, чтобы эти слова были сказаны другим голосом, и совсем другие глаза смотрели на него. Это выжигало бешенством изнутри. Королю казалось, что подобные желания унижают его достоинство.

Он вырывал это с корнем, отрезал от себя, боролся. Но проклятые мысли неконтролируемо приходили снова. И чем дальше, тем больше это походило на то, что он режет собственную душу.

Пока в какой-то момент не понял одну простую вещь.

Он король.

А раз король, значит, может все! Хочет он, чтобы на него смотрели те глаза? Надо просто взять то, что он хочет. На остальное плевать. И да здравствует здоровый цинизм.

Король даже рассмеялся, внезапно почувствовав дикое облегчение. Вот оно — решение проблемы. Маленькая сложность заключалась в том, что отсеяв девушку однажды, по традиции, он больше не мог призвать ее на отбор как претендентку.

Но он мог призвать ее «в долг» на время отбора. В этом случае никаких прав, как участница и претендентка, девица не получала, но обязана была присутствовать, как компаньонка или сиделка, везде, где его величество пожелает. Такой обычай существовал в Хигсланде, правда, очень давно не использовался. Оказалось, как полезно иногда хорошо знать обычаи своей страны!

Стоило принять это решение, в жизни как будто исправился сбой, все обрело смысл и краски. А потом Родхар начал действовать.

Прежде всего он приказал доставить к себе опекуна этой Мары-Элизабеты Хантц. А пока приказание исполнялось, погрузился в текущие дела.

Но после этого в душе как будто пошел внутренний отсчет. Чем бы король ни занимался, просматривал документы, которые ему приносили на подпись, фехтовал, просиживал с девицами на ужине или выслушивал лордов, его постоянно подгоняло изнутри нетерпение. Он дожидаться не мог, когда же наконец этого Меркеля Хантца притащат из его медвежьего угла.

И вот, наконец, на утро следующего дня его капитан стражи объявил, что майстер Меркель Хантц доставлен. Родхар находился в кабинете, просматривал отчет по казначейства по податям. В тот момент он испытал мгновенный душевный подъем. Трудно было скрыть реакцию, пришлось прокашляться и переместиться в кресле.

А капитан ждал ответа,

— Пусть войдет, — приказал Родхар.

И начал просматривать очередной лист отчета, поданный секретарем.

* * *

С того самого дня, как его племянница внезапно заявила с отбора домой, Меркель Хантц не знал покоя. Все его четко

простроенные планы на будущее разом порушились. А угроза, которую девчонка бросила ему в лицо, была нешуточной.

Правда, в то, что король самолично запретил Малгиту на ней жениться, он не очень верил. Мара могла и соврать ему назло. Хантц знал упрямый и вздорный характер своей племянницы, это она только с виду казалась тихой и безобидной, а на деле ему не раз приходилось сталкиваться с ее строптивостью.

Вот как сейчас.

Но если сделка не состоится, барон Малгит однозначно затребует назад свои деньги. А где их взять? Меркель уже спустил большую часть на ремонт и обустройство своего замка. Да и вообще, сама мысль возвращать деньги казалась ему кощунственной. Но подготовиться надо было, потому что с бароном шутки плохи.

Но не из своих же возвращать! Вот он и прошелся по арендаторам покойного брата. Кое-что набрать удалось. Но стоило подумать, что это теперь придется отдать Малгиту за племянницу, у него сердце кровью обливалось.

Теперь он ждал разгневанного барона со дня на день, но тот почему-то не спешил появляться и требовать свое. И тогда Меркель немного успокоился. Он решил попробовать с Малгитом договориться.

В конце концов, что они теряют? Ну не получился брак. Да и Бог и ним. Если барону нравится девица, пусть забирает ее так. Спрячет где-нибудь по-тихому и пользуется. Он, как опекун, готов был дать на это свое согласие. Так даже лучше, не надо тратить на свадьбу.

И раз барон не появлялся, Меркель сам съездил с этим предложением к Малгиту в имение. Однако того и в имении не оказалось. Управляющий сообщил, что его милость, как уехали в королевский замок на отбор, так и не возвращались. И распоряжений никаких от него не поступало.

Вот это уже было странно.

Но Меркель вернулся к себе и засел в замке, ожидая появления барона. И все это время он наведывался к племяннице, наблюдал за ее потугами поднять в одиночку хозяйство. Чудес не бывает, и рано или поздно девчонка вынуждена будет сдаться.

А тут уже подоспел ежегодный сбор податей. Как с этим быть, Меркель тоже продумал. Поручил дела жене, а сам на время уехал,

чтобы с него гладки взятки, что там у племянницы происходит. Ну а Мара, как и ожидалось, заплатить не смогла.

Вернулся неделю спустя, когда все было закончено. На следующий день собирался навестить племянницу, а тут люди короля.

С приказом срочно прибыть в замок его величества.

Как ему внезапно стало худо...

Попытался узнать причину, ничего ему не сообщили. Велели поторапливаться, выезжать капитан королевской стражи намерен был немедленно. Так и выехали в ночь, Меркель трясся в возке, а справа и слева вооруженные всадники. Стоило выглянуть в окно, у него леденело сердце.

Спал урывками, а сны были такие ужасные, что просыпался он в холодном поту.

Утром они въехали в столицу, а меньше чем через час Меркель Хантц, которому позволили только умыться и быстро сменить одежду, дожидался в приемной перед королевским кабинетом. И обмирал от страха, гадая, зачем его сюда вызвали.

Наконец секретарь otvorил дверь кабинета и велел ему заходить.

Его величество Родхар сидел за столом, изучал какой-то документ. Меркель сделал три шага и замер, глядя на короля. А тот вскинул вскинул голову, взглянул на него.

— Ты майстер Хантц, опекун Мары-Элизабеты Хантц? — спросил сурово.

Сердце у Меркеля сделало кульбит.

— Я, ваше величество, — пробормотал он, низко кланаясь.

Король кивнул и снова вернулся к документу, который держал в руке. Меркель немного расслабился, А король вдруг резко подался вперед, вчитываясь в написанное, и рыкнул:

— Что?!

глава 23

В кабинет вошел мужчина средних лет. Коренастый и крепкий, широкое лицо, скуластое, развитые крепкие челюсти, алчный взгляд. Хитер, жаден.

Этот Меркель Хант королю не понравился. Но ему не детей с ним крестить, а алчность опекуна Мары-Элизабеты Хантц была Родхару только на руку. Его согласие несложно будет получить, достаточно посулить денег.

Король не собирался показывать, насколько он заинтересован, иначе мужлан начнет кочевряжиться. Вернулся к листу отчета, который начал просматривать. И вдруг его взгляд привлекла странная запись. Он быстро пробежался по ней, выхватывая взглядом отдельные слова:

«Хантц... Мара-Элизабета... Подать не уплачена... Имущество арестовано...»

«Замок в состоянии крайней нищеты, земли разорены полностью»
Что?!

Этого просто не могло быть. Если девица получила приглашение на королевский отбор, значит, ее род имел необходимый для этого достаток и подходил по критериям. К тому же, он сам видел Мару-Элизабету Хантц. Небогата и не знатна, но нищей эта гордячка уж точно не выглядела.

Отвратительная догадка мелькнула у короля.

— Принеси отчет за прошлый год! — приказал он секретарю.

А сам застыл, сцепив над столом руки. Секретарь обернулся быстро, и вскоре его величество уже просматривал прошлогодний отчет, в котором котором состояние замка и земель указывалось как удовлетворительное.

Чего и следовало ожидать!

Родхар отложил архивную книгу и листок из нынешнего отчета казначейства. Листок особо. И накрыл его ладонью.

— Так значит, ты опекун Мары-Элизабеты Хантц? — спросил, глядя на стоявшего перед ним мужчину.

Тот, видимо, почуял неладное, глазки забежали.

— Я, ваше величество, — поклонился, не отводя настороженного взгляда.

— Тогда объясни, как получилось, что земли твоей подопечной разорены полностью? Подать не уплачена, родовой замок находится в состоянии крайней нищеты?

— Кхम्म... сир...

Майстер Хантц стал мелко кланяться, глаза забежали еще больше. И вдруг выпрямился и довольно складно понес:

— Сир. Требовалось снарядить мадхен для участия в отборе. Это расходы, сир. Мы, кхम्म, небогаты, сир.

— Да? — откинулся назад Родхар. — Что это были за расходы?

— Это, сир... — мужчина вытер вспотевший лоб. — Платья, украшения, приданое... Платья женские нынче дороги.

Чем дольше король слушал, тем больше проникался отвращением. Он прекрасно помнил небольшой сундук с одеждой, в котором было всего несколько платьев, доставшихся в итоге Малгиту. Это было весьма показательно и страшно взбесило Родхара. Он ревновал! Да. Он. Ревновал. Потому он и держал старого сластолюбца под жестким надзором, чтобы тот не посмел тайком сунуться к...

Вот и сейчас, подумав об этом, Родхар испытал приступ черной ярости.

Подался вперед и проговорил:

— Давай, майстер Ханц, расскажи нам, сколько стоят женские платья. И сколько тебе заплатил за твою племянницу Малгит?

Опекун девицы отшатнулся и побледнел, разевая рот, как рыба выброшенная на песок.

— Ну?! Я слушаю! — рыкнул король. — Как ты разорил вверенные твоей заботе земли, и мы из-за этого недополучили подать?!

А тот вдруг залепетал:

— Не могу знать, сир, мы люди простые... Обманули поставщики, затребовали высокую цену... А мы как же, нельзя не исполнить приказ короля... Сир, ваше величество...

— Мы понесли убыток по твоей вине, — повторил Родхар и повернулся к секретарю. — Капитана стражи ко мне. Этого к дознавателям. Пусть посидит в подвале, пока не расскажет все.

— Сир! — вытаращив в испуге глаза. — Я не знал! Я...

— Если хочешь из подвала выйти, вернешь ВСЕ, что ты утаил от казны! — жестко отрезал король. — Но сначала, чтобы впредь не повторилось воровство, ты подпишешь отказ от всех прав. Отныне имение родовое имение Хантц находится под опекой короны.

Дальше было просто.

Составить документ о передаче опекунских прав короне для секретаря было делом десяти минут. А после того, как бумага была подписана, трясущийся Меркель Хантц отправился в тот самый подвал, в котором до него успела побывать матрес Елена Фоурм.

— Отныне пристально следить, чтобы подати в казну поступали вовремя! — приказал Родхар и отпустил секретаря. — Свободен.

* * *

Оставшись один, король откинулся назад и прикрыл глаза. По губам скользнула нехорошая улыбка. Теперь девица с серебристыми волосами, выжигавшей ему разум, фактически принадлежала ему.

И это меняло многое.

Еще некоторое время Родхар просидел за своим столом с закрытыми глазами, потом, ведомый внезапным порывом, направился в маленькую внутреннюю часовню, в которой хранился главный артефакт рода — Ледяной меч Айслинг. Постоял, посмотрел на святыню рода и, насвистывая, вернулся обратно.

А настроение улучшилось настолько, что он вызвал к себе матрес Гермину Пасквел и отдал распоряжение провести внеплановый музыкальный вечер. Дама восприняла по-своему.

— Сир, ваше величество, — сказала она. — Это несколько неожиданно, девушки не успеют подготовиться так, чтобы вы могли оценить их таланты по достоинству. Но я сделаю все, что смогу. Итак, сир, что это будет, что бы вы хотели услышать? Пение, декламация?

Родхару на мгновение показалось, что у него разболелись все зубы. Было острое желание отправить предприимчивую генеральскую вдову назад в деревню. Однако он сдержался.

— Пусть это будет просто бал, матрес Пасквел. Ужин, танцы. Считайте, что это перерыв в отборе.

— Да, конечно, ваше величество, — присела в поклоне смотрительница.

Видно было, что будь ее воля, она бы выбрала расширенную программу, но это королю настроения не испортило.

* * *

А вечером на балу Родхар смеялся шуткам и даже танцевал несколько танцев. В этот раз чести танцевать с королем удостоились не только принцесса Амелия и леди Истелинда, но другие девушки.

Это было первое проявление интереса за уже долгое время. Что, естественно, не ускользнуло от пристального внимания придворных. Пошли шепотки о возможном появлении новых фавориток.

Принцесса Амелия восприняла стоически, как и положено будущей невесте короля. А вот леди Истелинду это обеспокоило. Она решила принять свои меры, чтобы вернуть королевское внимание.

Сам король о том, какое брожение в умах могло вызвать изменение в его поведении, не задумывался. Родхара волновало другое.

Сначала, конечно, чувство глубокого удовлетворения перекрывало все. Но потом, когда закончился бал, и он отправился в свою спальню, приподнятое настроение сменилось беспокойством.

Ему снова и снова приходил на память последний отчет. Те фразы из него.

«Хантц... Мара-Элизабета... Подать не уплачена... Имущество арестовано...»

«Замок в состоянии крайней нищеты, земли разорены полностью»
Черт бы его побрал!

Как эта девчонка там живет?!

Каким бы циником Родхар ни был, его коробило от этих мыслей. Он снова видел ее перед собой, как там, в лесу, когда прямо на нее выскочил волк. И потом, когда отбил ее у старого мерзавца Малгита и вез ее на своем коне в лагерь. Он только сейчас по-настоящему понял, что девушка может подвергаться опасности, и похолодел.

Это следовало исправить.

глава 24

Не нужно было обладать даром пророчества, чтобы догадаться, что подать она заплатить не сможет. И убедить как-то отсрочить платеж, сослаться на то, что опекуна нет на месте, Маре не удалось. Все ее попытки, кроме лишнего позора, ничего не принесли.

Королевский сборщик податей сунул свой нос в каждый амбар и погреб, осмотрел и сосчитал все. Но этого было мало. Он еще тщательнейшим образом обследовал замок, до нитки обчищенный дядей Меркелем. После чего заявил ей:

— Ни о какой отсрочке не может быть и речи. Вам попросту нечем платить. Не-чем.

Еще и пометку сделал в своем отчете:

«Замок в состоянии крайней нищеты, земли разорены полностью».

А потом выгреб то последнее, что оставалось, и напоследок, прежде, чем уехать, снизошел до того, чтобы дать совет:

— Вам, мадхен, надо в ближайшее время найти себе мужа, который будет в состоянии оплатить ваши долги. В противном случае, замок отойдет короне вместе с землями. Подумайте о своем будущем и поторопитесь.

Это было последней каплей.

Мара долго еще, после того, как сборщики податей уехали, не могла найти в себе сил пошевелиться. Так и стояла посреди двора, пока не подошел Хиберт.

— Мадхен Мара... — начал старый слуга.

Она очнулась.

— Ничего, мы не пойдем по миру, — сказала, глядя на него. — Что-нибудь придумаем.

А тот помялся, но потом все же сказал:

— А замуж вам надо. Негоже так надрываться одной.

— Замуж... — вздохнула она. — Да где ж его взять, мужа-то, да еще такого, чтобы оплатил мои долги?.

И тут старик насупился, потом с серьезным видом выдал:

— Погодите, мадхен, даст Бог, что-то и будет.

Потом он весьма таинственно, на вечер глядя, исчез. Вернулся уже ночью. А на следующий день, ближе к вечеру...

* * *

Нет, Мара давно уже в чудеса не верила и понимала, что ничего не происходит само собой. Так что, когда у ворот ее замка появился соседний лорд Фредус Кнопхе, она конечно удивилась. Но не очень.

Это Фредус Кнопхе был ненамного младше ее дяди Меркеля. Среднего роста, темноволосый лысеющий мужчина. Вдовец.

Сразу перешел к делу.

— Я готов взять вас в жены, мадхен Мара.

Сказал это и отправился осматривать замок. А Мара немного остолбенела от неожиданности. Потом опомнилась и догнала его.

— Но позвольте, майстер Кнопхе, вы, наверное, не знаете...

— Я знаю все про долги, мадхен. А что вы в бедственном положении, я вижу и сам.

— И... что же вы?

Он ответил просто:

— Стены крепкие, замок простоит долго. Если починить крышу, тем более.

Конечно, когда он сказал, что хочет починить крышу, это возымело условное воздействие. Но все равно не объясняло мотивов.

— Простите, но вам-то какая выгода, взваливать на себя чужие долги? — не выдержала Мара.

Мужчина обернулся к ней.

— Видите ли, у меня только дочери. Мне нужен сын. Вы молоды и можете родить мне сына. Мне нужен сын, — он снова оглядел пространство дом. — И этот замок.

Однако. Как все просто.

Деловой подход.

— А если, — она прокашлялась. — Если я не рожу вам сына?

Он повернулся и уставился на нее:

— Послушайте, мадхен. Вы говорите да или нет. Остальное решаем после.

Действительно деловой подход.

Мара неловко поежилась и оглянулась вокруг себя, пытаясь взвесить все за и против. Получалось не очень. Но в ее положении перебирать харчами не приходится. Она потерла переносицу и сказала:

— Я несовершеннолетняя. Вы должны получить согласие моего опекуна.

— Думаю, что это проблемы не составит, — проговорил тот и вернулся к осмотру замка.

А когда закончил сообщил:

— Мадхен Мара, сейчас я намерен увидеться с вашим дядей. Потом я вернусь, и мы обвенчаемся. Ждите меня через три дня.

И Фредус Кнопхе уехал.

Мара поверить не могла, что согласилась.

Хотя, после того как она собиралась выйти за старика Малгита, это был еще не самый худший вариант. Если подходить по-деловому.

Ее передернуло и стало очень обидно, что жизнь так складывается. Кого хотелось бы любить, тот... Нет, Мара не собиралась думать о сильном мужчине, который нес ее на руках и прижимал к груди, словно она драгоценность.

Был у нее один короткий миг, этого ей хватит, чтобы вспоминать в старости. Но не сейчас. Сейчас ей нужно думать о том, как уберечь крохи родительского достояния. В конце концов, если этот майстер Кнопхе избавит ее от мерзавца дяди, уже хорошо. И крышу починит. Судя по тому, как он осматривал замок, он подойдет к делу основательно.

А за это ей придется родить ему сына.

Эта мысль казалась ужасной.

Что-то внутри противилось всеми силами, кричало НЕТ.

Она просто пресекла этот бессмысленный спор с собой. Ушла в сад, чтобы хоть немного обрести душевное спокойствие. Потому что просто задыхалась. Копалась там почти до темноты, пыталась отсадить от розы черенки. Пока не пришел Хиберт и не позвал ее ужинать.

На следующий день она, конечно, успокоилась.

Занялась привычными делами и стала ждать.

Обернуться в три дня, как Фредус Кнопхе планировал, не вышло. Дело немного затянулось.

Потому что в первое посещение Меркеля Хантца не оказалось дома, а его супруга сказала, что тот в поездке и должен вернуться со дня на день. Пришлось возвращаться. На другой день Фредус не смог выехать, был проливной дождь. Зарядило так, что носа не высунуть.

Наконец, когда погода выправилась, наученный горьким опытом, Фредус Кнопхе не стал выезжать верхом, а взял повозку. В повозке, конечно, передвигаться получалось медленнее, чем верхом. К тому же, по дороге отлетело колесо, ничего не оставалось, как заночевать на постоялом дворе.

А утром, когда он наконец добрался, оказалось, что Меркель Хантц вчера вечером в срочном порядке отбыл ко двору в сопровождении отряда королевской стражи. С какой целью и когда вернется, супруга не знала.

Это здорово осложняло дело.

Чтобы получить разрешение опекуна девушки на брак, придется ехать в столицу. Это время и расходы. Но выбора не было, и в тот же день он выехал в направлении Даршантца, и к утру следующего дня он уже был на месте.

В Лендрио ему приходилось бывать и раньше. Оставалось только разыскать опекуна девушки. Майстер Кнопхе справедливо рассудил, что если за опекуном его невесты приезжали люди короля, то и искать его следует в королевском замке.

А в королевском замке, когда он сообщил, что разыскивает опекуна девицы Мары-Элизабеты Хантц, его сначала принял сурового вида мужчина в темной одежде, а после его проводили напрямик в кабинет к королю.

глава 25

Утром король отправил своих людей, чтобы взять замок под охрану. А в настоящий момент занимался делами. Что касается Меркеля Хантца, то дознаватели получили приказ проверять любого, кто попытается выйти с ним на контакт. Потому что в деле о воровстве каждая новая ниточка могла быть важной.

А пока король обдумывал, как бы удачнее обставить возвращение Мары-Элизабеты Хантц на отбор. Почему-то ему не хотелось делать это слишком явно. В какой-то момент Родхар вдруг понял, что спешка будет лишней.

Он король, и ему не пристало проявлять чрезмерный интерес к какой девице из провинции. Ее появление здесь по его замыслу должно было пройти естественно и незаметно. Соответственно ее скромному положению. По всему получалось, что он выбрал правильную позицию, и дальше пусть так все и идет.

Да, как правитель, он должен заботиться о состоянии владений. И, разумеется, король считал своим долгом взять под опеку имение Хантц. Проследить, чтобы родовой замок был восстановлен, а земли приносили доход. В этом главный смысл. Экономика.

А то, что наследница имения автоматически переходит под его опеку, Родхар предпочел оставить в тайне. Слишком много личного. Король не готов был в этом признаться. Достаточно того, что у него было все под контролем.

И еще.

В этом присутствовал некий элемент игры, охоты. Так уже было в его жизни однажды. И тоже было связано с ней, девушкой с серебристыми волосами.

Жизнь как будто сделала новый виток и привела его в ту же точку. Позади были обида и желание отыграться, наказать, за пренебрежение. А впереди — предвкушение, горячее, жаркое обещание страсти. Все начиналось заново, как в танце, только в другой позиции и с других нот. Но от этого танец манил еще больше.

Нет. Родхар не собирался спешить. Он хотел насладиться игрой.

Когда явился один из дознавателей и доложил, что некто Фредус Кнопхе искал встречи с опекуном девицы Мары-Элизабеты Хантц, Родхар сразу напрягся, почувствовав глухое раздражение. Потому и распорядился:

— Привести. Я допрошу его сам.

Дознаватель удивления не выказал, поклонился и вышел. А через некоторое время дежурный страж впустил в кабинет мужчину средних лет. Одет посетитель был просто, но добротно. Среднего роста, скуластый. Тонкие губы, длинный прямой нос, глубоко посаженные глаза в которых светились упрямство и интеллект. Этаким основательный лысеющий деревенский мастер. Родхару он инстинктивно не понравился.

— Представьтесь, — бросил король резко.

— Сир, — мужчина поклонился. — Фредус Кнопхе, к услугам вашего величества.

Король полистал рукой отчет казначейства, который который уже успели переплести. Кажется, ему встречалось это имя.

— С какой целью хотели встретиться с Меркелем Хантцем? Какие у вас дела с ним? — спросил он. — Что делали в столице?

Быстрый взгляд из-под бровей проскочил у этого Фредуса, мелькнула настороженность. Однако проговорил достаточно твердо:

— Сир, я приехал, чтобы получить разрешения на брак с его подопечной Марой-Элизабетой Хантц.

Родхару показалось, что острая игла впивается в мозг. Раздражение взвилось факелом. И дальше, по мере того, как он слушал, раздражение разгоралось еще больше!

Подумать только!

Но какова, а? Он-то думает, что она бедствует, а она, оказывается, еще одного жениха себе нашла! Ядовитая досада мгновенно разъела все мысли.

— Вам лучше забыть об этой девице!

Вышло гораздо резче, чем следовало. Деревенский мастер вздрогнул и осекся, однако в следующее же мгновение упрямо выпрямился и спросил:

— Почему?

Черт!!!

Как это его разозлило!

— Потому что Меркель Ханц подозревается в крупных хищениях и укрывательстве доходов от казны, — произнес король, подаваясь вперед. — А у означенной девицы есть обязанности при дворе.

Повисла злая звенящая пауза. Наконец этот деревенский майстер произнес:

— Жаль. Замок у нее довольно крепкий. И я хотел иметь от этой девицы сына.

Сына?!

Как обухом по голове. Король вдруг подумал, на самом деле? С чего бы такая спешка? Не заделал ли ей этот прилизанный лорд сына уже? Иначе, что сподвигло его мчаться в столицу за разрешением? Стоило только это представить, Родхару показалось, что его сейчас разорвет.

Могла она или нет? Могла или нет?!

Но если она... Если!!!

Одно предположение. Но оно меняло все.

Король едва дождался, когда этот деревенский лорд уйдет. И тут же вышел из кабинета.

Гнев поднимался в нем волной, так, что становилось трудно дышать. При этом он почему-то ощущал физическую боль в груди, как от раны. И обиду, кислотой разъедающую его гордость.

Не успел король пройти несколько шагов по коридору, к нему присоединился дознаватель. Поклонился и спросил на ходу:

— Сир, вы позволите?

— Говори.

Родхар двигался стремительно. Что-то жаркое, поселившееся в груди, толкало его к действию. Казалось, промедление смерти подобно. А дознаватель шел рядом и докладывал:

— Меркель Хантц назвал несколько имен тех, с кем он контактировал в Даршантце и здесь, в Лендрио. А также в провинции.

— Всех проверить, — на ходу бросил король.

— Да, сир, я понял. Прошу вашего разрешения выехать немедленно.

— Нет. — Король остановился.

Строгий мужчина в темной одежде тоже замер и воззрился на него. А Родхара разозлила его излишняя проницательность. Королю вдруг показалось, что тот смотрит ему в душу и видит лишнее!

И потому он отчеканил:

— Дело государственной важности. Я займусь этим сам. А вы проверите всех здесь, в Лендрио, начиная с моего замка.

— Да, сир, разумеется, — четко, по-военному ответил тот. — Будет исполнено.

Дознаватель еще стоял, склонив голову, а Родхар уже двигался дальше. Досада, оттого что ему не удалось в полной мере скрыть свои чувства, разливалась в душе, однако он подавил эмоции. Дело государственной важности. Именно так. И разбираться со всем король намерен был сам.

Однако на время его отсутствия надо что-то делать с отбором.

Следующее, что он сделал, это вызвал к себе матрес Пасквел и оповестил ее:

— Я объявляю перерыв в отборе.

Почтенная дама присела в книксене и спросила настороженно:

— Сир... могу я узнать причину?

Король скрипнул зубами, однако постарался говорить спокойно и доходчиво:

— Меня не будет несколько дней. Дело государственной важности. Ваша задача за это время заботиться о том, чтобы ваши подопечные... — ему все-таки пришлось прочистить горло. — Не скучали и не предавались унынию.

Генеральская вдова понимающе кивнула и тут же задала встречный вопрос:

— Могу я, ваше величество, испросить разрешение моим подопечным посещать королевский сад?

— Да, можете, я позволяю.

Она неожиданно просияла и проговорила:

— Отлично, ваше величество! В таком случае, девушки будут заниматься в королевском саду живописью и ваянием. И к вашему возвращению, сир, вы сможете оценить их работу и выбрать лучших из лучших!

Родхар не сдержался, закатил глаза. Мирон Пасквел, покойный муж этой дамы, несомненно был героем и заслужил памятник в

полный рост из чистого золота. Хотя бы потому что столько лет терпел ее предприимчивость и не жаловался. Вслух же он сказал:

— Прекрасная идея. А сейчас, матрес Пасквел, прошу меня извинить.

Этот вопрос тоже был решен.

А дальше король в срочном порядке отдал все необходимые распоряжения, одним из которых было обязательное соблюдение секретности. И во второй половине дня вместе с отрядом стражи верхом поскакал в Даршантц.

* * *

Прошло три дня, а мастер Кнопхе не появился.

Мара не знала, что думать.

А чувства двойственные. С одной стороны, дикое облегчение, потому что она в глубине души подспудно надеялась, что этот брак не состоится. Ее в дрожь бросало при мысли, что ей придется... Брррр.

Но ей же нужен был этот брак!

И от того, женится на ней этот мастер или не женится, зависело, сможет ли она заплатить подать и сохранить отцовский замок. Весь следующий день Мара была на нервах и поглядывала на дорогу, утешая себя тем, что человек мог задержаться. У него могли возникнуть дела.

Или он мог передумать.

Вот эта мысль была самая неприятная.

А дни все шли. Когда Фредус Кнопхе не появился и через неделю, она поняла, что зря на него рассчитывала. Надо искать другой выход.

Хиберт ходил мрачнее тучи, переживал. Она сказала:

— Ничего, выкрутимся. Что-нибудь придумаем.

Хуже стало, когда к вечеру в отдалении появились королевские стражники.

— Мадхен, я пойду посмотрю, что там. А вы запритесь и, пока я не вернусь, не вздумайте открывать, — велел Хиберт.

Облачился в старые латы и выехал навстречу людям короля. Через некоторое время вернулся, Мара бросилась к нему:

— Ну что?!

А тот с озадаченным видом сообщил:

— Им велено охранять замок.

Боже... КАК Мара разозлилась...

— Значит, им велено стеречь замок, чтобы я не сбежала, не заплатив подать?! А не хочет ли его величество уж заодно положить на мои земли долговой камень*?!

Старый слуга отвел глаза и пробормотал:

— Вообще-то, я никакого камня там не видел, мадхен.

Не важно!

В тот момент Мара всеми силами души ненавидела короля.

Она снова ушла в сад. К розовому кусту, который для стал неким символом. Замерла перед ним, сжав кулаки, стояла так некоторое время, потом выдохнула.

Медленно, медленно ее отпустило.

Это не конец, она обязательно придумает, как ей с этим справиться. А сейчас надо просто немного отдохнуть. Да, отдохнуть.

И принялась работать в саду. Механически. В последние несколько дней Мара, когда начинала нервничать, приходила сюда. Сад уже превратился для нее в отдушину. Она разбивала новые грядки, пересаживала цветы. Хиберт даже приносил для нее кустики, которые находил за стенами замка.

У матушки был цветник, но совсем маленький, и в нем были в основном левкойи и флоксы. За это время Мара многое переделала. Теперь здесь были отсаженные отдельно тоненькие черенки розы, и она очень надеялась, что черенки приживутся. Маленькие кустики спиреи, которые она высадила вокруг бордюром, вереск и даже барбарис.

Место под садик было небольшое. Но Мара все распланировала, чтобы получились аллейки, а у стены, там где стояла матушкина любимая скамья, она хотела... Когда-нибудь потом, когда будет возможность. Поставить беседку.

Начало темнеть, она наконец разогнулась и взглянула на свой сад. И вдруг поняла, что невольно скопировала тот уголок королевского сада, где... Не совсем точно, но это было похоже.

Чееерт... Как трудно было в тот момент удержаться и не заплакать.

Хорошо, что в тот момент ее окликнул Хиберт.

— Мадхен!

— Да, — едва слышно ответила она.

— Мадхен Мара! Идите ужинать.

Он уже подошел к калитке и странно топтался. Потом все же сказал:

— Там... кхम्म... Вам передали. Пойдемте, мадхен.

— Кто передал, что?

— Королевский стражник, он к воротам подъезжал.

Тут Мара сообразила, что слышала какой-то шум, но была так занята...

— Пойдем, — сказала она, пытаясь улыбнуться.

Оказалось, что стражник передал корзину с едой. Там было несколько хлебов, головка твердого сыра, мясо и еще яблоки. Мара не знала, как к этому отнестись. Первым побуждением было отказаться, но Хиберт хлопотал, раскладывая все на столе. У нее не хватило духу испортить ему настроение.

В конце концов, после ужина ей стало казаться, что все не так страшно.

Завтра она обязательно что-нибудь придумает.

* * *

В Даршантце Родхар был еще до ужина. И сразу, как только прискакал, приступил к делу. Допрошены были все, кто имел хоть малейшее касательство к Меркелю Хантцу, с кем виделся, кого посещал, кто его посещал. Хозяин гостиницы, где тот останавливался с племянницей, торговец платьями, слуги и служанки, хозяин постоянного двора, где Мара останавливалась на обратном пути.

Он проработал там допоздна и выехал в четыре, чтобы быть в Хантце не позднее десяти утра.

глава 26

Внезапный отъезд короля не мог остаться незамеченным. И то, что снова объявлен перерыв на отборе, не могло радовать девушек. Особенно, леди Истелинду. Знаменитой красавице вообще многое казалось странным уже некоторое время. А уж невнимание его величества к ее прекрасной персоне... удивляло.

С того самого дня, когда король демонстративно встал и ушел, после того, как она пела специально для него, ей было, над чем призадуматься. Возможно, его шокировала ее смелость? Да, но она иногда позволяла себе куда большую смелость, и это поощрялось и приветствовалось.

Ей пришло в голову, может быть, королю не понравилось то, что песня простонародная. Может быть... Эта мысль расстраивала первую красавицу Хигсланда и заставляла ее хмурить прекрасные брови.

Принцесса Амелия держалась нейтрально, как будто ее это не волнует, но и она иногда хмурилась. Отношения между двумя фаворитками отбора не то, чтобы натянулись, но стали прохладнее точно. Остальные девушки, группировавшиеся вокруг них, тоже как-то затаились. Все стало зыбко и неопределенно.

Это не нравилось леди Истелинде.

Как только матрес Пасквел вывела их в сал заниматься ваянием и живописью, Истелинда улучила момент, отвела смотрительницу в сторону и задала вопрос:

— А вы не знаете матрес Гермiona, чем вызван этот перерыв?

— Ну отчего же, — кивнула почтенная дама.

В отличие от матрес Елены Фоурм она охотно шла с девушками на контакт. Считала, что это помогает сохранить теплую атмосферу на отборе. Потому и проговорила доверительно:

— Его величество отбыл в провинцию по делам.

— Так срочно? — удивилась Истелинда и нахмурилась, прикусив губу.

— Вообще-то, это не для разглашения, — понизила голос смотрительница и огляделась. — И я сама не знаю точно, но это как-то связано с делом майстера Меркеля Хантца. Что-то такое с податями.

Хантца?! Истелинда отодвинулась назад и подумала:
«Ах вот что!»

* * *

Той ночью Маре опять снился страшный сон.

Как будто она в лесу. А вокруг стремительно темнеет. И вот уже между стволов из темноты начали появляться то там, то сям, огоньки глаз. Ей хотелось спрятаться, но от них спрятаться невозможно. Только бежать. И она бежала, а в темноте под ноги все время попадало что-то, и ветки цеплялись за одежду, за волосы.

А за сзади топот ног и шумное дыхание. Ах, как это страшно! Казалось, что ледяные излы впиваются в затылок, каменеет спина. Но она бежала со всех ног. Неожиданная подсечка, и ее снесло в сторону. Зверь выскочил сбоку из-за кустов.

Мару сбило с ног, она покатилась кубарем и ткнулась прямо в толстый ствол огромного старого дуба. Ударилась, но сразу же вскочила на ноги. Хотела бежать, а все! Ее окружили. И из темноты стали выступать звери, а она замерла, прижавшись к стволу.

Звери приближались, а у нее в руках ничего, ни ветки, ни камня. Нечем отбиться. А от этой стаи отделилась светлая волчица и, роя когтями землю, пошла на нее. И остальные стали скалиться тоже.

Казалось — все, нет спасенья, ее сейчас сожрут.

И вдруг прямо перед ней, закрывая ее собой, в круг выпрыгнул огромный черный волк. Он рычал на всех и припадал на лапы. Казалось, сейчас будет страшная драка...

Но дальше Мара ничего не помнила, ее накрыло темнотой.

* * *

Утром она долго не могла прийти в себя.

Этот сон. Он приходил ей уже однажды и сбылся так страшно, что после этого ее жизнь круто изменилась, словно полетела кувыркком. И вот опять... Казалось бы! Ей уже некуда дальше падать.

Что теперь может сулить этот сон?

С трудом заставив себя подняться, она умылась и привела себя в порядок. К завтраку уже вышла относительно спокойная. Хиберт хлопотал, разливал крепкий травяной отвар по глиняным кружкам. На столе хлеб, сыр, ломтики мяса. Увидев остатки вчерашней еды, Мара невольно подумала, что надо как-то поблагодарить этих королевских стражников. Наверное. Только ей нечего предложить им взамен.

Она шумно выдохнула и нахмурилась.

— Вы поешьте, мадхен Мара. И отвару, вон, попейте, — толкнул к ней кружку Хиберт.

Видно было, что старый слуга изо всех сил старался ее подбодрить. Поесть-то Мара поела, но разговор не клеился. У нее из головы не шел тот сон, мысли странные. И еще это непонятное предчувствие...

Потом, конечно, все это немного отодвинулось на второй план. Ладно, их охраняют, неприятно, но она уже свыклась с этой мыслью. Думать надо о другом.

Если она не может прямо сейчас решить большую проблему, надо делать что-то малое. Простое и конкретное. Это поможет собраться, а там, глядишь, и появится какой-то выход.

У нее собралась штопка. Мара взяла корзину с выстиранным бельем, устроилась со штопкой на матушкиной любимой скамейке в саду и принялась за работу.

* * *

Родхар специально раньше выехал, чтобы быть на месте к утру. Потому что мало ли, какие дела могут выплыть. Он уже в Даршантце неожиданно для себя обнаружил столько такого, чего не узнал бы, если специально не копнул глубже. И чем глубже копал, тем больше зверел от того, какими редкостными мерзавцами могут быть его подданные.

Понятно, воровство. Еще его покойный дед говаривал, сколько угодно вешай воров и руби им головы, все равно на место одного три новых приходит. Его возмущало другое! То, что вся эта мерзость ложилась на его имя пятном. Но с этим будет покончено.

Но прежде, он собрался прояснить вопрос с одной единственной девицей!

Которая... Родхар бесился, оттого что не мог не думать о ней постоянно. Обида и боль, в которой он не хотел себе признаваться. Подспудный страх за нее.

«Замок в состоянии крайней нищеты, земли разорены полностью»
Как она там живет?! Грызло изнутри беспокойство. Да, он распорядился охранять замок и проверить на месте. Но мало ли!

А вдруг она беременна.

Эта мысль заставляла его холодеть от злости и еще сильнее пришпоривать коня.

Если. Он уже все решил для себя, потому что он король. И если она действительно беременна, то... Вот здесь все мысли обрывались, как будто разум ставил планку, через которую перейти невозможно.

Но это еще было не все.

Попутно выяснялось, что ему следовало бы чаще выезжать в провинцию. Забираться в медвежьи углы, а не только охотиться в окрестностях Лендрио. Потому что дорога, чем дальше они удалялись от столицы, тем становилась отвратительнее.

А когда свернули с тракта, то дороги не стало вовсе. Еще недавно прошел дождь, и все эти ямы и колдобины были полны хлюпающей жижи. Кое-где дорогу перегораживали стволы поваленных деревьев. Оставалось только порадоваться тому, что он выехал верхом.

И все же он был на месте ко времени, которое сам себе назначил. Голодный и злой как черт. Его конь был заляпан грязью по брюхо, да и сам он выглядел не лучше. Одежда в грязи, волосы слиплись от пота. Плевать ему было, как он выглядит. Родхар остановил коня в расположении небольшого лагеря стражи.

Капитан, выбежал навстречу.

— Сир! Ваше величество!

Глаза от удивления вытаращены. Короля здесь не ждали.

— Сир, прошу, отдохните. Эй! — рявкнул, подзывая знаком дежурного.

А тот уже бежал, держа поднос, на котором был нарезанный хлеб, мясо и кубок с вином.

— Доложите обстановку, — проговорил Родхар, отпивая вина из кубка, который ему поднесли.

— Сир, — начал тот. — Обстановка спокойная. Посетителей не было, замок никто не пытался покинуть. И... кхम्म.... Насколько я

понял, у них там имеются проблемы с фуражом.

— Разберемся, — процедил сквозь зубы король и бросил кубок дежурному.

А потом вскочил в седло, и через минуту уже скакал во главе отряда по дороге к замку.

глава 27

Солнце поднималось высоко, после дождя, прошедшего пару дней назад, кое-где было еще влажно. Теплые испарения прогретой земли, запахи цветов, небо над головой. А в воздухе жужжание пчел, где-то чирикают и посвистывают птицы.

Высоко в небе парил коршун.

Мара засмотрелась вверх и замерла со штопкой в руках. Здесь и сейчас все казалось таким далеким, проблемы отступили. Жизнь как будто дала передышку.

Ненадолго.

Скрипнула калитка.

— Мадхен Мара.

Встревоженный голос Хиберта.

— А? — она дернулась от неожиданности и нечаянно уколола палец.

Выступила капелька крови, они оба на нее уставились, потом Мара потянула палец в рот и спросила:

— Что?

— Там, — старый слуга замялся. — Движение в лагере.

Словно холодной водой плеснуло за шиворот. Мара выпрямилась и отложила штопку на скамью. Теперь она и сама слышала звон сбруи и конский топот. Звук приближался. ЭТО приближалось, а время, казалось, замерло.

Мара медленно выдохнула. Что она может сделать? Здесь, сейчас? Пока ЭТО не настигло ее.

Наконец раздалось требовательное:

— Именем короля! Откройте!

Все. Время кончилось. На какое-то мгновение Мару словно оглушил огромный колокол. Потом она подумала, хорошо, пусть так. И сказала Хиберту:

— Открой.

А сама осталась здесь у розового куста. Последнее прибежище. Ее сад.

По дороге Родхар несся во весь опор, но на подъезде к замку ход сбавил. Негоже. Он король. Капитан стражи выслал вперед двоих, А Родхар оглядывал замок.

Стены действительно довольно крепкие. В старые времена умели строить. Наверное, оттого что меньше воровали. Неудивительно, что тот деревенский мастер на эти стены позарился. Как, бишь, его, Фредус Кнопхе? Король мысленно расхохотался и тут же скрипнул зубами.

Он готов был сейчас думать о чем угодно, только не о той девушке с серебристыми волосами, которая была скрыта от него стенами этого замка. А в груди горело огнем. И что-то такое дрожало нетерпением в душе, как будто он все эти дни умирал от жажды.

Довольно! Приказал себе король. И осмотрелся.

А нетерпение росло. И вместе с ним росла и злость. Хорошо, что нет никаких рвов, мелькнула мысль, не придется штурмовать замок.

Вот наконец ворота стали открываться. И тут нетерпение достигло предела, у него даже на миг потемнело в глазах, а сердце неистово заколотилось и подскочило к горлу. Но король не ворвался первым в замок, как хотелось тому неведомому, что поселилось в нем с недавних пор. Нетерпение было сдержано железной рукой.

Сначала в замок въехала пятерка стражи, потом он.

Первый взгляд — ГДЕ?

Где она?

Перед ним стоял только старый слуга. Еще крепкий. Взгляд далекий от смирения блестел из-под бровей. Родхар бросил поводья и прыгнул наземь.

— Сир, ваше величество, — поклонился простолюдин.

— Где люди? Где хозяйева? — резко бросил король.

Это уже выходило за допустимые рамки! Ему выказывали крайнее неуважение. Он, черт побери, король!

— Никого нет, сир, Я один. А мадхен Мара, — старик нервно покосился в сторону. — Она...

— Где. Она? — медленно и отдельно проговорил король, чувствуя, что его сейчас разорвет от досады и злости.

— Мадхен Мара там, — показал тот рукой.

Родхар только бросил на него короткий взгляд и пошел вперед.

— Показывай, — рыкнул слуге через плечо.

Тот плелся сзади, не поспевал, а, может, специально задерживал. К черту его. Родхар и сам бы ее нашел с закрытыми глазами. Тем более, что замок был мал.

— Сюда, — раздалось сзади.

Родхар остановился, пропуская слугу, и пошел следом.

Жарко было в груди, пекло под ребрами от гнева, а в легкие заливался непрощенный сладкий холодок. Он... робел?! Бред!

В дальнем углу у стены был отгорожен маленький садик, слуга остановился у входа. Король замер на мгновение, как если бы за этой смехотворной преградой таился противник, способный внушить ему страх, потом наклонил голову, резко толкнул калитку и вошел.

Мгновенно охватил взглядом все. Весь это крошечный садик, цветы и кусты, скамейку, корзину с бельем рядом. Но в следующий миг он уже видел только ее.

Девушка стояла у стены, напряженная, как натянутая струна, руки сложены перед собой, в лице отчуждение и холод. Старое платье из какой-то серой ткани, передник, линиялая косынка на волосах...

На какую-то бесконечно долгую секунду они оба замерли.

И снова как тогда в шатре, в охотничьем лагере, его потянуло к ней, ему показалось, что вот сейчас...

Момент разрушился.

Она стала медленно опускаться в книксене и холодно произнесла:

— Сир. Рада приветствовать вас в своем доме. К сожалению, не могу оказать вам должного гостеприимства.

Ложь. Мерзость. Фальшь.

«Неужели это лучше того, что я мог тебе дать?!» — хотелось ему заорать ей в лицо.

Нищета кругом! Неужели настолько противна мысль быть с ним, что лучше было выйти за этого Кнопхе или Малгита?! Родхар не мог простить даже мысли! Что она могла подпустить кого-то из них к себе. Что она могла быть беременна. Потому что если это так...

Король больше не мог сдерживаться.

Он повернулся спиной.

Несколько мгновений, чтобы успокоить kloкотавший в груди гнев и успокоить дыхание. Наконец он откинул голову назад и произнес:

— Собирайся.

* * *

Мару колотило и заливало изнутри холодом. Голоса, шаги, секунды...

Но вот калитка дрогнула и так медленно, медленно отворилась. Но это ей казалось. На самом деле он вошел стремительно. Ворвался, словно ветер с гор. Король. Темноволосый, красивый, сильный. В заляпанной грязью одежде. Злой.

На мгновение сердце сделало кульбит, а потом просто залилось холодом.

Так противно стало от того, что ей не дали даже времени попытаться спасти отцовский замок. Она бы смогла, сумела. Но и сейчас Мара не готова была сдаться.

Слова приветствия были произнесены. Это все еще ее замок.

И вдруг это:

— Собирайся.

Сухо, холодно, резануло, словно клинком. Как, уже? Она прошептала:

— Что?..

Но ей же должны были дать хоть немного времени, чтобы собрать нужную сумму. Он не может так с ней поступить... Неужели он настолько мелочный, что прямо сейчас вытряхнет ее из замка?

Мужчина дернул плечом. Глянул на нее вполоборота и отчеканил:

— Поедешь со мной. Я беру тебя в долг.

И снова повернулся спиной. А она пошла пятнами от гнева и стыда, протест взвился в душе факелом.

— Хорошо, — проговорила Мара, глядя в широкую, крепкую спину мужчины. — Но прежде вам надо заручиться согласием моего опекуна.

Он резко обернулся и взглянул на нее.

— Твой опекун согласен.

«Нет!» — кричало все в душе. Мара поверить не могла.

— Зачем я вам? — тихо проговорила наконец.

А он смерил ее взглядом и бросил:

— Будешь компаньонкой, сиделкой. Не знаю.

На секунду у нее прикрылись глаза, на одну лишь секунду. Чтобы не видеть его красивого циничного лица. Потому что он Враг.

«Ты сам нарвался, Родхар Айслинг», — подумала она.

А вслух сказала:

— Хорошо.

Обошла его и направилась в дом.

* * *

Кто бы сказал ему, что этот поединок отнимет столько сил?! И что он вкуса победы не почувствует! Родхар замер, сжимая кулаки и подняв лицо к небу, потом развернулся и вышел следом.

Девушка уже успела уйти.

Но прямо за калиткой перед ним встал ее слуга.

глава 28

Когда на пути вдруг возникло препятствие, Родхар сначала не понял. Как? Ему кто-то посмел заступить дорогу? Он поднял голову и хмуро взглянул на слугу.

В другое время король просто смел бы того, кто попался бы под горячую руку. Тем более, что его сейчас распирало от гнева и досады. Но человек не прятал взгляд, открыто смотрел на своего короля. Не часто встречается подобная смелость.

— Чего тебе? — спросил Родхар.

— Сир, не обижайте нашу мадхен. У нее никого нет, некому заступиться.

Родхар чуть не взорвался. Защитник! Не хватало еще, чтобы ему кто-то указывал. Да эта девица сама способна кого угодно обидеть! Такое зло взяло, аж горло стиснулось.

— У нее есть король, — сухо проговорил он и хотел обойти старика.

Однако тот переместился на шаг и снова заступил ему дорогу. Это уже начало откровенно раздражать.

— У тебя что, две головы? — медленно и раздельно проговорил Родхар.

— Сир, — старик смотрел на него исподлобья. — Не отнимайте у нее замок. Ее и так обидели на отборе, да еще обворовал собственный дядя. Замок единственное, что у мадхен Мары осталось. Ваша величество, дайте возможность выкупить. Хантцы всегда верно служили короне.

Сказал это и замер. Король некоторое время молчал, глядя в сторону. Ему было досадно и противно. Неужели можно ТАК извратить все, что он делает?

Наконец он перевел взгляд на старика и отрывисто бросил:

— Не тебе судить, что будет или не будет делать король.

Но тот все не отступал. И Родхар невольно отметил, как подрагивают плечи старого слуги, как сжимаются и разжимаются его кулаки. Как он неровно дышит. Такая преданность хозяйке дорогого стоит.

Обернулся на замок и начал, сухо роняя короткие фразы:
— Останешься здесь. Будешь следить за сохранностью замка. Тебе дадут людей. И средства. Отвечаешь головой. Понял?!

— Сир... — опешил тот. — Так вы не... Я правильно понял? Сир!

И вытянулся, отдавая воинское приветствие. А король вдруг почувствовал себя усталым. Хотел пройти мимо, но старый слуга забормотал опять:

— Сир! Ваше величество, не сочтите за дерзость...
А, так все сказанное до того, не дерзость?! Черт бы его побрал!

— Чего тебе еще? — спросил Родхар.

— Вот бы мадхен Мару замуж...

Вот это уже было последней каплей. Короля просто взбесило, как это было сказано.

— С дороги, — рыкнул он и прошел мимо.

Но через несколько шагов остановился и приказал:

— Меня не будет несколько часов. Передай своей хозяйке, чтобы собралась и была готова. У нее есть обязанности при дворе.

И дальше оставил здесь троих стражников, а сам с отрядом понесся прочь. Инспектировать земли, проверять состояние соседних замков. Что угодно.

Необходимо было вырваться оттуда, чтобы выдохнуть злость и досаду.

* * *

Этот разговор в саду. Ее как будто голой на мороз выбросили.

Мара дышать толком не могла, в душе пекло огнем. Она опять сидела в своей светелке, как тогда. И ей опять не дали выбора. Даже времени свыкнуться с мыслью не дали!

Словно жизнь сделала круг и привела ее в ту же точку. Только сейчас все было иначе. Еще хуже! Раньше она хотя бы ехала на отбор, а теперь... Ее положение более, чем прозрачно.

«Будешь компаньонкой, сиделкой. Не знаю».

Стоило подумать об остальных девицах, всех этих Истелиндах... Как они будут смотреть на нее и судачить.

Конечно, теперь это ее не касается, но у короля уже фактически есть невеста — принцесса Амелия из Грихвальда. И это было известно с самого начала! Весь этот отбор простая формальность, и свадьба будет назначена со дня на день.

Зачем ему она?

Самолюбие свое потешить?!

Хорошо. Она поедет. В конце концов, надо только продержаться до конца отбора. Дальше это старинное правило, позволявшее взять любую девицу в долг, не распространяется, она вернется домой.

Было бы только, куда возвращаться.

Наверное, надо было заплакать, но у нее не было слез. Сидела, глядя в одну точку, и злилась. Злилась и лопалась от досады!

И вдруг конский топот, гиканье. Мара сначала метнулась к окну, но окно выходило за задний двор и сад, отсюда ей не было видно, что происходит там. Но когда она услышала, что ворота закрылись, у нее вдруг сердце упало.

Уехал? Она осела на кровать, как будто внезапно лишилась опоры.

Но тут в дверь тихонько постучали.

Мара мгновенно вся подобралась, холодные мурашки поползли по затылку.

Это оказался Хиберт. От него-то она и узнала, что король уехал, а ей велено собираться и ждать его.

Отсроченное наказание порой еще хуже. Потому что вместо поддерживавшей ее злости она чувствовала теперь странную пустоту. Да еще Хиберт огорошил ее, сказав, что он остается.

— Как, подожди? — пробормотала она.

Нет, вообще-то, она сама хотела просить, чтобы ему позволили остаться. А тут слушала и, откровенно говоря, удивлялась. Под конец и вовсе не знала, что думать. Но если замок не продадут кому попало, это хорошо. Просто все это было странно.

Потом Хиберт ушел, а ей принесли еду.

Один из стражников держал поднос. С поклоном передал ей, она молча приняла и тут же заперла дверь, чувствуя себя не то узницей, не то... Сама уже не знала. Она, конечно же, понимала, раз у нее королевская стража в замке, не стоит устраивать истерику и выставять себя на посмешище. Ее могут просто заставить, и так будет еще хуже.

Но вот это новое положение. Оно делало ее такой незначительной и маленькой, а короля, который сейчас был неизвестно где, далеким и недостижимым. Еще недавно, когда они стояли друг против друга в саду, она чувствовала себя почти на равных, а теперь...

Все смешалось. И Мара ощущала себя песчинкой. В какой-то момент даже стало страшно, но она подавила в себе страх. Собрала то немного, что у нее осталось, и сидела в комнате, ждала.

А в голову лезли мысли, одна дурнее другой.

Как она поедет? В чем? У нее же нет ни одного нормального платья. Впрочем, если ей предстоит быть сиделкой или компаньонкой, какое имеет значение? Главное быть незаметной и ничем не выделяться. На чем ехать? Ее уже тоже особо не волновало. Найдется, наверное, у его величества лишняя лошадь. Все это наваливалось, утаскивая ее в прострацию.

За это время еще дважды приходил Хиберт, ей приносили еду.

Вернулся его величество, когда уже начало темнеть.

Она даже из своей комнаты слышала шум и скрип ворот. Сердце сразу подскочило к горду и бешено заколотилось, а потом просто упало куда-то. Вот ОНО. Казалось, этот момент никогда не наступит, а неизбежное подошло так внезапно. Ей не хотелось выходить из комнаты.

А пришлось.

— Мадхен Мара? — старый слуга постучал в дверь. — Вы готовы?

За ним в проходе маячили два стражника. Готова она или нет, уже было неважно. Она встала и вышла из комнаты, не глядя, как стражники забирают ее кофр и небольшой сундучок. Хиберт шел рядом и шептал:

— Вы не волнуйтесь, мадхен Мара, я присмотрю за замком. А тут, как только тут дела наладятся, переправлю вам чего-нибудь, не сомневайтесь.

Хотелось сказать, чтобы не переживал зря. Все равно отбор, вероятно, не продлится долго, а после королевской свадьбы она вернется. Но она просто сказала:

— Спасибо.

Во двор Мара ступала с опаской.

Невольно искала взглядом короля. Страшно было увидеть торжество, циничную усмешку на его губах. Но Родхара не было во дворе замка, зато здесь было полно стражников. Ей подали небольшую закрытую повозку, и как только Мара села, весь отряд выехал со двора.

Все повторилось почти один в один, как в тот раз, когда ее забирал дядя Меркель. И опять Мара, повернувшись назад, глядела в маленькое оконце, как удаляются стены родительского замка. Потом, наконец, села ровно и попыталась найти взглядом спину скакавшего впереди короля. И почему у нее было такое чувство, что все начинается заново?

* * *

Родхар не желал заходить внутрь. Он ждал снаружи. Смотрел, как девушка садилась в повозку, и ощущал ее холод и неприятие. И страх.

Страх на ее лице буквально добил его. Что угодно он готов был видеть, даже ненависть, только не страх! Как только повозка выехала из ворот, он тут же развернул коня и поскакал вперед.

глава 29

Выезжать пришлось, на вечер глядя. И будь Родхар один, он, может быть, погнал бы отряд в ночь до самого Даршантца. Несмотря на то, что он уж вторые сутки был почти без сна, он словно одеревенел изнутри и не чувствовал усталости. Все вытеснила поселившаяся груди горечь.

Но он был не один.

И потому, когда выехали на главную дорогу, король отдал приказ остановиться на первом же постоялом дворе, лепившемся к тракту. Чтобы заночевать там. В конце концов, надо было дать отдых людям и лошадям. Если его самого сжигает какое-то идиотское пламя, это не значит, что надо загнать всех насмерть.

И с ними была женщина. Он остро ощущал ее присутствие. Но ни разу не оглянулся и не подошел к повозке, в которой ехала эта девица с серебристыми волосами.

* * *

Неизвестность пугает, а беспомощность перед лицом обстоятельств страшит еще больше. Разумеется, Мара прекрасно знала, куда ее везут и что, в общем-то, ее ожидает. Но неизвестность и беспомощность. Они просто убивали.

А дорога была отвратительной.

Несколько раз им приходилось останавливаться. Она сидела в повозке и ждала, пока люди короля убирали поваленные деревья, а один раз, чтобы повозка могла проехать, пришлось заполнять ветками колею.

В одном месте, где убирали с пути толстый ствол, пришлось ждать довольно долго. К ней подошел королевский стражник и предложил пройтись, размять ноги. Но Мара не вышла. Странное чувство, ей почему-то казалось, что в этой повозке она в безопасности. Покинув ее, она могла случайно столкнуться с королем. Да даже просто видеть его для нее было лишнее.

Но, не видя его, она ощущала себя пришибленной, испуганной и слабой.

Странно смешалось все в душе.

На постоялом дворе, где они сделали остановку на ночь, было еще хуже. Мара видела мельком его высокую фигуру. На мгновение показалось, что он смотрит в ее сторону, однако король немедленно отвернулся и стал что-то указывать своим людям. А ее увели.

Маре выделили комнату, довольно просторную, наверное, это была лучшая комната здесь. Хозяин постоялого двора выглядел взволнованным и бледным, прислуга металась испуганная, естественно, не каждый день на их постоялом дворе останавливается король.

Кажется, кого-то выселили отсюда, потому что, когда Мара вошла, встревоженно блеснувшие глазами слуги еще выносили какие-то вещи. Ей самой было тревожно. Ее новое положение было слишком расплывчатым, чтобы ощущать себя спокойно, когда в этой комнате была огромная кровать. И на этой кровати прямо на ее глазах быстро перестилали белье.

Какие мысли должны были у нее возникнуть?

В тот момент она ощущала свою беспомощность остро, как никогда.

К ней приставили двух служанок. Девушки странно косились на ее более чем скромный наряд, однако никто не посмел слова сказать. Пока она переодевалась за ширмой, ей принесли ужин. Хлеб, холодное мясо, нарезанное ломтями, молоко. Еды было слишком много, невольно закралось подозрение, что это рассчитано не на нее одну. Мара в нерешительности смотрела на поднос, хотелось есть, но она не решалась к этому притронуться.

— Поешьте, мадхен, — проговорила одна из служанок.

Она заставила себя сесть и съесть немного. Бессмысленно голодать, ей понадобятся силы. Когда Мара ужинала, принесли лохань и горячую воду, чтобы она могла помыться с дороги. Мара поблагодарила. И снова пришлось давить в себе это позорное чувство беспомощности.

Девушки помогли ей помыться и ушли, а она осталась одна в этой комнате.

Держать лицо на людях было проще. Наедине с собой — несоизмеримо сложнее. Полезли из души страхи и непонятные предчувствия. Сразу вспомнилось, как тогда, в шатре, он холодно и деловому говорил ей:

«Амелия станет моей женой, это давно решено. А Истелинда, это Истелинда. Они тебя не касаются. Достаточно того, что ты будешь со мной»

Но тогда ей было, куда отступить. А теперь — некуда, у нее не осталось выбора. Проклятый Меркель Хантц, ее дядя, продал ее снова.

«Я беру тебя в долг»

Ведь она здесь полностью в его власти. Он король, кто скажет ему хоть пол слова?

Но. Можно было сколько угодно говорить себе это, и все же в глубине души она не верила, что тот мужчина, который бросился защищать ее от волка, а потом нес на руках до самого лагеря, может так с ней поступить. Но... Но.

Все это время Мара подспудно ждала, что ОН придет, и вздрагивала от каждого шороха. Ведь неспроста же ее поместили в эту комнату с огромной кроватью. В ту сторону она отказывалась даже смотреть. Нет. Нет и нет.

«Ты не сделаешь этого, Рохдар Айслинг. Я тебе не позволю!»

Протест взвивался в душе, и именно это давало силы держаться. Хотя, конечно, чего стоили все эти потуги, если...

Нет.

Раздался стук в дверь.

Гроном отдалось это у нее в ушах. Мара почувствовала, как пол уходит из-под ног, а сердце подскакивает к горлу. Неужели он все-таки... Мелькнула паническая мысль, почему она не заперлась??? Но что это могло изменить? Она выпрямилась и приготовилась биться.

А дверь приоткрылась, на пороге замер стражник, один из тех, что сопровождали ее всю дорогу, их лиц Мара не запомнила.

— Мадхен Хантц, завтра выезд очень рано. Вас разбудят затемно. Велено предупредить, — сказал мужчина.

Коротко поклонился и закрыл дверь.

Мара некоторое время так и стояла оглушенная, всплеск эмоций выжал ее досуха. Она сама не знала, что испытывает. Потом забралась в постель и почти сразу уснула.

Этой ночью ее никто больше не беспокоил.

* * *

Разбудили ее действительно затемно. Был быстрый завтрак, то, что оставалось от ужина, теперь стало понятно, для чего ей с вечера принесли столько еды. Горячий сладкий отвар из трав с медом.

А дальше снова в путь.

В этот раз она, усаживаясь в повозку, она тоже видела только спину короля, и то мельком. Было глупое разочарование и неуместное чувство вины, но она подавила в себе эти чувства. Чем меньше она привлекает к себе внимания, тем лучше. В конце концов, король четко обозначил круг ее будущих обязанностей. Компаньонка, сиделка. А она от большого ума напридумывала себе невесть что.

От этого стало обидно. И...

Не связывалось что-то. Потому что за сиделками не едут за тридевять земель в провинцию, загоняя коней. И не являются в разоренные замки самолично, заляпанные грязью до ушей. Сиделок можно нанять в любом количестве в Лендрио. Королю для этого не нужно даже выходить из кабинета.

Но об этом она запретила себе думать тоже.

А утро начиналось солнечное, менялся пейзаж за окном. Мара поймала себя на мысли, что эта дорога становится привычной, она уже знала каждый поворот. Наконец, через пару часов быстрой езды они въехали в городок Даршантц. Последняя веха перед столицей.

Здесь король планировал сделать остановку.

глава 30

Она уже второй час сидела в гостинице. В номере, который ей здесь предоставили, даже некоторый шик наблюдался. Две комнаты, объединенные проемом, гостиная и спальня. Очевидно, номер предназначался для особых клиентов. Сколько это могло стоить, Мара старалась не думать. В конце концов, ее мнения не спрашивали, просто поселили здесь и велели ждать.

Опять прислуга вилась вокруг нее, опять на нее бросали косые взгляды. Это тоже уже становилось привычным. Как и стража за дверью.

Подали плотный горячий завтрак, больше похожий на обед.

В этот раз еды тоже было многовато для ее скромной персоны. Это наводило на мысль, что возможно, в Даршантце они задержатся. Ей вдруг подумалось, что хорошо бы прогуляться. Просто пройти по улицам, побыть немного под солнцем.

Обычно девицы благородных семейств старались меньше бывать на открытом солнце, чтобы не потемнела кожа и не выгорели волосы. А Мара, так уж вышло от природы, могла часами находиться под ярким солнцем, а кожа оставалась по-прежнему белой, только легкий румянец появлялся. Ну, а волосам-то уж точно ничего не угрожало, там нечему было выгорать.

Пройтись по городку хотелось, но она не стала спрашивать стражу. Неизвестно, какие у его величества планы. Ей ничего не сообщали, но король может решить выехать в любой момент. И вообще, ей просто ничего не хотелось просить у него.

Возможно, если она будет вести себя незаметно, ее и не будут замечать.

Она встала и подошла к окну, посмотреть, что творится снаружи.

Отсюда ей было видно городскую улочку. Похожие на пряничные дома из фахверка, герани на окнах. Яркие красные и оранжевые цветы приковывали глаз, она не заметила, как засмотрелась. И прозевала момент, когда открылась дверь в комнату.

Мара резко обернулась и удивленно замерла. На пороге стояла та самая служанка, которая помогала ей в доме торговца, снимала мерки.

А следом стражники занесли сундук, потом еще один... И еще.

— Мадхен, — женщина поклонилась и подошла ближе. — Прошу вас, посмотрите эти платья. Мне велено помочь вам.

Крышки с сундуков откинули. Мара краем глаза увидела яркие расцветки, кое-где блестело шитье. Стражники замерли, а служанка склонилась в коротком поклоне. И все воззрились на нее. Надо полагать, она должна была выказать восхищение?

А ей сразу вспомнилось деловое и циничное:

«Тебе будут выделены комнаты и полный штат прислуги. Можешь рассчитывать на хорошее содержание. Лошади, украшения, меха — все это сверх того».

Нет, черт побери!

Она отвернулась:

— Унесите, мне ничего не нужно.

Возникла пауза. Через некоторое время раздались тяжелые шаги, а дверь закрылась. Мара обернулась, в комнате теперь была только служанка, но и сундуки никуда не делись, так и стояли на месте. Женщина подошла ближе и едва слышно проговорила:

— Госпожа, мой хозяин нижайше просит вас не говорить о том, что виделись с ним раньше.

Вот как?

Так значит, то, что он заманивал ее к себе и неизвестно как собирався использовать, не считается? Об этом не стоит вспоминать? Будь она более мстительной...

Мара мрачно хмыкнула. А служанка прошептала, склонив голову:

— У моего хозяина будут очень серьезные неприятности, и я потеряю работу. А у меня семья. Пожалуйста, мадхен...

Черт бы их всех побрал. Ради всего святого!

Это было непривычно и неприятно — решать чьи-то судьбы, нести за них ответственность. И новая роль, которую ей тут приписывали, Маре совсем не нравилась. Не вязалось это с ее нынешним положением, совершенно не вязалось! Но она сказала:

— Хорошо.

Остановка в Даршантце была не случайной. Родхар планировал здесь задержаться на какое-то время. Ему надо было успокоиться. Проветрить мысли, которые были заняты девицей с серебристыми волосами, находившейся здесь, в этой гостинице.

Все это время Родхар избегал любых встреч с Марой-Элизабетой Хантц. В душе бродили обида и раздражение, все время заставляя его возвращаться к одному и тому же. Он искренне хотел избавиться от этого, и не мог. А в сознании отравленными искрами вспыхивало:

«У нее никого нет, некому заступиться»

У нее есть он, черт побери! Он. Король!

«Ее и так обидели на отборе»

Да. Родхар чувствовал укол вины, вспоминая, как она уехала, бросив там все и не взяв от него даже положенного всем участницам вознаграждения. Это заставляло его давиться горечью. И за это он готов был растерзать всех, кто вольно или невольно был причастен. В первую очередь ее мерзавца дядю и барона Малгита. А также ту продажную шушеру, которую он легкомысленно допустил на отбор. И он это сделал.

Но было еще и другое.

Его просто разъедало кислотой, стоило вспомнить, как она сказала, что выйдет за барона Малгита. И потом за этого Кнопхе. Как будто ей было все равно, за кого идти замуж!

Да, будь он проклят. Он ничего не мог предложить ей иного, кроме как быть с ним. Он предлагал ей себя! Себя, будь он проклят.

Полный сил, неутомимый мужчина, способный сутками скакать верхом и без усталости махать мечом, чувствовал себя усталым. Но то, чем он сейчас был занят, мало напоминало отдых. Впрочем, иногда дела отлично помогают отвлечься и сохранить холодной голову.

Грязь с себя он смыл сразу. Приобрести новую одежду не составило труда. Он распорядился так же и насчет девицы. По его предположениям все должно было уложиться в дополнительные три часа. А к вечеру он хотел выехать в Лендрио, чтобы ночевать уже дома. К этому времени вся дурь успеет выветриться из головы. В свой замок король должен вернуться победителем.

А пока он заслушивал доклад одного из своих дознавателей.

Раздался стук в дверь, разрешения войти попросил стражник, один из тех, кого он отправил с поручением. Родхар велел впустить.

— Сир, — с поклоном доложил стражник. — Платья мадхен Хант доставлены.

Родхар кивнул и уже собирался заняться делами дальше, однако стражник не уходил.

— Что еще? — спросил король.

— Сир, — нервно выдохнул тот. — Мадхен Хантц отказалась принять. Велела вернуть все обратно.

Ему показалось, что зазвенело в ушах.

— Мадхен... ЧТО? — медленно переспросил Родхар.

Стражник повторил, стараясь глядеть в сторону. А у него в груди поднялся жаркий ком гнева. Значит, от Малгита можно было принять платья?! Ведь в прошлый раз именно старый развратник — барон оплачивал ее гардероб, так? Не потому ли она просила ему их передать? Что бы там ни пел на допросах ее дядя.

А от него нельзя?!

Повисла звенящая напряжением тишина. Стражник вытянулся, глядя строго перед собой, а дознаватель подался на стуле назад и затих, стараясь сделаться незаметным.

Казалось, гнев его задушит, однако, Родхар овладел собой.

— Передайте мадхен, что это приказ, — жестко проговорил он. — Пусть выберет любое, остальное упаковать и взять с собой. Через полчаса выезд, чтобы была готова. Я не намерен ждать!

Он не собирался выезжать сейчас, планировал сделать это ближе к вечеру. Но это само собой слетело с языка. Усталости как не бывало, От злости — ножом режь, кровь не потечет.

Стражник тут же исчез. Остался только дознаватель, Родхар взглянул на него и рыкнул:

— Свободен. Вернемся к этому позже.

Тот среагировал мгновенно, поклонился, свернул бумаги и вышел.

* * *

Пусть на короткое время, но Маре все-таки удалось остаться одной. Служанка ушла, ее больше никто не тревожил. В комнате было тихо, хотелось прилечь, но в воздухе ощущалась напряженность.

Этакое... Затишье перед бурей.

Насчет бури она не ошиблась. Прошло не больше десяти минут, и снова раздался стук, а потом дверь отворилась. Не комната, а проходной двор! Мара встала со стула, хорошо, что она не стала ложиться.

Вошел стражник и та самая служанка, а с ней еще две из obsługi гостиницы. Стражник сделал шаг вперед и отчеканил:

— Мадхен Хантц, вам велено выбрать любое из платьев. Одеться и быть готовой. Выезд через полчаса.

Развернулся и ушел.

Вот и вся правда.

— Мадхен, позвольте мне вам помочь, — пролепетала служанка. — Прошу, посмотрите эти платья. Какое вам подать?

А ее душил протест. Отвернулась к стене и сказала:

— Можешь подать любое. И побыстрее. Слышала, выезд через полчаса.

* * *

Женщина знала толк в нарядах. Выбрала темно-синее платье с небольшим аккуратным корсажем и модными прорезами на рукавах. Под него надевалось нижнее платье из светлой ткани и тонкая белоснежная рубашка. К платью полагалась еще недлинная полупрозрачная вуаль.

Наверное, это было красиво. Но у Мары не было ни сил, ни желания оценивать себя. Через полчаса Мара одета и гладко причесана. За ней зашел капитан стражи. Еще четверо вынесли ее багаж, и через десять минут она уже ехала по улицам Даршантца.

А впереди была столица и королевский замок. С его отбором, фаворитками и принцессами и с предстоящей свадьбой его величества, которая не за горами.

Мара ведь отчетливо представляла себе, как ее встретят там. Какими будут провожать взглядами и что о ней будут судачить. И никому ведь ничего не докажешь! Никто не поверит, что все это просто так.

Потом закрыла глаза и откинулась на стенку повозки.

Жизнь сделала бессмысленную петлю, а она все-таки стала королевской любовницей.

Во всяком случае, на словах.

Конец второй части.

Часть третья. Глава 31

Все-таки не зря Родхар хотел вернуться ближе к ночи в королевский замок. По темноте. Отдохнуть, подготовиться, отодвинуть неизбежное на завтра. Дать себе ночь форы и встретить новый день уже «на своем поле».

Потому что утром все всегда воспринимается иначе.

И да, он хотел хотя бы на некоторое время спрятать девушку от глаз. Это было личное, делавшее его уязвимым. Инстинктивное желание защитить, укрыть дорогое. Но даже самому себе под строжайшим секретом король в этом бы не признался.

То же самое он чувствовал тогда, когда нес ее на руках, испуганную и дрожащую.

Хотелось по-другому, но вышло как вышло.

И теперь он въезжал в свой замок при свете дня. Во всей красе, ведь он король, черт бы его побрал.

* * *

Трудно сказать, что было сложнее.

Покидать этот замок с позором, когда ей смеялись в лицо и на нее показывали пальцами. Или возвращаться «с триумфом» и в сопровождении королевской стражи.

Встречать своего короля высыпала толпа придворных. Его величество Родхар Айслинг был величественен, холоден и непроницаем. Въехал во двор впереди сопровождавшего его отряда стражи. Спешился и направился внутрь, на ходу отдавая распоряжения и принимая доклады.

Король двигался так стремительно. Среди всего этого Мара успела услышать только, как он приказал подготовить комнаты для мадхен Хантц, и все. Он уже отошел достаточно далеко, а потом и вовсе поднялся на крыльцо и исчез внутри.

Боже, как ей не хотелось покидать повозку. Но капитан стражи уже открыл дверь и стоял внизу, ожидая, когда она выйдет. И

поскольку она замешкалась, напомнил:

— Мадхен Хантц, вам помочь?

— Благодарю вас, — проговорила Мара.

Надо было выходить раньше, а теперь игнорировать его протянутую руку было поздно. Она вышла, стараясь как можно меньше опираться на него. Только слепой сейчас не глазел на Мару. И никто не посмел вымолвить ни слова, ее встретили полным молчанием.

И так же в полном молчании, под взглядами слуг, придворных и прочих обитателей замка ей пришлось идти по двору. Невольно вспомнился первый ее приезд сюда, надменный и важный распорядитель отбора, встретивший ее. В тот раз она была одна, а сейчас двор был полон.

Капитан стражи двигался впереди, она за ним, стражники с ее сундуками шли следом. Когда они уже поднялись на крыльцо и прошли холл, навстречу им быстрым шагом вышла пожилая дама. Окинула их взволнованным взглядом, ненадолго задержавшись на страже с сундуками. Маре этот момент хотелось провалиться сквозь землю. Особенно, когда та спросила:

— Мадхен Мара-Элизебета Хантц?

Слова застряли где-то в горле, Мара просто присела в книксене и кивнула. А пожилая дама выглядела растерянной, характерным жестом потерла руки друг о друга и озабоченно произнесла:

— Мне велено разместить вас... Пойдемте, мадхен Мара.

И повернулась, чтобы идти, но тут же обернулась и представилась:

— Меня зовут матрес Гермiona Пасквел, я отвечаю за порядок в крыле для претенденток. Следуйте за мной.

Стараясь не смотреть по сторонам, Мара последовала за этой матрес Пасквел. А в голове пустота и ноги ватные. Невольно отметила про себя, что новая смотрительница отбора по сравнению с прежней смотрительницей матрес Фоурм кажется приятной и заботливой пожилой матушкой. Но как долго продлится ее доброе отношение, когда эта дама наконец поймет, что Мара никакая не участница отбора, а просто... «взята в долг»?

Впрочем, Мара сейчас так устала, что не хотела думать ни о чем.

Наконец они добрались до крыла претенденток и свернули в уже знакомый коридор. Новая смотрительница прошла до конца, остановилась перед дверью и сказала:

— Мадхен Хантц, я пока что заселю вас в вашу прежнюю комнату.

Стражника занесли вещи Мары и тут же откланялась, а эта матрес Пасквел задержалась, но совсем недолго. Чтобы проговорить:

— Мадхен, — опять тот же характерный жест, выдающий озабоченность. — Ужин вам подадут сюда. И... я пришлю служанку.

И удалилась.

А Мара осталась одна. Странное чувство... Прошлась, касаясь ладонью простой скромной мебели. Все вернулось на круги своя? Что все это было? Зачем? Трудно себе представить. Чувствовала себя вещь, которую поставили на прежнее место.

И вдруг дверь комнаты отворилась. Вошла, нет, влетела служанка. Гизел, та самая девушка, которую приставили к ней с самого начала. Всплеснула руками и выдала:

— Мадхен Мара! Я так рада, что вы вернулись!

Мара не сдержала улыбку.

Вот теперь водворение на прежнее место было практически полным.

* * *

Что ни говори, а встретить тут кого-то, кто был по-человечески рад ей, было приятно. Служанка помогала Маре переодеться с дороги и попутно выкладывала все последние новости.

— Ох, мадхен, знаете, что у нас тут было?!

И не дождавшись ответа тут же продолжила:

— За то время, что вас тут не было, его величество как косою прошелся. У нас тут на отборе поменяли всех! Ну, — она горделиво улыбнулась и ткнула себя в грудь. — Кроме нас, прислуги. Прислуга — она завсегда нужна, без нее никто не обойдется.

— Это точно, — механически кивнув, пробормотала Мара.

Сразу же вспомнился ее верный старый слуга Хиберт. Интересно, как он там, один ведь остался. Одному трудно...

А Гизел склонилась к ней ближе, понижая голос до шепота:

— У нас теперь новая смотрительница, матрес Пасквел. Так вот, мадхен Мара, она такие состязания невестам устраивает, вы не поверите! Девицы-то наши лезут из кожи вон. Уж они и поют, и вышивают, и даже этим... Ваянием занимаются в саду. Представляете, махен?! А его величество потом выбирает лучших.

Непосредственная служанка захихикала, а потом сказала:

— Так что вы, мадхен, вернулись очень вовремя!

— Должна тебя огорчить, — сказала Мара. — Я больше не участница на этом отборе. Меня его величество взял в долг.

Гизел перестала смеяться и взглянула на нее.

— И что же вы теперь... — начала уже другим тоном.

— Его величество сказал, что я теперь буду сиделкой. Или компаньонкой. Так что тебе, наверное, не стоит строить больших планов на мой счет.

Служанка смотрела на нее молча, какая-то работа мысли отражалась на лице. Понятно, у девушки свой интерес. Но лучше сразу все выяснить на будущее.

— Извини, если не оправдала твоих ожиданий, — невесело усмехнулась Мара.

Хотела отвернуться, а та вдруг сказала очень серьезно:

— Это ничего, мадхен. Главное, что вы здесь, а с остальным разберемся. Так, вы пока отдыхайте, а я принесу ужин.

И убежала.

А Мара ненадолго осталась одна. Прошлась по комнате, потом некоторое время стояла у окна, наблюдая, как потихоньку опускается вечер. Хорошо, что ей никуда не нужно идти. Маленькая уединенная комнатка ощущалась пусть и иллюзорным, но убежищем.

Через некоторое время вернулась Гизел с подносом, полным разной еды. Здесь были деликатесы, а еще душистый свежеиспеченный хлеб и фрукты. И в небольшом стеклянном графине морс. Надо же, подивилась Мара, в первый приезд, когда она была претенденткой на отборе, кормили значительно хуже.

Но это было еще не все, Гизел вытащила из кармана баночку с притираниями.

— Вот, это для ваших рук, мадхен. А то вы, видать, в последние дни их не особенно щадили.

Мара мысленно усмехнулась, разглядывая ногти. Сказалась ее усиленная работа в саду. А та деловито наставляла:

— Ничего, мадхен, не извольте беспокоиться, мы вас быстренько в порядок приведем. Теперь поешьте, а я вам ванну приготовлю. А завтра...

Не успела она договорить, раздался требовательный стук в дверь.

Они замерли, уставившись друг на друга. Наконец Мара сказала:

— Открой.

Служанка нерешительно направилась к двери, но тут стук повторился, и она, бромоча:

— Да что же это такое...

Бросилась открывать. На пороге стояла взволнованная смотрительница отбора матрес Пасквел. Бросила на Мару быстрый взгляд и проговорила:

— Мадхен Хантц, вы должны присутствовать на ужине.

глава 32

Стоило Родхару переступить порог своего замка, и на него сразу навалилась сотня дел. Как будто он отсутствовал не несколько дней, а как минимум, полгода. Все это требовало рассмотрения, что-то можно было отложить, но что-то предстояло решать прямо сейчас.

А он устал. Извелся за эту дорогу. И еще его глодала мысль: как она? Ее должны были уже разместить, король ждал доклада. Но все эти дела, они требовали его внимания, уводили в сторону от главного. И получалось, что девушка с серебристыми волосами словно растворилась в его замке.

Там, в гостинице, и в дороге тоже, он ее постоянно ощущал. А здесь — слишком много народа, много стен, этот гигантский людской улей отвлекал. За всем этим шумом он не чувствовал ее, и это вызывало душевный дискомфорт. Какую-то непонятную жажду.

Но вот наконец он разбросал часть дел, и подошло время ужина.

На этом ужине он хотел видеть девушку. Убедиться, что с ней все в порядке.

* * *

Родхар переоделся, все-таки его ждали дамы, и спустился в большой зал, где были накрыты столы. Все девицы уже сидели на местах, приглашенные лорды ждали снаружи. Стоило ему войти в двери зала, король сразу бросил взгляд на стол, за которым сидели претендентки. Мары-Элизабеты Хантц здесь не было.

Казалось бы, логично, да? Она и не участница отбора.

Но у него в груди факелом взвилось горячее раздражение. Не для того он привез эту девушку в свой дом, чтобы она была неизвестно где. Она должна быть у него на глазах!

Вспомнились происки старого мерзавца Малгита и ее способность мгновенно находить женихов, еще хуже стало. Король прошел вдоль стола, отодвинул свое кресло и сел. Следом начали усиживаться лорды, девушки что-то такое зашебетали и потянулись к

нему. Родхар резко вскинул руку, пресекая все разговоры, и сразу воцарилась тишина. Обвел взглядом зал. Смотрительница отбора стояла в торце стола, вот она-то и была ему нужна.

— Где мадхен Хантц? — спросил король.

— Ма-мадхен Хантц, ваше величество? — нервно пролепетала генеральская вдова.

— Да, матрес Пасквел. Почему я не вижу ее на ужине?

— Я... кхम्म, — казалось, она задыхается. — Я сейчас... Одну минуту, сир.

И стала пятиться к дверям, но он ее окликнул:

— И вы тоже сядьте за стол. Довольно стоять, у меня от этого изжога начинается.

— Да, сир, — пробормотала пожилая дама.

И удалилась так быстро, как будто за ней черти гнались. А король распорядился:

— Поставить еще два прибора, — и обращаясь ко всем: — Приятного аппетита. Начинайте.

За столом стояла мертвая тишина. Слуги стали разносить угощение, ужин начался. Король вздохнул, наконец-то долгожданная тишина! И принялся есть, а сам время от времени взглядывал в сторону входных дверей в зал.

* * *

Должна присутствовать на ужине?

Смотрительница отбора нервничала и заламывала руки.

— Ради всего святого, я прошу вас побыстрее собраться, мадхен! Вы должны быть за столом уже сейчас.

Ох, какое зло ее взяло. Совсем как там, в гостинице, с платьями. Приказ!

Хорошо, подумала Мара. Пусть будет так.

И наконец отмерла, видя, что бедная пожилая дама сама не своя.

— Матрес Пасквел, дайте мне время, хотя бы несколько минут.

— Да, конечно, — сникла та, теребя пальцы. — Я подожду снаружи.

И вышла.

Только она вышла, Гизел тут же оглядела ее и выдала:

— Не волнуйтесь, мадхен. Через пять минут будете готовы.

Схватила наугад из сундука одно из платьев, встряхнула его и пробормотала с досадой.

— Складки... Мадхен! Снимайте то, что на вас, я сейчас!

Метнулась за дверь и через минуту примчалась обратно. Запыхавшаяся, глаза блестят, принесла тот самый утюг. Разом натянула на нее платье, как на куклу. Потом схватила утюг и подушку с кровати.

— Мадхен, ничего не бойтесь, сейчас на вас подгладим.

И давай ловко орудовать уюгом, подкладывая ей под юбки подушку. Мара только успевала поворачиваться. Минуты через две оглядела ее и сказала:

— Пойдет, шнуровку потуже затянем, будет нормально. Теперь прическу. Садитесь, мадхен!

Две минуты. За эти две минуты служанка навертела ей на затылке высокий узел и подколола шпильками. Одна прядка выбилась на затылке и свисала вдоль шеи, но Гизел ее оставила.

— Готово, мадхен.

Вышло хорошо. Темно-вишневое, отделанное по вырезу серебристыми кружевами. Прическа простая, но аккуратная.

— Руки у тебя золотые, — проговорила Мара, глядя на себя в зеркало.

Девушка довольно улыбнулась и тут напредила:

— Все, мадхен, идите. Пора.

Ну вот... Когда слова сказаны, все иначе.

Пока одевалась в спешке, у Мары не было времени подумать, а тут все навалилось сразу.

Теперь она вместе с нервной смотрительницей отбора быстро шли по коридорам замка. И неприятное чувство, оттого что ее все-таки выставили на всеобщее обозрение, только усиливалось. Она надеялась, что хоть сегодня ее не тронут.

Видимо, зря.

А путь закончился, вот они, двери зала. Заходить внутрь не хотелось, хоть убей. Но смотрительница уже вошла. Мара задержалась на секунду, медленно выдохнула, чувствуя, как легкие заливаются противным холодком, и вошла следом.

* * *

Ужин начался. Тихо позвякивали приборы, девицы ели, опустив головы. Из лордов не пытался остерить никто. Родхар ел, а у самого в душе все подрагивало нетерпением. Долго! Сколько времени прошло? Ему казалось вечность. Где там эта генеральская вдова ползает? За смертью ее посылать.

Он отложил в сторону нож, которым резал мясо, взял кубок и задержался взглядом на дверях. Отпил глоток, хотел отставить, но тут на пороге зала возникла матрес Гермiona Пасквел.

И он так и застыл, не донеся кубок до стола. А сердце на миг замерло, а потом понеслось вскачь. Потому что следом за генеральской вдовой в зал вошла она.

Темно- вишневое платье оттеняло белую кожу. Волосы... Родхар невольно сглотнул и шумно вздохнул. На какое-то мгновение их глаза встретились, опять он чувствовал этот подобный молнии контакт. Но вот девица опустила взгляд и стала опускаться в книксене.

Контакт прервался, от девушки волной пошел холод.

Его стало заливать досадой. Король сказал:

— Матрес Пасквел, садитесь за стол и пригласите гостью.

И наконец-то поставил кубок на стол.

* * *

В первый момент, когда они вошли, Мару оглушило просто. Полный людей зал, все смотрели на нее. И в центре всего этого он, король. И на какое-то мгновение ей показалось...

Потом она страшно корила себя, что не смогла сразу отвести взгляд.

Гостья?

Он так обозначил ее статус? Но гостей не берут «в долг» и не везут потом под конвоем. Мара отвела взгляд и наконец заставила себя взглянуть на стол. Где же теперь будет ее место? И невольно покраснела, почувствовав одновременно удовлетворение и неловкость.

Раньше дальний торец стола всегда пустовал, теперь там было поставлено два стула и против них приборы. То есть, их со

смотрительницей отбора посадили обособленно.

Это было неожиданно.

Но теперь ей приходилось сидеть у всех на виду. Не скрыться за спинами, она чувствовала себя голой под этими жалящими взглядами. На нее глазели и девушки, участницы отбора, которым ее появление здесь дало обильную пищу для разговоров, и приглашенные лорды. Однако это можно было перенести.

Король сидел напротив.

Достаточно было на секунду поднять глаза, и взгляд сразу утыкался в него. И потому она просто не поднимала глаз от тарелки. Трудно было смотреть на этого мужчину, сидевшего в окружении красавиц.

Она невольно вспоминала, как он вошел в ее сад, заляпанный грязью, уставший и злой, волосы слиплись от пота.

«Я беру тебя в долг».

Сейчас на короле был темно-зеленый дублет, искусно отделанный золотым позументом, ткань на сгибах отливала плющом. Блестящие темные волосы ложились на белоснежный воротник. Усмешка, золотой кубок в руке.

Справа от него будущая супруга, принцесса Амелия, слева — леди Истелинда, будущая официальная любовница.

Зачем она ему еще?

глава 33

Взгляд короля время от времени устремлялся на противоположный конец стола. Туда, где в торце, прямо напротив, сидела девушка с серебристыми волосами, а в душе бродили глухое раздражение и странная жажда.

Она могла бы хотя бы раз взглянуть на него.

Что в ней такого?

Король смотрел на нее и не мог понять. Рядом сидела красавица Истелинда, а его почему-то не волновало. Хотя раньше ее присутствие доставляло ему неизменное удовольствие. Станный феномен.

Он наконец поставил на стол кубок, который держал в руке и перевел взгляд влево. Истелинда смотрела на него в упор. Кажется, она ему что-то сказала? Родхар пропустил мимо ушей.

Непонятное выражение промелькнуло в светлых глазах красавицы, гладкий лоб прорезала на миг морщинка. Она замерла, держа в руках приборы, и прищурилась. А потом томно произнесла, показывая пальчиком на тарелку стоявшую справа от него, с той стороны, где сидела принцесса Амелия:

— Ах, сир, можно мне эти артишоки?

— Разумеется. — сказал Родхар, передавая ей блюдо.

Дежурно улыбнулся дочери главного ловчего и принялся за мясо. Но прежде снова бросил взгляд в дальний конец стола. И вдруг замер, сжимая в руке нож.

Один из лордов, сидевший в дальнем конце стола, о чем-то спрашивал Мару-Элизабету Хантц. Мужчина улыбался. Король вдруг почувствовал, как его заливают гнев. Дальний торец стола был далеко, ему не было слышно, о чем они говорят. Но если бы эта девица посмела улыбнуться в ответ...

Она бросила быстрый взгляд на говорившего и снова уткнулась в тарелку. Захватившая короля душная волна гнева пошла на спад, его стало отпускать, но разлилась досада.

«На меня смотри», — думал он. — «На меня!»

Однако та так и сидела, не поднимая глаз от тарелки. Он шумно выдохнул и принялся резать мясо. И тут услышал:

— Сир, как прошла ваша поездка?

Принцесса Амелия. Ровный тон подразумевал обычную вежливость. И да, это был удачный способ увести разговор в безопасное русло и разрядить обстановку. Потому что в тот момент, король сам не знал, какого черта с ним происходит, но был на взводе.

— Благодарю вас, хорошо. Узнал для себя много интересного.

Странное состояние, король ощущал раздражение. Иррациональную обиду и усталость. И в другое время, может, и не стал бы распространяться ни о чем подобном за столом, но ему хотелось мести. Хотелось доказать себе, что девица с серебристыми волосами его не интересуется.

— Знаете, леди, — проговорил он, полностью сосредоточившись на сидевшей слева от него Амелии. — Я обнаружил, что в провинции ужасные дороги. И чем дальше от Лендрио, тем они хуже. Главный тракт местами превратился в проселок, а стоит свернуть с него, проехать вообще невозможно.

Он отпил глоток вина из кубка и добавил, глядя на принцессу:

— Я намерен исправить это положение.

Амелия вежливо улыбнулась и проговорила:

— Это мудрое решение, сир.

Да, черт побери. Он и сам это знал, как и то, что ему стоит чаще наведываться в медвежьи углы и контролировать своих подданных. Разговор прервался.

Родхар сдержанно кивнул и снова принялся за еду. За это время он ни разу не взглянул в тот конец стола. Но сейчас не удержался, зачем-то все-таки посмотрел. Эта девица сидела, опустив голову, и казалась несчастной. А у него перевернулось что-то в душе.

Какого черта?! Какого?!

Есть расхотелось совершенно.

* * *

Это было труднее, чем она думала, но Мара, в конце концов, притерпелась. И даже пыталась что-то есть. Правда, под сверлившими ее взглядами кусок в горло не лез. А смотреть в тот конец стола, где

сидел король, в окружении будущей жены и любовницы, было просто невозможно.

Иногда она чувствовала на себе его взгляд, и это заставляло задыхаться. А когда сидевший рядом лорд спросил о чем-то, она даже не расслышала вопрос, от короля пришла такая волна гнева, что казалось, ее расплющит или сожжет на месте.

Потом король разговаривал с принцессой, а ее заливала обида. Хотелось встать и уйти. И послать все к черту.

Но первым встал король.

Это означало, что ужин окончен. И слава Богу! Все сразу же встали. а он резко отодвинул стул.

— Матрес Пасквел. Надеюсь увидеть всех ваших подопечных завтра в саду, — проговорил и, не глядя ни на кого, пошел к выходу.

Словно холодный ветер пронесся.

Смотрительница тут же засуетилась и объявила:

— Ужин окончен. Прошу всех встать и следовать за мной, — и первой пошла к дверям.

* * *

К себе в комнату Мара вернулась совершенно разбитой. А там ее уже поджидала служанка Гизел.

— Ну что, мадхен? — тут же спросила, возбужденно блестя глазами.

Ей хотелось подробностей, но у Мары не было сил что-то рассказывать.

— Все хорошо, — вяло махнула рукой она, потом подумала и добавила: — Завтра король велел всем быть в саду. А сейчас помоги мне раздеться.

Оглянулась и заметила стоявший на столе поднос с деликатесами, все на нем так и стояло нетронутым. И сказала:

— Возьми это себе.

Служанка замерла на миг, вскинув от удивления брови, но тут же выдала обрадованно:

— Ну, мадхен... Благодарю!

Быстренько раздела ее, потом подхватила поднос и, уже уходя, шепнула заговорщически:

— Мадхен Мара! Я все выпрошу у наших, узнаю, чего и как, чтобы быть во всеоружии. А вы сейчас ложитесь спать, завтра нам надо выглядеть!

Выглядеть... Подумала Мара. Для кого?! Если она здесь никто.

«Для себя», — ответило ей подсознание. — «Остальное неважно».

Ночью ей опять снился черный волк. Он сидел около ее постели.

А с утра ее разбудила Гизел, принесла плотный горячий завтрак. Потом, как только она закончила есть, мазала ее разными притираниями, умащивала и прихоращивала. И при этом выкладывала последние новости о каждой из претенденток. Но это было еще не все. На закуску Гизел выложила, все что знала, обо всех свободных лордах, находившихся в настоящий момент в королевском замке.

Вряд ли это могло пригодиться в ее теперешнем положении, но Маре не хотелось обижать девушку, раз уж та принялась за дело с таким энтузиазмом. Она сосредоточилась на платье.

А платье для прогулки она выбрала светло-бежевое с небольшим квадратным вырезом, открывавшим шею и ключицы, и расширявшимся книзу рукавами. Волосы ей Гизел тщательно расчесала и оставила распущенными, только несколько прядей у висков уложила тонкими косами и повязала голубой лентой.

К тому моменту, когда явилась матрес Пасквел, Мара была полностью готова. Пожилая дама оглядела ее и сказала:

— Мадхен Хантц, Мара-Элизабета, пойдете.

Странное тревожное предчувствие пронеслось в душе у Мары. Но она кивнула и вышла из комнаты вслед за смотрительницей отбора.

глава 34

В дверях матрес Пасквел на секунду остановилась и тихо сказала:
— Держитесь рядом со мной.

После этого они обе ступили в коридор. Там уже стояла стайка девиц, пришлось подождать еще двоих и принцессу Амелию, та подошла последней. Такое чувство, будто в жизни ничего не поменялось.

Все эти девушки смотрели с неприязнью и удивлением, как на некстати выползшее из щели насекомое. Ей снова предстояло отправляться вместе с ними на прогулку в королевский сад, только теперь она не была одной из них. Впрочем, с неприязнью и удивление на нее смотрели и раньше, а теперь еще в некоторых взглядах добавилась настороженность.

Реплик никаких не последовало, только красавица Истелинда как-то странно взглянула на нее и отвернулась. Принцесса вообще была сосредоточена на своих мыслях. Ее как будто не касалось то, что вокруг происходит. Мара невольно подивилась ее душевной стойкости и выдержке.

Дорога по коридорам замка была уже знакомой. К тому моменту, когда они подошли к выходу, их окружила стража, и дальше они проследовали через внутренний двор к окованной железом арочной двери сада. Здесь надо было остановиться и ждать своей очереди.

Пока отпирали дверь большим старинным ключом, смотрительница отбора, матрес Гермiona Пасквел, сказала тихо, так, чтобы слышала только Мара:

— Мадхен Хантц, его величество призвал вас... — она замялась. — В новом качестве.

Ну вот, кажется, началось самое неприятное. Мара невольно напряглась, испытывая бессильную досаду. А смотрительница отбора продолжила:

— Я взяла на себя смелость объявить вас моей помощницей и компаньонкой. Я надеюсь, что вы меня не подведете.

Это было так неожиданно. Мара взволнованно прошептала:

— Я... не подведу.

Хотела поблагодарить, но не успела. Дверь наконец-то открыли, смотрительница прошла вперед, и девушки стали по одной заходить в сад.

Поскольку Маре надо было держаться рядом с матрес Пасквел, то и заходила она последней. Девуцы нарочито сторонились ее, но к этому Мара успела привыкнуть. В конце концов, отбор не вечен, а потом она сможет вернуться домой, в Хантц. Интересно, как там Хиберт, и вообще, как ее замок. Где-то надо наскрести денег, чтобы заплатить подать. Не мешало бы увидаться с драгоценным дядей и снова поднять вопрос о том, чтобы он вернул все, что вывез. Хотя бы часть...

— Мадхен Хантц, проходите.

Голос смотрительницы вернул ее к действительности.

— Да, извините, я сейчас, — пробормотала она и быстро вошла под арку.

Королевский сад был безумно красив.

Во второй раз впечатление было даже ярче. Мара постаралась впитать в себя и запомнить все, что видят тут ее глаза. И потом когда-нибудь воспроизвести увиденное у себя в замке. Хотя, конечно, ее садик крохотный, нечего даже сравнивать. Но это ее сад.

Она еще оглядывалась, когда смотрительница отбора обратилась к остальным:

— Леди, прошу всех пройти на крестовую аллею и там ожидать прибытия короля. Все ваши работы выставлены там. Его величество будет оценивать и выбирать лучших из лучших!

Пожилая дама похлопала в ладоши, видно было, что идея подобных состязаний, уравнивающих всех в шансах, ей нравится. Однако по виду многих девиц можно было сказать, что они радости смотрительницы не разделяют. Мара подумала, что ее роль в этом всем самая маленькая. Ей надо находиться рядом и оказать помощь смотрительнице, если это потребуется.

Крестовая аллея была расположена в самом центре сада, и вся эта толпа претенденток неспешно двинулась туда. Мара немного отстала от основной группы, чтобы просто насладиться красотой. Девушки в ярких платьях шли впереди и сами напоминали ей диковинные цветы, в основном ядовитые. Впрочем, она устыдилась своих мыслей.

А сад...

И почему-то пришла ассоциация с хозяином этого всего. Вот если бы его хозяин был так же прекрасен душой, невольно подумалось ей. А перед глазами встал король, каким она увидела его на вчерашнем ужине. Бессмысленные мысли. Она сосредоточилась красоте аллей.

Розовые кусты, жасмин, сирень, азалии, барбарис, спирея бордюром. Коротенькая и высокая, выше человеческого роста, живая изгородь из бирючины и туи. Можно было сколько угодно восхищаться талантом королевского садовника, но...

Они пришли.

Крестовая аллея так называлась, потому что по сути являлась перекрестком двух широких аллей. В этом месте пространство сада как бы раскрывалось, образуя нечто вроде площади. И на этой площади рядом были выставлены работы девушек. Доски, на которых были довольно искусно или наоборот, совсем топорно, изображены виды сада или цветы. И было еще несколько поделок из весьма дорогой белой глины. Одна из поделок Маре особо понравилась. Это был высокий белый замок с острыми крышами.

А еще Мара заметила и другое новшество.

Теперь на аллее появились стулья и короткие скамьи.

Смотрительница отбора деловито обошла и пересчитала все работы, а потом улыбнулась девушкам и взмахнула обеими руками:

— Можете ждать его величество сидя. Или гулять по аллее. Но я прошу никого далеко не отходить.

Потом сама первая уселась на стул, обмахнулась платком и дала знак стражнику, чтобы поставили еще один стул рядом. И позвала:

— Мадхен Хантц.

Мара сразу поняла, что от нее требуется. В конце концов, это состязание ее не касается, как компаньонка она должна сидеть рядом со смотрительницей и молча ждать, пока прогулка закончится. Некоторые девушки устроились на скамьях в отдалении, однако большая часть, в ожидании, когда его величество почтит их своим присутствием, прогуливалась по аллее.

Прекрасная Истелинда, облаченная в пышное небесно-голубое платье, уже несколько раз прошла мимо в окружении нескольких девиц. И каждый раз бросала в их сторону странные взгляды. Мара старалась не замечать, но та, проходя в очередной раз, вдруг подошла ближе.

Остановилась перед смотрительницей и неожиданно спросила:

— Матрес Пасквел, в каком качестве здесь присутствует мадхен Хантц?

Неприятно. Мара подняла подбородок выше, Будь ее воля, она бы точно здесь не находилась.

— Мадхен Хантц моя помощница и компаньонка, — ответила смотрительница.

Что-то хищное промелькнуло в светлых глазах красавицы, а на губах обозначилась нехорошая улыбка.

— Матрес Пасквел, вы отвечаете за нравственность претенденток отбора, не так ли? Скажите, как может быть вашей помощницей особа, которую сняли с отбора за непристойное поведение?

Удар точно попал в цель. Смотрительница отбора в первый момент задохнулась и беззвучно ахнула. А Мара не опустила глаз, нет. Она уже пережила все это однажды, второй раз уже не больно. Противно, правда. Зато Истелинда сияла торжеством. Достаточно было взглянуть в лицо красавицы, чтобы понять, к этой речи она готовилась заранее.

А все вокруг притихли и ждали, как поведет себя благочестивая матрес Гермiona Пасквел, ведь обвинение было нешуточным. А та, кажется пришла в себя и набрала полную грудь воздуха, чтобы ответить.

Ситуация сложилась неприятная до крайности, настоящий скандал. И все это из-за нее. Мара не знала, что будет дальше, но была морально готова к любому исходу. Только не к тому, что произошло.

В тот самый момент раздался резкий и язвительный мужской голос:

— С каких это пор, леди Истелинда, вас волнует чужая нравственность?

Все настолько увлеклись спектаклем, что не заметили, как к ним подошел король. Девушки незамедлительно поднялись на ноги и замерли.

— Ах, сир... — Истелинда побледнела и тут же присела в поклоне.

— Следите прежде всего за собой, и будет вам счастье, — проговорил король.

И тут же перевел взгляд на смотрительницу отбора:

— Матрес Пасквел, где работы ваших подопечных?

Пожилая дама выпрямилась и проговорила:

— Сир, ваше величество. Прошу меня простить, это займет всего лишь одну секунду. Вы позволите?

Король хмуро кивнул, отвернулся и замер, сцепив руки за спиной. А напряжение так и звенело в воздухе. Смотрительница отбора повернулась к Истелинде и отчеканила:

— Леди Белмар, если у вас есть какие-то претензии к тому, как я справляюсь со своими обязанностями, вы можете пожаловаться его величеству.

И тут же обратилась к королю:

— Прошу прощения, сир. Это здесь, ваше величество. Прошу вас, посмотрите, какую красоту сотворили девушки.

Вся эта толпа двинулась вдоль выставленных на аллее работ, которые король хмуро оглядывал. Матрес Пасквел говорила что-то, показывая на каждую, девушки приседали в книксене, улыбались. Красавица Истелинда кусала губы.

У Мары до сих пор звенело в ушах.

Наконец она пришла в себя и отошла в сторонку, ожидая, когда это закончится. Все так нелепо, такой осадок. Смотрела на короля и думала:

«Зачем ты притащил меня сюда, Родхар Айслинг?!»

Мужчина обернулся, словно услышал, а во взгляде горело гневное и жаркое:

«ЗАТЕМ»

* * *

Родхар так разозлился, что готов был придушить дочку главного ловчего. Ее выходка... Это проявление неуважение к ЕГО королевской воле! Он привез сюда Мару Ханцт и назвал ее гостьей, и этого должно быть для всех достаточно.

Говорят, в древности был такой закон. Если внес что-то в свой дом, и оно осталось в нем до утра, оно твое по умолчанию. Это было еще до того, как Ледяной Клинок стал символом рода и дал имя Айслингам. Когда его далеких предков еще прозывали волками, потому что они носили голову черного волка на щитах. Кто знает, правда это или не правда? Плевать Родхару было на то.

Он привез ее в дом.

Он король, его право.

глава 35

Матрес Пасквел захлебываясь расписывала, как красиво выписаны лепестки розы на небольшой закругленной сверху кедровой доске.

— Сир, вы только посмотрите на эти прекрасные переливы!

Девушка стояла рядом и краснела от удовольствия, что ее хвалят в присутствии короля. А король мрачно хмурился. Наконец проговорил:

— Да, очень мило.

На черта ему это сдалось?! Да, рисунок на доске был хорош, возможно, даже украсит стену его замка. Но ему нужна жена, а не рисовальщик. Жена, черт побери.

Сама мысль, что в общем-то все предрешено, была противна. А ведь еще недавно Родхар бодро планировал, как все произойдет, даже прикидывал сроки и политическую выгоду. Его раздражал отбор, потому что изначально был фикцией.

Но все так внезапно изменилось.

Что-то вдруг с ним произошло. И теперь этот проклятый отбор стал возможностью оттянуть неизбежное. Он чувствовал себя в клетке. Тупик.

И все из-за того что одна особа с серебристыми волосами упорно не желала смотреть в его сторону. Абсурд. Сегодняшняя нелепая ситуация заставляла его испытывать ядовитую досаду.

Родхар видел, что она опять замкнулась, и от этого злился еще больше. А вокруг десятки глаз, и ему нужно делать вид, что его интересует эта мазня.

Вся эта дурацкая затея с выставкой в саду бесила короля. Генеральской вдове все-таки следовало бы ограничить инициативу. И вместе с тем, король был благодарен Гермione Пасквел за то, что та все правильно поняла и сразу взяла Мару Хантц под свою опеку. Он ведь даже словом не обмолвился, генеральская вдова сама нашла этот выход. Так что, так и быть, Родхар и дальше готов был терпеть ее предприимчивость.

Лишь бы подольше тянулся этот отбор. Глупая ситуация. Рано или поздно ему придется делать выбор. И выбор очевиден.

Но сейчас он был не готов.

Генеральская вдова растекалась восхищением у очередной картины. Видно было, что ей самой это нравится, а Родхар мрачно кивал и нетерпением ожидал, когда же все закончится. Но вот пожилая дама засеменила в сторону и позвала его:

— Сир, ваше величество! Прошу сюда, тут у нас образчики ваяния.

Родхар неохотно подошел и застыл.

На табуретах, покрытых кусками ткани были выставлены различные поделки. Всего пять. Одна показалась ему особенно интересной. Это был искусно вылепленный из белой глины высокий замок с островерхими крышами.

Довольно точно было передано все, стены с зубцами, боевые башни, жилые постройки и донжон. И на шпиле крошечный флаг.

— Чья это работа? — спросил он.

— Моя, сир, — вперед выступила принцесса Амелия.

Надо же? Король был удивлен.

* * *

Мара стояла в сторонке и пыталась анализировать, что же произошло. Король достаточно жестко осадил Истелинду. Красавица до сих пор кусала губы и хмурилась. О том, почему он так поступил, Мара предпочла не думать.

На нее теперь избегали смотреть, но общее неприятие чувствовалось остро. Вредить открыто не посмеют, вероятнее всего, будут делать это исподтишка. А в том, что этот выпад всего лишь первый камень в ее сторону, сомневаться не приходилось.

Надо быть осторожнее.

И еще Мара хотела переговорить с матрес Пасквел.

А пока смотрела, как король переходит от одной работы к другой. Некоторые ей самой нравились, Мара с удовольствием украсила бы чем-то подобным голые стены в своем доме. От этой мысли стало грустно, она отвела взгляд и стала рассматривать крыши в отдалении.

Когда она обернулась, увидела, что король стоит у той самой поделки — высокого белого замка с острыми крышами. А рядом

принцесса Амелия. Принцесса улыбалась, они говорили.

Король выглядел вовлеченным.

Ну да, подумала она, что ж тут удивительного, принцесса Амелия почти официальная невеста. Не сегодня завтра объявят об этом.

Только...

Она сама не знала, почему почувствовала себя так плохо. Как будто ее войлочным покрывалом накрыло. Хотелось исчезнуть отсюда, уйти. А уйти не выйдет, придется присутствовать до конца прогулки.

Но отойти немного, чтобы не видеть всего этого, было можно.

Она отошла чуть вбок на поперечную аллею и села на скамью. Теперь перед глазами был небольшой яркий куст барбариса, зеленая трава и цветы. Очень хорошо.

* * *

Родхар разговорился с принцессой Грихвальда. Она оказалась неожиданно сведущей в фортификации, что само по себе было интересно, потому что молоденьких девиц обычно привлекает совсем другое.

Однако при этом постоянно чувствовал подспудное беспокойство. В конце концов, не выдержал, оглянулся туда, где стояла девушка с серебристыми волосами. Ему нужно было убедиться. Один короткий зрительный контакт...

Ее на месте не было.

У него сердце оборвалось. ГДЕ?!

Король стал оглядываться, ища ее взглядом. Куда она могла деться? Только что была здесь! Сразу пришло на память, как он застал тут в саду ее и мерзавца Малгита. Старого барона он распорядился услатить отсюда еще вчера, но все равно тревожное чувство дрогнуло в душе.

Где?! Родхар уже готов был сорваться с места и искать ее, и тут увидел ее на боковой аллее. Сидела сложив на коленях руки и смотрела перед собой.

Разве может дикое облегчение смешиваться с ядовитой досадой?

Оказывается, может.

Король вдруг осознал, что все опять затихли и смотрят на него. В душе закрутился гнев. Плевать на всех! В конце концов, она в его доме, и он может взять ее себе в любой момент. Но что-то непонятное, не поддающееся определению, противилось. Не давало это сделать.

Родхар обернулся к принцессе.

Застывшая улыбка, легкая неловкость, король предпочел не заметить. Коротко поклонился ей и проговорил, усмехнувшись уголком губ:

— Леди, ваша работа лучшая.

— Благодарю, сир.

На этот раз принцесса улыбнулась искренне. Родхар посчитал, что был достаточно любезен. Теперь остальные. Он снова двинулся вдоль всех выставленных работ. Истелинда усиленно пыталась заглядывать ему в глаза, но он прошел мимо, хотя ее работа была неплоха. Остановился напротив той самой розы, которую ему так расхваливала генеральская вдова.

Картина действительно была лучшей, пусть девица и имела не самую выразительную внешность и была дочерью простого рыцаря. Родхар намерен был судить справедливо.

— И вот этот рисунок тоже, — проговорил он, показывая на розу. — Матрес Пасквел, дайте указание оправить все работы и поместить в галерею. Благодарю всех.

— Сир... — девушка смутилась, покраснела.

Остальные тоже стали приседать в поклонах, при этом все глаза таращились то на него, то на новую фаворитку. А Родхар краем глаза увидел, как девушка с серебристыми волосам резко поднялась и направилась к ним, но смотрела куда-то в сторону.

«Посмотри на меня», — приказал ей мысленно. — «На меня смотри».

Услышала, повернула голову. Его мгновенно переполнило жарким чувством и потянуло к ней. Но отчужденный быстрый взгляд, который ему достался, начисто стер все. Родхар вдруг понял, что с него довольно.

— Леди, матрес Пасквел, — произнес он. — Увидимся в гостиной перед ужином.

Кивнул всем и быстрым шагом направился к выходу.

Смотрел на все эти ухоженные аллеи и думал, что так не может продолжаться.

С этой Марой Хантц надо что-то делать.

глава 36

Красивый и сильный мужчина, стремительный, как северный ветер прошел по аллее. Чужой далекий мужчина. Король. Мара украдкой проводила его взглядом, а потом подошла к остальным.

Стоило подойти, в нее тут же уперлись иглы взглядов. Мара отвернулась и стала ждать. Наконец смотрительница отбора закончила давать распоряжения, чтобы все поделки были соответственно оправлены и потом выставлены в большой галерее, переключилась на девушек претенденток и захлопала в ладоши:

— Прогулка окончена, прошу всех следовать к выходу!

Леди Истелинда, похоже, только этого и дожидалась, потому что стремительно направилась к выходу первой. Вид у нее гордый и воинственный, а юбки развевались, как от ветра. Следом за ней устремились несколько девушек, свита первой красавицы и фаворитки отбора. Хотя, конечно, сегодня ее положение немного пошатнулось, но она явно готова была доказать, что это явление временное.

Остальные тоже стали постепенно продвигаться по аллее к выходу из сада. Какое-то время смотрительница отбора шла рядом с принцессой Грихвальда. Они о чем-то тихо беседовали. Потом принцесса Амелия прошла вперед, а смотрительница наконец осталась одна. Мара подошла ближе и окликнула ее:

— Матрес Пасквел.

— Да? — бодро откликнулась пожилая дама.

— Я хотела поблагодарить вас и извиниться.

— За что?

— У вас были неприятности из-за меня сегодня.

— Вам не за что извиняться, — махнула рукой та. — Я уже не в том возрасте, чтобы меня могли испугать чьи-то неразумные слова. И я здесь не ради выгоды, как моя предшественница, а потому что король просил меня об этом. А Пасквелы всегда верно служили короне.

— И все же я очень благодарна вам.

— Оставьте, мадхен, — дама окинула ее взглядом.

Они молча прошли несколько шагов. Наконец матрес Гермиона Пасквел проговорила:

— Моей заслуги нет в том, мадхен Хантц. Его величество обозначил свою волю, и я всего лишь исполняю. Но я умею отличать пустое от настоящего.

Странно это прозвучало. На секунду повисла пауза, а матрес Пасквел вдруг сказала:

— Я бы советовала вам, мадхен Мара, внимательнее ко всему присмотреться. Мужчины иногда сами не понимают, чего хотят.

Что бы это значило?

Мара опешила. Хотела спросить, что та имела в виду. Но они уже приближались к выходу из сада, и разговор пришлось прекратить.

* * *

После утра, бесцельно потраченного в саду, Родхар весь день работал и попутно обдумывал один вопрос. Однако так ничего и не придумал. Как только дело касалось Мары Хантц, он упирался в моральный тупик. Он мог взять ее себе в любой момент.

Но Родхар никогда не брал женщин силой.

И не возьмет.

Тем более — ее.

Вспоминал ее тонкое тело, как оно ощущалось в его руках. Эти серебристые волосы, нежную кожу. Как она смотрела на него до того. Раньше. Чувствовал, что в груди печет огнем, и понимал, что все могло бы быть по-другому.

Он думал об этом и сейчас.

А вечер в большой гостиной уже начался.

Король сидел в кресле, хмуро скользя взглядом по залу. Генеральская вдова придумала очередное развлечение, Участницы отбора должны были подготовить какие-то маленькие постановки в паре, а потом представит на его суд. Идея может быть и неплохая, но у него зубы сводило.

Претендентки разбились по двое и готовились. Сияющая матрес Пасквел наблюдала за всем этим, как главная наседка в курятнике. А за ее спиной стояла безмолвная девушка в лиловом платье. Серебристые волосы убраны в косы, прядка у лица, вуаль...

Главное было не возвращаться все время к ней взглядом. Родхар переместился в кресле и стал рассматривать деревянные панели. И вдруг услышал:

— Сир, ваше величество, вы позволите?

Родхар обернулся, рядом с его креслом стоял главный ловчий. Вид у Белмара был сосредоточенный. Будет просить за дочь?

— Ваше величество, девушки так старались.

— Угу, — протянул Родхар.

— Истелинда сильно переживала, что ее работа вашему величеству не понравилась...

Не работа, а наглость ее королю не понравилась!

— Ничего страшного, — холодно проговорил Родхар. — У нее будет еще много шансов это исправить.

Лицо у Белмара вытянулось, очевидно, несколько иного ожидал. На несколько секунд воцарилось молчание. Потом главный ловчий заговорил снова:

— Сир, мы видим, что у матрес Пасквел появилась помощница. Матрес Пасквел не справляется со своими обязанностями?

Родхар мысленно зарычал. Началось!

— Отчего же? — внутри кипел гнев, но он вскинул на главного ловчего насмешливый взгляд. — У тебя, Белмар, целый штат помощников, двуногих и четвероногих. Значит ли это, что ты не справляешься?

Глаза главного ловчего гневно сверкнули, он деланно расхохотался:

— Ах-ха-ха! Прекрасная шутка сир.

— Тема исчерпана? — спросил Родхар и уже хотел отвернуться.

Однако главный ловчий поклонился и проговорил вкрадчиво:

— Сир, позвольте еще несколько слов. Это важно.

Среди девушек произошло движение, Родхар краем глаза заметил и отреагировал. Взглянул в ту сторону и на секунду задержался на Маре Хантц. Потом обернулся к придворному:

— Слушаю тебя.

И засек цепкий взгляд, направленный туда же, куда только что смотрел он сам.

— Сир, — понизил голос главный ловчий. — Я хотел говорить с вами по поводу этой девушки. Мадхен Хантц.

— Да? И о чем же? — спросил Родхар, подавляя ярость.

— Видите ли, ваше величество, мы... Я нисколько не сомневаюсь, что она достойная девушка... — начал тот с серьезным видом. — Просто оказалась вовлечена в неприятные обстоятельства на охоте. Но я имел в виду другое. Посмотрите, ваше величество, она явилась причиной немилости для барона Малгита. Из-за нее также пострадали многие, я не буду сейчас упоминать их имена.

Королю хотелось ударить Белмара, но он был намерен дослушать до конца. Эта умышленная оговорка лорда, она показывала, что тот пытается обозначить в этом вопросе позицию двора.

«Ну-ну, давай, говори», — подумал Родхар, изображая волчий оскал. — «Посмотрим, кто будет следующим на очереди в подвал к дознавателям».

Лорд Белмар глубоко вдохнул и уставился на него просветленным взглядом и выдал «откровение», ради которого все и затевалось:

— Сир, эта девушка, сама того не понимая, приносит несчастье. А ее двойственное положение только побуждает неокрепшие умы лелеять... кхम्म, различные замыслы. Не лучше ли было бы выдать ее замуж за какого-нибудь достойного рыцаря постарше и тем самым удалить от двора опасность?

В душе плескалась холодная ярость, надо же, как все хотят им управлять? Однако Родхар сдержал порыв, сделал задумчивое лицо и спросил:

— Опасность?

— Именно, сир, — проникновенно произнес Бермар, глядя на него.

Не трудно было догадаться, какого рода опасность видел в Маре Хантц главный ловчий. Устранить соперницу с пути дочурки?

Король усмехнулся:

— Да, ты прав, для неокрепших умов это представляет опасность. Так не лучше ли было бы выдать твою дочь замуж за рыцаря постарше и тем уберечь от опасности? За того же Малгита? А что, он вдов, достаточно знатен и богат?

Главный ловчий позеленел от злости, но слова не вымолвил, ибо перечить королю было опасно. А король откинулся в кресле и спросил:

— И кстати, как случилось на той охоте, что волк вышел прямо на девушку? Его ведь в другом направлении должны были гнать? И почему твои люди отстали?

Родхар прекрасно понимал, что на охоте может произойти всякое. Но в тот момент он действительно остался со зверем один на один. И только спустя какое-то время его догнали другие всадники и своры собак. В таком контексте это могло быть расценено как измена и покушение на жизнь короля.

— Сир, я... — вот теперь главный ловчий побледнел окончательно.

Родхар отвернулся от него и зычно крикнул:

— Матрес Пасквел! Начинайте уже, наши дамы заждались.

глава 37

Вероятно, по изначальному замыслу смотрительницы отбора, представление должно было показать, насколько девушки умеют взаимодействовать и работать в паре. Маре показался интересным такой подход. Потому что она на собственном примере знала, насколько недолговечным бывает благополучие. И если бы не Хиберт дома, а Гизел и матрес Пасквел здесь, в королевском замке, ее жизнь была бы несоизмеримо хуже.

В основном девушки выбирали короткие сценки из жизни. Некоторые решались брать эпизоды из всем известных пьес, которые разыгрывали странствующие менестрели. А кто-то вообще избирал новые темы и самостоятельно выдумывал сюжеты.

Перед каждым выступлением девушки выходили в центр пространства гостиной и объявляли, что они собираются показывать. Мара не принимала в этом участия, зато у нее была возможность наблюдать за всеми. И за королем. А его величество был хмур и раздражен, это никак не выражалось внешне, но она каким-то образом чувствовала.

Несколько пар девушек уже показали свои постановки, дошел черед до красавицы Истелинды. Мара сразу поняла, что Истелинда захочет взять реванш за свое поражение днем. Выглядела она действительно эффектно. Кроваво-красное платье, рубины на шее, яркие словно кровь. Не оторвать глаз.

В паре с ней была дочь одного из придворных, девица знатная, но довольно невзрачной внешности. На ее фоне красота леди Белмар казалась еще ярче.

Девушки вышли в центр, поклонились, и Истелинда объявила:

— Дуэль роз.

Слишком уж хороша была сейчас дочь главного ловчего. Мара с невольной горечью подумала, что король вряд ли останется равнодушным.

Родхар знал эту старинную балладу.
Да что там, ее знали все.

Смысл заключался в том, что у некоего короля была возлюбленная. Но соперница оклеветала ее в глазах короля. И тогда, чтобы восстановить свое доброе имя, та вызвала соперницу на дуэль.

Действо происходило в розовом саду. Одна из дуэлисток выбрала себе эмблемой белую розу, другая желтую. Присутствовал король и весь двор. Дуэль должна была происходить до первой крови, но коварная соперница и тут замыслила обман, заранее смазала ядом кинжал.

Сейчас это действо разворачивалось у короля перед глазами. Он старался не смотреть на Мару Хантц, но все еще прокручивал в голове слова Белмара: «Эта девушка, сама того не понимая, приносит несчастье. А ее двойственное положение только побуждает неокрепшие умы лелеять... различные замыслы».

Выбор баллады разительно отличался от того, что изображали остальные участницы. Осталось только понять, что задумала Истелинда?

— Если мои слова ложь, — нараспев декламировала красавица. — Пусть здесь умру я на глазах у всех.

— Когда мои слова правдивы, то здесь ты от простой царапины умрешь, — реплика ее соперницы.

Девушки сделали вид, что скрестили клинки. Конечно, никого оружия у них не было, но в том и сила представления, чтобы вызвать у зрителей соответствующие ассоциации. Отравленный кинжал сделал свое дело.

Истелинда красиво изогнулась и прошептала, глядя Родхару в глаза:

— Сир, умираю за вас...

Этого в балладе не было, импровизация.

Любой мужчина после такого должен был растаять.

Но смысл того, что он сейчас увидел!

Король аплодировал, а у самого страшные картины мелькали перед глазами. Предательство, кровь на серебристых волосах,

отравленный кинжал. Сад! Ведь там в любом углу может притаиться убийца.

Больше Родхар не в состоянии был выдержать. Он объявил:

— Благодарю всех. Остальные представления досмотрим завтра. Встретимся за ужином.

И вышел.

* * *

Все закончилось так неожиданно. Но если король приказал, никто не посмел ослушаться.

— Прощу вас, леди, — засуетилась матрес Пасквел. — Закончим завтра, а теперь следуйте за мной.

Девушки двигались по коридору и нестройным хором обсуждали выступление Истелинды. Многие были возбуждены, неудивительно, ведь ее выступление произвело фурор. Красавица шла впереди, купаясь в лучах славы и зависти.

Матрес Пасквел, как всегда, замыкала процессию. Мара шла с ней рядом, на шаг позади. Задумалась о своем и смотрела в сторону. Вдруг прямо слева у края гобелена открылась неприметная дверь, откуда вышел король.

Он был один. Недовольный, сумрачный. Мара обомлела, а смотрительница замерла в нерешительности и пролепетала:

— Сир...

— Матрес Пасквел, следуйте за своими подопечными, — проговорил король. — И проследите, чтобы они были готовы и не опоздали к ужину.

Секундная заминка.

— Да... конечно... — пожилая дама поджала губы, однако кивнула и двинулась вслед за девушками, которые успели уйти достаточно далеко.

Мара хотела было идти следом, но он заступил дорогу и сказал:

— Мадхен Хантц, задержитесь.

глава 38

Рядом никого не было, все ушли далеко вперед, Мара слышала их удаляющиеся голоса. Король стоял перед ней, полностью закрывая ее своей мощной фигурой. Она наконец смогла оторвать взгляд от его груди и подняла глаза.

Бесконечно долгую секунду длился зрительный контакт. Ненужные, странные чувства перевернулись в груди за это мгновение. Наконец мужчина показал рукой на неприметную дверь у гобелена и проговорил:

— Прошу.

Низкий голос звучал глухо и чуть подрагивал.

Проклятье... Тысячи мурашек по коже. Не нужна ей была эта реакция! Протест рванулся из груди.

«А если я не хочу?!» — хотелось сказать ей.

А он все больше хмурился, что-то жесткое закрубилось в глазах, плечи напряглись. Он давил на нее взглядом, требовал. Совсем как тогда, в замке, когда он явился в ее святая святых, в ее сад и сказал:

«Собирайся. Поедешь со мной. Я беру тебя в долг».

У нее не получится сказать нет, он загнал ее в угол, некуда отступать. Досада стала разливаться в груди, Мара стиснула зубы и вошла.

Мужчина сразу же вошел следом и притворил за собой дверь. Это была небольшая комната без окон. Он мгновенно занял собой ее всю, от его тяжелого шумного дыхания было некуда деваться.

Щелчок закрываемого замка раздался сзади, Мара вздрогнула. Обернулась немедленно, но так, наверное, стало еще хуже, потому что он слишком быстро оказался рядом. Один шаг, и она снова упиралась взглядом в его грудь.

Повисло густое, обволакивающее молчание.

Это уже становилось опасно, потому что затягивало ее куда-то. Пришлось напомнить себе, что он почти женат. И кроме этого у него есть еще целый цветник и в придачу красавица Истелинда. А она никто, минутная прихоть.

Но оставался еще шанс, что все не так, как она себе надумала. И от этой мысли еще больше разлилась досада. Мара сделала над собой усилие, спросила:

— Зачем я здесь, сир?

И подняла на него глаза.

Ей показалось, мужчина вздрогнул, во всяком случае, отошел на шаг и встал вполоборота. Ответил не сразу. А когда ответил, она почувствовала, что ее заливают холодом.

* * *

Слово «опасность» вертелось на языке, перекрывало все остальные мысли. Когда Родхар увидел это представление и понял, что кому-то может прийти в голову просто избавиться от неудобной девицы. Когда вспомнил, как увидел ее в лапах Малгита, в разодранном платье. Кровь на ее щеке, эту царапину...

Ему стало дурно.

Так же, как и тогда он готов был схватить ее на руки и унести в безопасное место. Защитить ее от всех, спрятать. Решение пришло спонтанно.

Но уже здесь, оставшись с ней наедине, он утратил на миг чувство реальности. Жарко стало в груди, искры скользнули под ребрами, а в легкие потек сладкий яд, подтравливающий сознание.

На какую-то бесконечно долгую секунду они замерли друг против друга. И снова его потянуло к ней, ему показалось, что вот сейчас...

«Зачем я здесь?»

Холод во взгляде. Как же она умела разрушить момент, эта девушка с серебристыми волосами! Его стало заливать горечью обманутых мужских ожиданий. Родхар отошел на шаг и сказал, уже полностью владея собой:

— Я нашел для вас новое занятие.

Он буквально кожей ощутил прокатившуюся от нее холодную волну неприятия и страха. Это было оскорбительно! Хотелось тряхнуть ее хорошенько за плечи, заглянуть в глаза и спросить:

«Какого черта ты боишься меня?! Я же хочу защитить тебя!»

Однако король подавил досаду. Опять повисла колючая пауза, наконец она присела в книксене и проговорила:

— Благодарю вас, сир, могу я узнать, в чем теперь будут заключаться мои обязанности?

Благодарность?!

Фальшь. К чертям! Хотелось заорать ему.

— Можете, мадхен Хантц, — сказал он, не глядя на нее. — Вы будете компаньонкой другого лица.

* * *

Мара растерялась, она уже кое-как свыклась со своим положением, это снова рушило все.

— А как же матрес Пасквел? — спросила она.

— Матрес Пасквел прекрасно справится и без вас.

Сухой ответ, резкий. Ей лишний раз дали понять, что перед ней король.

— Хорошо, — опустила голову Мара.

Раз это приказ.

Глупо было чувствовать непрощенную душевную боль.

В конце концов, может быть, это решение и было самым правильным. Приставить ее компаньонкой к какой-нибудь благочестивой старушке и убрать подальше с этого отбора, чтобы не мозолила глаза.

Она выдавила подобие улыбки и просила:

— Могу я узнать, чьей компаньонкой теперь являюсь?

Все повторялось слово в слово, и от этого казалось еще абсурднее.

— Можете, — король помедлил, пристально на нее глядя, и проговорил: — Моей. Личной.

Казалось, под ней сейчас провалится пол.

Но нет! Мара заставила себя выстоять и собраться. А в следующее мгновение факелом взметнулась злость. Она вскинула подбородок и сказала:

— Мой опекун будет против.

Мужчина саркастически усмехнулся, ей почему-то почудилась горечь в его глазах. Но не было времени с этим разбираться. Потому что Родхар произнес:

— Твой опекун согласен.

Вот и все, да? Ловушка захлопнулась? Но Мара готова была бороться и дальше.

— С вашего позволения я отправлюсь в свою комнату, сир, — отрывисто бросила она. — Когда мне приступить к исполнению своих обязанностей?

— В этом нет нужды, мадхен Хантц, — все тем же тоном ответил мужчина. — Вы приступаете прямо сейчас. И в свою комнату вы не вернетесь, за вашими вещами уже послали.

Гром небесный! Она смотрела на него, чувствуя, что ее душит ярость. Сжала кулаки и сказала мысленно:

«Ты пожалеешь об этом, Родхар Айслинг!»

В этот момент Мара так ненавидела его, что готова была убить.

Что-то неимоверно жаркое промелькнуло в глазах мужчины, он неожиданно качнулся к ней, сокращая расстояние...

Однако в последний момент замер. Показал жестом на дверь и глухо проговорил:

— Следуйте за мной, мадхен.

* * *

Сначала сердце колотилось так, что сквозь шум в ушах ничего не было слышно. Куда он ее вел, по каким коридорам? Мара почти не смотрела по сторонам. Просто не могла.

Потом поневоле стала замечать, что коридоры значительно уже. Здесь не было мебели и гобеленов. И световых проемов тоже не было. Несколько раз на пути встречались узкие винтовые лестницы.

В одном месте ей показалось, что она слышит шум из-за стены, но они уже прошли дальше. Еще один подъем по лестнице, наконец мужчина остановился возле двери. Отпер ее большим старинным ключом и сказал:

— Заходите.

Она сжала кулаки. Какого усилия стоило сейчас не закричать и не затопать ногами. Но зачем смешить кого-то своей истерикой? Никогда. Мара подняла подбородок, выпрямилась и зашла.

Король вошел следом и сразу запер дверь на ключ.

Непонятно, что это было за помещение, какая-то проходная комната. Две двери вели из нее в разных направлениях.

— Прошу, — проговорил он.

Двинулся к одной из них, отпер ее уже другим ключом и теперь ждал, когда она подойдет. Из-за приоткрытой двери Маре было видно кусочек стены и гобелен. Когда она подошла ближе, стало видно кресло и кусочек ковра.

— Ваши комнаты, мадхен, — произнес король, открывая дверь шире и жестом приказывая войти.

Она замерла на пороге, тревожно оглядываясь. Потом осторожно ступила внутрь. Это была большая и богато обставленная комната. Мара тут же обернулась, а мужчина уже запер ту дверь.

— Вещи доставят в ближайшее время. Обживайтесь, — бросил король, не глядя на нее, и направился уже к другому выходу, доставая еще один ключ.

Мара была в замешательстве. Все это время она готовилась к несколько иному. А то, что происходило сейчас, больше было похоже на заточение. Словно в подтверждение ее мыслей он повернулся и сказал:

— Ужин вам принесут сюда. Всего доброго, мадхен Хантц.

Натянуто поклонился и вышел. Поворот ключа в замке только подтвердил ее подозрения. Заточение.

«Что ж», — сказала она себе. — «Из любого заточения должен быть выход».

* * *

Родхар сделал главное. Она в безопасности, остальное пока не имело значения.

Теперь король мог со спокойной душой отправиться на ужин.

глава 39

По времени Родхар управился быстро. Правда, пришлось проглотить осадок. Он даже словом с ней не перемолвился, просто не смог себя заставить. Холод, неприятие, страх, хлеставшие из нее оскорбляли его. Задевали за живое.

Поэтому он решил — потом, когда она освоится и успокоится и поймет, что... Черт бы его побрал, он готов был на все, чтобы защитить ее от опасности!

Потом. Сначала ему надо было убедиться, что все прошло удачно.

А сейчас король стремительно шел по коридору. Движение рядом, он на ходу повернул голову.

— Сир, — поклонился дознаватель и пошел рядом. — Все исполнено в точности, как вы приказали.

Родхар молча кивнул, и двинулся дальше.

У входа в зал на мгновение остановился, медленно выдохнул и потом вошел внутрь.

* * *

То, что Мара Хантц не вернулась из гостиной заметили не сразу. Девушки, участницы отбора были слишком взволнованы последними событиями, обсуждали выступление Истелинды, реакцию короля.

И тут было четко наблюдалось деление на два лагеря.

Так как у дочери главного ловчего были и последовательницы, понимавшие, что официальная фаворитка, вероятнее всего, будет иметь больший вес, чем супруга, и противницы. Кто-то предпочел добиться благосклонности принцессы Амелии, потому что так может быть надежнее. Фаворитка — это временно, а супруга навсегда. Но были среди девиц и те, кто самонадеянно метил на место леди Белмар. Поэтому мнения тут высказывались разные, можно сказать, диаметрально противоположные.

— Вы видели? Король сразу встал и ушел, — звучали шепотки. — Его так поразило выступление леди Белмар, что он не захотел больше

никого слушать.

— Видели, конечно. Его величеству так не понравилось, что он с трудом досмотрел.

Эти пикировки продолжались довольно долго, пока смотрительница отбора не шикнула на них:

— Леди, у вас мало времени! Поторопитесь, мы не должны опоздать к ужину!

Напоминание подействовало, девицы тут же разошлись по комнатам, наводить красоту и сплетничать с еще большим воодушевлением.

А вот смотрительница отбора места себе не находила. Будучи дамой благочестивой, она волновалась за девушку. И неизвестно, чем бы это закончилось, возможно, сама отправилась бы искать короля, но тут ее нашел королевский дознаватель.

Отозвал даму в сторону и сообщил:

— Мадхен Хантц получила новое назначение и отправляется служить компаньонкой другому лицу.

Генеральская вдова, несмотря на некоторый романтизм и мечтательность, имела боевой характер, и провести ее было непросто.

— Какому лицу, назовите имя, чтобы я могла написать, — тут же сказала она. — Я несу за девушку ответственность.

На что дознаватель, тоже умевший вести деловые переговоры, невозмутимо сообщил:

— В настоящий момент я не имею права разглашать данные сведения. Это государственная тайна. Могу сказать только, что все сделано для безопасности девушки. Вам, матрес Пасквел, достаточно знать, что ее жизни и чести ничего не угрожает.

Дознаватель говорил серьезно.

— Ну что ж, — выгнула бровь генеральская вдова. — Если вы ручаетесь...

— Ручаюсь, матрес Пасквел, — проговорил мужчина, понижая голос. — И если вам будут задавать вопросы, отвечайте, что мадхен Хантц покинула замок.

Мужчина ушел, а смотрительница отбора еще некоторое время переваривала информацию и, в конце концов, пришла к выводу, что удалить девушку с отбора, где она являлась мишенью для нападков, было правильно. Но... Даму смущало непосредственное участие в

этом короля. Впрочем, матрес Пасквел готова была признать, что девушке может грозить опасность. Но государственная тайна...

Теперь она еще больше волновалась. А время поджимало, и ей самой надо было бежать переодеваться.

Все стало явным, когда смотрительница явилась за участницами отбора, чтобы вести их на ужин. Двери комнаты, в которой прежде размещалась мадхен Хантц, были открыты настежь. Вещи девушки уже вынесли, там было пусто, и служанки начали перестилать постельное белье.

Сюрприз. Матрес Пасквел не ожидала, что все произойдет так быстро.

Обычно девиц не дозовешься, а тут все скопились в коридоре у открытой двери, некоторые даже проявляли любопытство и заглядывали. Принцесса Амелия со скучающим выражением стояла в стороне, зато леди Истелинду очень живо все интересовало.

— Что происходит, матрес Пасквел? — спросила она, показывая на пустую комнату.

— Ничего достойного столь повышенного внимания, — чопорно ответила генеральская вдова. — Мадхена Хантц получила новое назначение компаньонкой и покинула замок.

— Аминь! — воскликнула Истелинда, картинно вскидывая руки. — Такой, как она, было не место среди нас.

Выглядело весьма артистично, но в этом было слишком много ненависти и злорадства. Раздались смешки, ропот. Генеральской вдове снова пришлось призвать своих подопечных к порядку.

— Леди, постарайтесь вести себя достойно, — сказала она, смерив девиц суровым взглядом. — А теперь прошу всех следовать за мной, мы опаздываем на ужин.

И первой пошла вперед.

* * *

Новость о том, что мадхен Хантц внезапно уехала, никого особенно не удивила, потому что такое уже имело место однажды. Воспринято это было по-разному. Леди Истелинду, например, обрадовало. Она немедленно отправила отцу записочку:

«Благодарю батюшка, вам все удалось! Голодранку изгнали».

Прочитав, тот, в свою очередь, решил, что король хоть и заставил его понервничать, но все же внял его совету. Придворный успокоился и расправил плечи. Это означало, что его влияние на короля не поколебалось. Сейчас надо было выждать время, а потом найти эту неприятную девицу и незаметно устранить. Что будет гораздо проще сделать в провинции.

Но кроме этого, лорд решил подстраховаться и ускорить события. Отбор хоть и длился положенное время, все равно как-то слишком затянулся. А чего тянуть, когда выбор известен?

* * *

Ну, а пока претендентки отбора сидели за накрытым столом в большом зале и с большим нетерпением ожидали появления короля. И как только его величество вошел, на него немедленно устремились все взгляды.

Король двигался стремительно как всегда, и по его непроницаемому лицу невозможно было что-то понять. Наконец Родхар Айслинг уселся за стол. Придвинул к себе тарелку, оглядел всех и сказал:

— Приятного аппетита.

Приступил к еде и даже улыбнулся дамам. Двор выдохнул с облегчением, ужин начался.

* * *

Родхал ел и делал вид, что благосклонно слушает главного ловчего, и попутно уделял некоторое внимание девицам, сидевшим рядом с ним. А сам только и ждал, когда это все закончится.

Потому что после ужина он собирался пойти к НЕЙ. К девушке с серебристыми волосами.

глава 40

Все-таки это было очень странное заточение. Слишком уж тут было богатое убранство. Мара только мельком прошла взглядом, и то это сразу бросилось в глаза.

Вся мебель тончайшей работы, великолепные гобелены, в широком резном поставце драгоценная посуда. Тут было даже искусно выполненное бюро, если вдруг вздумается писать письма. Были книги. Она замерла у кресла и нахмурилась, легко касаясь кончиками пальцев красивой тканной обивки.

Узников не запирают в роскошно обставленных комнатах, разве что...

Не успела Мара додумать, раздался звук ключа, поворачиваемого в замке. Она сразу напряглась и инстинктивно встала за креслом. Какая-никакая, а все-таки защита. Или нет. Но в тот момент ей так казалось.

В комнату вошла строго одетая женщина, а следом за ней четыре стражника с ее сундуками. Женщина поклонилась ей и проговорила:

— Мадхен Хантц, ваши вещи. Куда прикажете заносить?

От волнения у Мары пропал голос, она просто показала неопределенным жестом куда-то в сторону. А женщина кивнула и двинулась внутрь. И вот тут-то выяснилось, что комната не одна.

Имелась еще спальня!

Вещи занесли в спальню, и Маре ничего не оставалось, кроме как пойти следом и заглянуть. Вид был шокирующий. Огромная кровать с парчовым балдахином. Туалетный столик розового дерева, мечта всех модниц, пуф...

Мара уставилась на это все, прикрыв рот ладонью. Стражники сразу же ушли, а эта женщина с каменным лицом показала ей ванную комнату и спросила:

— Вам угодно принять ванну? Я наполню.

Вот тут Мара очнулась.

— Нет. Спасибо. Я правлюсь сама.

— Как угодно, — чопорно проговорила та и направилась к выходу.

— Пойдите, — окликнула ее Мара. — Как вас зовут?

— Меня зовут мадхен Кройц. Я ваша личная камеристка.

У Мары глаза на лоб полезли. Камеристка из благородных? Честно говоря, поведением эта мадхен Кройц была больше похожа на тюремщицу. Жаль. Мара подумала, хорошо бы, если бы с ней оставили Гизел.

Женщина проговорила:

— С вашего позволения, мадхен Хантц, я принесу вам ужин.

Кивнула ей и удалилась. Вернулась почти сразу же, принесла поднос с едой. А потом раздался звук ключа в замке. Ее снова заперли.

Она еще долго стояла посреди комнаты, пытаясь осмыслить свое теперешнее положение. В конце концов, дразнящий запах пищи сделал свое дело, Маре давно уже хотелось есть. Мелькнула мысль, а не отравлена ли еда? Но потом она подумала, к чему такие сложности? Если бы ее хотели отравить, отравили бы прямо там, в крыле претенденток.

Подошла к столу и взглянула на поднос. Там были холодное мясо, паштет, сыры. Тонко нарезанный поджаренный хлеб, деликатный соус в судочке. Все это выглядело так аппетитно.

«Ладно», — сказала она себе. — «Кажется, ничего страшного пока не происходит».

Села за стол и начала есть.

Однако только она немного расслабилась, ей опять показалось, что кто-то открывает дверь ключом. Мара сразу замерла и затаилась, а по спине побежали мурашки.

* * *

Весь этот ужин Родхар еле высидал. Его тянуло пойти проверить девушку. Он говорил себе, что это продиктовано соображениями ее безопасности, на самом деле внутренний зверь, живущий в каждом мужчине, знал, что там добыча. Чувствовал ее.

Его ноздри нервно раздувались, пытаясь уловить сквозь стены нежный запах. В какой-то момент король забылся, настолько ушел в свои мысли, что облизал губы. И тут же услышал едва слышный выдох:

— Ах, сир...

Прибить хотелось Истелинду. Однако он сдержанно ей улыбнулся и повернулся к принцессе Амелии. Несколько ни к чему не обязывающих фраз, и он уже хотел подняться из-за стола, когда к нему обратился главный ловчий:

— Сир, не желаете ли вы устроить охоту? А то наши дамы заскучали сидеть в замке безвылазно.

— Охоту? — Родхар резко рассмеялся. — Отчего же нет! Но при условии, что зверь не набросится больше ни на одну из наших милых девушек.

— Сир, ваше величество, — поклонился главный ловчий. — Я ручаюсь головой.

— Ну что ж, Белмар, готовь, — сказал он.

Встал из-за стола и быстро пошел к выходу.

Лимит терпения был исчерпан. Теперь проверить, как устроили девушку. И...

На самом деле, мужчина не знал, зачем он шел сейчас к ней. И чем ближе подходил к своим покоям (да, черт побери, он поместил ее в запертых покоях, примыкавших к королевским), тем большее испытывал волнение.

Когда вставлял в скважину ключ, волнение достигло предела.

Холодный сладкий яд потек в легкие, он медленно и глубоко вдохнул и замер на пороге. Секунда. Щелчок ключа в замке. Он вошел.

Девушка ужинала, сидела за столом. Увидев его, застыла. Инстинктивный женский страх на миг прыгнул в глаза, цепляя что то внутри него.

Что делала с ним эта ее беззащитность... Крючок под ребра. Он снова чувствовал ее запах, ощущал тонкое тело у своей груди так ясно, что слышал стук ее сердца. Казалось, сейчас...

Но это был просто страх.

— Приятного аппетита, мадхен Хантц, — проговорил король, заходя в комнату.

Голос звучал резче, чем хотелось бы.

Девушка вздрогнула. Немедленно встала из-за стола и присела в книксене:

— Благодарю вас сир.

Быстрый взгляд из-под бровей, звенящая настороженность. Одна прядь выбилась из прически и скользнула по шее. Родхар неосознанно потер пальцы, подавляя желание коснуться серебристых волос, вдохнуть преследовавший его запах свежести.

— Вы довольны условиями? — проговорил он и сделал шаг вперед.

Он готов был поклясться, что она готова была шарахнуться в сторону, но осталась на месте только усилием воли.

— Да, спасибо, ваше величество.

Безжизненный стылый голос, царапнул его изнутри. А у нее дрогнула рука, звякнул металл о тарелку. Инстинктивно переступила. Родхар следил за ней, как затаившийся хищник, и тут же одним текучим движением переместился в ту же сторону.

Один маленький шаг.

* * *

На мгновение Маре показалось, что ее сейчас захлестнет липкая паника. Они здесь одни, и никто не придет на помощь, даже если она будет кричать. Ни мадхен Кройц, ни стража. Вот когда Мара пожалела, что она не в крыле претенденток.

Безумно хотелось сбежать. От себя самой, от этого мужчины, от того влияния, которое он на нее оказывал. Позорная слабость.

Довольно, сказала она себе.

В конце концов. Они ведь уже оставались наедине и не раз. И тогда в шатре, и потом, в ее саду, и совсем недавно, когда он вел сюда. Черт побери! Родхар Айслинг привез ее сюда из Хантца! И если бы собирался поступить с ней бесчестно, он бы давно уже это сделал.

То есть, король, конечно, поступил с ней бесчестно. Он предложил ей стать его любовницей, разрушил все ее жизненные планы, унизил и разорил. Он запер ее здесь! Но.

При всем этом Мара почему-то твердо была уверена в одном. Тот мужчина, что нес ее на руках и прижимал к груди, не мог перейти эту грань.

Странная логика... Она запуталась.

Просто сейчас все ощущалось слишком остро. Ей нужно было как-то погасить это, овладеть собой. Мара отвела в сторону голову и коснулась шеи, сгоняя непрошенную дрожь.

И сразу же поймала на себе его хищный и слишком пристальный взгляд.

Как будто на нее смотрел тот страшный черный волк из сна. Он... Как крупный хищник. Маре казалось, она слышит приглушенное волчье рычание где-то глубоко внутри. Оно как будто заставляло ее вибрировать.

Нелепая ситуация. В первый момент Мара задохнулась, заливаясь холодом. Потом все-таки овладела собой и проговорила:

— Сир, ваше величество, могу я узнать, каковы будут мои обязанности?

И замерла.

Повисла пауза. Мара уже не знала, что предпринять, и тут он неожиданно поклонился ей и сказал отрывисто:

— Поговорим об этом завтра. А сейчас отдыхайте, мадхен Хантц. Доброй ночи.

И ушел.

Дверь закрылась, щелкнул замок. Мара долго не могла осознать.

Он действительно ушел? Хммм...

* * *

Он действительно ушел.

Родхар сам не мог в это поверить. Просто интуитивно понял, что рано. Все рано.

Его ведет от ее близости, нужно успокоиться, иначе все может свернуть не туда, куда надо.

глава 41

Далеко идти королю не пришлось, эти покои соединялись с его покоями через общую гостиную. А спальни и вовсе были смежные, их разделяла одна двойная дверь.

Зачем Родхар поместил девушку в те комнаты, которые впоследствии, когда он женится, будут принадлежать королеве Хигсланда?

А черт его знает, зачем?!

В тот момент он действовал на эмоциях. И подсознание выдало все его тайные желания за действительность. Когда мужчина осознал это, все уже свершилось, и теперь не было пути назад. Он не хотел этого. Он хотел эту девушку себе.

Но ведь он не мог предложить ей честный брак. Как старый мерзавец Малгит или тот сельский майстер Кнопхе. Как любой свободный дурак в его дурацком королевстве. А быть его любовницей она отказывалась.

Как же это уязвляло его самолюбие. Королю хотелось запрокинуть голову и хохотать. Слышали бы сейчас его подданные!

Зато он мог сделать ее своей компаньонкой. Спрятать от всего мира, запереть... Надолго ли? Неважно. Главное, что он мог себе это позволить.

Потому что он король, черт бы его побрал!

Но в его жизни все так четко расписано, на ком жениться, от кого родить наследников, что шагу не ступишь в сторону. Он связан политическими интересами по рукам и ногам. Вот и выходит, что на деле он не может ничего.

Ах да, он может устраивать балы и охоту!

Мысль вернула ему нужный настрой.

Заснуть бы ему бы все равно не удалось, Родхар вызвал к себе главу дознавателей. Тот немедленно явился и застыл на пороге:

— Сир, позвольте войти?

Король оглядел высокого подтянутого мужчину в темной одежде. Этот человек был посвящен в его тайну, и теперь он в какой-то степени

от него зависел. Скользкий момент. Король не любил от кого-то зависеть, но выбора другого у него сейчас не было.

Потому, доверяя доверяй, или не доверяй вовсе.

— Отошли стражу и войди, — проговорил Родхар.

Если мужчина и был удивлен, он не показал этого.

— Одну минуту, сир.

Вышел, но сразу же вернулся и запер за собой дверь.

А дальше Родхар получил подробнейший доклад о том, как именно было организовано переселение девицы Мары Хантц в королевские покои. Под конец дознаватель особо добавил:

— Сир, приказа не было, но я позволил себе сделать еще кое-что, касающееся мадхен Хантц.

— Что? — Родхар непроизвольно напрягся подался вперед, понимая, что сейчас последует нечто важное, что, возможно, ему не понравится.

— Переселение произошло слишком поспешно. Это неизбежно вызовет вопросы. Некий умысел, праздное любопытство, да и вообще, на будущее... — он прокашлялся. — Поскольку официально заявлено, что мадхен уехала, это должно быть чем-то подтверждено. Я отдал приказ переодеть и тайно вывезти за пределы замка ее служанку.

Родхар поймал себя на том, что все это время задерживал дыхание. Сейчас он наконец выдохнул.

— Хорошо. Это было разумно, одобряю полностью.

Мужчина кивнул:

— Благодарю вас, сир.

А он проговорил:

— За местом содержания служанки установить наблюдение. А здесь проследить за всеми, кто будет интересоваться мадхен Хантц. Обо всем докладывать мне. И вот еще что... Проследите за нашим главным ловчим.

Дознаватель вскинул голову и уставился на короля прищуренным взглядом, в котором светился острый аналитический ум. Впрочем, удивления не выразил.

— Будет исполнено. Еще какие-то приказания, ваше величество?

— Нет, пока только это.

Король отпустил дознавателя и еще некоторое время сидел, обдумывая то, что узнал. Его поначалу невинное увлечение Марой

Хантц понемногу переросло в дело государственной важности. Потому что слишком многое вскрылось случайно, но, в общем-то, исключительно потому что она оказалась на его отборе.

В этом было много странного.

Потом король отправился в спальню. Но прежде, чем лечь в постель, довольно долго стоял перед дверью, разделявшей их спальни. Велик соблазн был открыть эту дверь и взять ее сонную. Очень велик.

Позже, сказал себе мужчина.

* * *

Дознаватель во многом был прав.

Переселение мадхен Хантц произошло слишком поспешно, и это просто не могло не вызвать вопросы. Разумеется, никого не удовлетворило голословное заявление матрес Пасквел, что девушка уехала.

Хотя, в свете того, что о ней на отборе знали, в это можно было бы поверить. Так же быстро она уехала с отбора и в первый раз. И помнится, тоже со скандалом. Но тогда этому были свидетели. Очень многие из стражи и обслуги замка видели, как она уходила пешком с одним небольшим кофром в руках.

Но она после этого вернулась!

А вот этого уже допускать не следовало. Слишком уж явным было внимание к ней короля. Она могла приобрести влияние при дворе Родхара Айслинга, а это не нравилось многим, и в первую очередь, леди Белмар.

Поэтому прежде леди Белмар хотела убедиться, что эта навязчивая бесцветная девица убралась из королевского замка. А дальше сделать так, чтобы Мара-Элизабета Хантц больше на отборе не появлялась.

И в таких делах нельзя было полагаться на случайности.

Надо было действовать.

Но, положение усложнялось тем, что леди Белмар жила не одна. Она занимала одни из лучших комнат в крыле претенденток, (лучшие все-таки были у принцессы Амелии Грихвальдской), но в общую

гостиную, кроме ее комнаты, выходили двери еще двух спален, из которых тоже размещались другие участницы отбора. Это были аристократки Хигсланда, девушки из знатных семей.

Раньше их общество вполне устраивало Истелинду, потому что они могли устраивать посиделки, сплетничать в общей гостиной и не мучиться скукой, запертые каждая в своей спальне. Теперь же наличие соседок мешало осуществлению ее планов.

Но она быстро нашла выход.

Девушки и сами были непрочь выяснить, куда так скоропалительно исчезла эта бледная девица Хантц из провинции. Их надо было только правильно мотивировать. И вот уже девушки сначала отправили служанок выяснять, что же на самом деле произошло. А потом и сами занялись этим и подключили к этому других участниц отбора.

Это дало Истелинде какое-то подобие свободы. Потому что одно дело, когда кто-то один проявляет интерес, другое дело, когда это делают все. На общем фоне легко затеряться. Так вот, оставшись одна, леди Белмар незамедлительно написала отцу, чтобы тот навел справки. Сама же она осталась в комнате и пораньше улеглась в постель спать. Пусть все бегает и суетятся, в тот момент она была вне подозрений.

А главный королевский ловчий и сам не бездействовал. Прежде всего он составил одно дипломатическое послание и отправил гонца, лично проследив, чтобы тот покинул ворота замка и погнал во весь опор. И уже после этого занялся сбором информации.

Уже опрошен был штат прислуги и стража на воротах замка. Но увы, сведения, которые удалось раздобыть, оказались довольно скудными. Бывшая компаньонка смотрительницы отбора уехала, и вместе с ней пропала ее служанка. Правда, никто не видел, куда делись ее вещи, после того, как их вынесли из крыла претенденток, и саму мадхен Хантц, кстати, тоже. А служанка пропала чуть позже. Это был весьма странный момент, ибо в замке, полном народа, нельзя просто взять и пропасть.

Но стража видела, как через ворота замка выехала наглухо закрытая повозка. А вот это уже было интересно. Он бы и дальше пошел в своих поисках, однако рядом неожиданно возник глава королевских дознавателей.

— Кого-то ищите, милорд?

— Я? — очаровательно небрежно поинтересовался лорд Белмар. — Нет, всего лишь занимаюсь приготовлениями к охоте.

К охоте он действительно готовился.

Ему нужно было удалить отсюда короля, чтобы иметь возможность с помощью своих людей обыскать замок. Пропавшая служанка наводила главного ловчего на очень странные мысли. К тому же, лорд Белмар сожалел, что упустил момент, когда повозка девицы Хантц выехала из замка. Однако он узнал некоторые подробности и собирался навести справки в городе. Повозка не могла бесследно исчезнуть. Ее след выведет на след Мары Хантц.

Но ничего из этого не должно было дойти до королевского дознавателя. Уже настала ночь, во дворе замка пылали факелы, Белмар только что возвратился кордегардии*. По счастью, их красноватые отблески подсвечивали его спины, не позволяя четко разглядеть лицо.

А серьезный мужчина в темной одежде огляделся кругом и невозмутимым тоном сказал:

— В таком случае, я надеюсь, не сильно вас отвлеку, если попрошу быть арбитром в одном спорном деле?

Белмар был озадачен, однако беззаботно ответил:

— Нисколько.

— В таком случае, — коротко поклонился дознаватель. — Прошу следовать за мной.

Сказать, что такое приглашение озадачило главного ловчего, ничего не сказать. Однако он изобразил светскую улыбку и последовал за королевским дознавателем. Но, к счастью, лорда Белмара, пригласили не в подвалы замка, а в оружейную палату.

— Прошу сюда, — проговорил дознаватель, подзывая его к себе рукой.

Оружия тут было всяческого полно, предназначенного для боя и для охоты. Ибо его величество Родхар знал толк в боевых искусствах и был заядлым охотником. Доспехи тяжелые и легкие, мечи, копья, луки с колчанами стрел, дротики, арбалеты, пращи, кинжалы, булавы, рогатины, цепи, боласы...

Все это было выставлено на специальных стендах или развешано по стенам.

Не было здесь разве что главной реликвии рода — Ледяного Клинка Айслинга. Тот старый невзрачный меч хранился отдельно в

часовне. И особо дорогого, инкрустированного драгоценными камнями и золотом парадного оружия тут тоже не было, оно хранилось в сокровищнице рода. Родхар не испытывал к нему интереса и в обиходе не использовал.

Дознавателя из всего этого многообразия интересовал один легкий арбалет. Таких арбалетов у его величества Родхара было несколько, он любил брать их на охоту.

— Скажите, милорд, — спросил он, указывая на арбалет. — Это его король брал с собой в последний раз на охоту?

Главный королевский ловчий напрягся, вопрос был с подвохом.

— Не уверен, но кажется, да, — проговорил он.

— Угу, — протянул дознаватель.

Повисла пауза.

— Я могу идти? — спросил Белмар.

— Еще минутку. Посмотрите, пожалуйста, вот сюда. Вот. Видите? Поврежден зацепной «орех», — произнес строгий мужчина в темной одежде.

А вот это уже было неприятно! Главный королевский ловчий по долгу службы отвечал за все, в том числе и за оружие, с которым его величество отправляется на охоту. Белмар прокашлялся.

— Что вы говорите?

— Да, посмотрите сами. Возможно, потому его величество и не смог воспользоваться им и вынужден был отбиваться от волка кинжалом?

Белмар выпрямился и проговорил:

— Когда его величество выезжал на охоту, оружие было исправно. Вероятно, его повредили потом, во время стоянки в охотничьем лагере. Нужно допросить всех, кто в тот момент находился рядом с королем.

Дознаватель долго смотрел на него прищурившись, потом склонил голову и произнес:

— Возможно. Я надеюсь, что на предстоящей охоте, которую вы готовите для его величества, такого не повторится?

— Разумеется, — процедил Белмар. — А теперь позвольте откланяться? У меня дела.

— Да, конечно, милорд.

Из оружейной палаты главный ловчий ушел к себе злой как черт. И с четким пониманием, что впредь надо действовать осторожнее.

глава 42

С оружием, конечно, вышел опасный промах. Главный королевский ловчий места себе не находил от досады. Он ни в коей мере не собирался наносить какого-то урона здоровью короля или подвергать его жизнь опасности. Никогда. Зачем? У лорда были большие планы, как использовать Родхара Айслинга в своих интересах.

А теперь... Ччччерт. Именно на это намекал дознаватель, если, конечно, он его правильно понял. Хотя, конечно, у лорда Хойта, коего никто по имени не звал, только дознавателем, могли быть и другие подозрения. Но Белмар интуитивно чувствовал, что не ошибается.

Глупее всего, что с арбалетом вообще была не его идея, а дочери.

И задумывалось все иначе. Да, у арбалета, которым пользовался король, должен был заедать зацепной «орех», чтобы выстрел происходил не сразу. Но исключительно для того, чтобы Истелинда могла показать свою меткость и поразить цель раньше.

Родхар Айслинг заядлый охотник, это не могло не произвести на него впечатление. И тогда... многое стало бы проще. Истелинда хорошо подготовилась. Она и оделась соответствующе, и держалась постоянно рядом. Разве можно было предположить, что зверь уйдет в сторону, и король останется с ним один на один? Какого черта все вдруг пошло не так, один Бог знает.

В итоге он сейчас выставил себя не в лучшем свете. И да, пришлось бледнеть от злости и выслушивать намеки дознавателя. Сам себе удивлялся, как он мог подобное допустить.

А все почему? Он слишком много воли дочери давал.

Положительно, лорд Белмар пришел к выводу, что надо посоветовать Истелинде держаться не так вызывающе. Ей вообще следует перенять манеру этой бесцветной мыши Хантц. Если королю нравится, так пусть Истелинда тоже сделается тихой, скромной и покладистой. Казалось бы, что тут трудного? Одеваться неярко, держать глазки опущенными в пол.

Если это привлечет короля?!

С ее идеями тоже надо что-то решать. Это ведь дочь все придумала, нашла через свою служанку умельца-оружейника, слегка подправившего королевский арбалет. Лорд Белмар в этом не участвовал, на него, главного королевского ловчего не должно было упасть и тени подозрений.

Вот, кстати, он подумал, что надо поставить себе на заметку, убраться мастера оружейника, пока дознаватель до него не добрался. А дочери надо сказать, чтобы вела себя осторожнее.

Вернувшись к себе, лорд Белмар немедленно написал Истелинде записку:

«Временно ничего не предпринимай, дочь моя. Момент сейчас неблагоприятный. Я сообщу, когда можно будет действовать. А пока возьми-ка, дочь, как пример для подражания манеры, известной особы. Возможно, ты привлечешь больше внимания, если будешь вести себя сдержаннее.

Некоторым больше нравится пресная пища. Надеюсь, ты меня понимаешь.

Твой любящий отец»

Ответ пришел почти сразу:

«Благодарю за совет, батюшка, но я знаю, как вести себя. А вам лучше сделать, как я просила»

Мужчина прочитал и тут же смял в руке записку, а после откинулся в кресле и подпер лоб рукой. Пытаться урезонить дочь бесполезно! Все дело в том, что Истелинда слишком красива и всегда была своевольной до крайности.

Придется ему подумать, как все повернуть и при этом не привлечь лишнего внимания. Впрочем, главный королевский ловчий больше надеялся на письмо, которое сегодня отправил. Скоро должен быть результат.

Не стоило думать, что Истелинда была так глупа, чтобы не понять смысла советов отца. Просто это было оскорбительно. Она полночи кипела от возмущения. Как?! Предлагать ей, первой красавице Хигсланда подражать какой-то сельской замухрышке, вылезшей из своего дремучего угла? Копировать ее одежду, угловатую манеру двигаться, туповатый коровий взгляд исподлобья? Никогда!

Потом она, конечно, успокоилась и подумала, что отец в чем-то прав. Какие-то приемы замухрышки, может быть, и стоили того, чтобы к ним приглядеться. Не стоило забывать также и о других внезапно вырвавшихся в фавор участницах. И о принцессе Амелии. Иногда Истелинда думала, что если бы принцесса вдруг уехала с отбора, она с успехом могла бы занять ее место.

В конце концов, это поважнее какой-то Мары Хантц.

* * *

О том, что происходит вокруг ее скромной персоны, Мара даже не подозревала.

На удивление, она спала в этой своей новой роскошной тюрьме очень хорошо. А во сне ей опять снился черный волк. Огромный страшный зверь сидел у ее кровати, совсем как большая собака. Косил на нее черным взглядом и... облизывался?

Больше она не запомнила, сон смазлся, но оставил после себя странное воспоминание. Приятное. Как будто у нее с этим зверем, который приходил во сне, была какая-то общая тайна.

Проснувшись она рано, умылась, оделась и причесалась. Но не успела закончить, как явилась мадхен Кройц. Женщина поздоровалась сухо, но вежливо, придирчиво оглядела ее и сообщила:

— Мадхен, прошу вас пойти в гостиную, сейчас будет подан завтрак.

— Да, спасибо, — проговорила Мара.

И вышла в гостиную, недоумевая, зачем сообщать о том, что будет подан завтрак, так официально. Но очень скоро все стало ясно.

Дверь отворилась, появились два прислужника с подносами. А следом за ними в ее гостиную вошел Родхар Айслинг.

— Доброе утро, мадхен, — бросил он походя и разместился в кресле у стола, который быстро и сноровисто сервировали двое слуг.

Мадхен Кройц стояла рядом, Мара вдруг почувствовала себя в собственных покоях лишней. Так и хотелось спросить:

«Я вам не мешаю, сир?»

А король, словно не замечал ее.

— Достаточно, — проговорил, как только все приборы и блюда были выставлены на стол.

Слуги тут же исчезли. А он перевел взгляд на ее камеристку мадхен Кройц.

— Можете идти.

Женщина чопорно поклонилась и вышла, прямая, словно палку проглотила.

Теперь они остались одни. Казалось воздух загустел от мгновенно повисшего напряжения. Родхар Айслинг откинулся в кресле и смотрел на нее из-под полуопущенных век. И под его пристальным взглядом Мара снова чувствовала себя добычей.

Какого черта? Она выпрямилась, стараясь не смотреть на него.

— Мадхен Хантц.

Низкий голос прозвучал резко, Мара не сдержалась, вздрогнула.

— Не хотите поздороваться?

Чееееерт. Ей напомнили о вежливости? Подавила начавший душить ее протест и присела в книксене:

— Доброе утро, сир.

Сейчас этот красивый и сильный черноволосый мужчина вызывал у нее только раздражение, а ее зависимое положение только подчеркивало цинизм ситуации. У ведь нет выбора, не так ли? Выбор есть всегда, сказала она себе.

Отвела взгляд в сторону и стала рассматривать гобелен. Очень красивый гобелен, искусная работа. А в ушах шумело от бессильной обиды на обстоятельства.

— Мадхен Хантц, вашу руку.

Что?...

Она беззвучно ахнула от неожиданности. Потому что теперь Родхар Айслинг стоял рядом и протягивал ей руку. Когда только он успел подойти? Почему она не слышала? Поздно было задавать себе эти вопросы. Мара растерялась и покраснела, злясь на себя.

Но.

Ее рука казалась маленькой и очень белой в его большой сильной смуглой ладони. Этот контраст заставил ее затрепетать и вздрогнуть. А может быть, непрошенные мурашки побежали по шее оттого что он сжал ее руку и провел большим пальцем по тыльной стороне запястья? Она не знала. И думать об этом не стоило.

* * *

Родхар ждал этого момента с ночи и теперь мучился нетерпением. И нет, он не намерен был позволить ей снова скрыться за холодной стеной отчуждения. Она должна смотреть на него, чувствовать его.

Хотеть его.

При этой мысли сразу подняло голову возбуждение. Однако он контролировал себя полностью. Провел большим пальцем по ее маленькой руке еще раз, с жадностью улавливая, как она на секунду задерживает дыхание.

«Да, черт побери! Посмотри на меня».

— Вот видите, мадхен Мара, в этом нет ничего страшного, — уронил насмешливо.

Какой он получил взгляд! Мгновенно стало горячо в груди, но он опять сдержался. Довел ее до стола и усадил. И только потом сел сам.

— Разделите со мной завтрак, — проговорил, а сам впился в нее взглядом.

«Да, злись. Дай мне это».

* * *

Это ведь такая игра в благородство, да? Хорошо. Мара изобразила подобие улыбки и проговорила:

— Приятного аппетита, ваше величество.

Потом они ели, и еще несколько раз их руки сталкивались над столом. Он делал это специально, чтобы вывести ее из равновесия. Но каждый раз Мару почему-то цеплял этот контраст. Его большая

смуглая рука и ее маленькая белая. А напряжение такое, что ей было трудно дышать, какой тут аппетит, когда кусок в горло не лез.

Наконец завтрак закончился.

Мужчина встал из-за стола и снова протянул ей руку. И снова все повторилось, ощущения, всплеск эмоций, только теперь все было ярче. Это было лишнее!

— Благодарю, сир, — проговорила она и попыталась отнять руку.

А он неожиданно склонился к ней и спросил:

— Вы хотели знать, в чем будут состоять ваши обязанности компаньонки?

Мара и без того была на взводе, а тут еще этот намек на интимность. Она еле сдержалась, чтобы не отшатнуться, вскинула на него взгляд, но в этот момент раздался условный стук в дверь. Родхар выпустил ее руку и резко бросил:

— Да! — а потом обернулся к ней. — Я зайду позже.

глава 43

За дверью был доверенный человек.

— В чем дело? — раздраженно спросил Родхар.

— Время, сир. Вы просили напомнить, — слуга склонил голову.

Да, черт побери. Он сам выделил себе время, которое мог потратить на завтрак с женщиной. И сам же увлекся и забыл об этом.

Мужчина испытывал досаду, его прервали в самый неподходящий момент. А королю не нравилось, что его тайна известна слишком большому кругу лиц. Он вынужден полагаться на преданность слуг, а преданность, как известно, покупается и продается.

Сколько в истории его рода было случаев, когда тайная возлюбленная короля внезапно могла упасть с лестницы или отравиться. Или просто бесследно исчезнуть. И виноватых потом не найти, потому что исполнители тоже будут мертвы.

Родхар даже мысленно не мог допустить этого.

Если бы дело касалось его безопасности или даже жизни, ему было бы глубоко безразлично, он ничего не боялся для себя лично. Но речь шла девушке с серебристыми волосами, и положение было крайне щекотливым.

Слуга так и стоял, склонив голову.

— Хорошо, — проговорил король и направился в свою спальню.

Быстро сменил дублет на один из тех, что приготовил ему камердинер, и вышел в примыкавшую к его покоям малую приемную, где его уже ожидали секретарь и несколько придворных. В числе которых был главный королевский ловчий.

— А, Белмар, — бросил король, проходя к столу и по ходу кивком здороваясь с остальными. — Что у тебя?

Сел и стал просматривать выложенные ему на стол прошения.

— Сир, — с улыбкой проговорил лорд, подходя ближе и кланяясь. — Я готовлю для вас охоту.

— Ммм? — промычал Родхар.

— Это будет нечто особое, сир. Мои люди уже устанавливают лагерь в трех часах езды отсюда к северу в горы. Медведи, кабаны,

косули. И место удобное, там недалеко любимый охотничий замок вашего батюшки. Можно было бы разместиться всем двором.

Он сдержанно рассмеялся и добавил:

— Было бы прекрасное развлечение, а то наши дамы заскучали на отборе.

— Что ж, готовьте.

— Сир, мои люди успеют полностью управиться за день.

Чуялся в этом какой-то подвох, в том, как лорд старательно убеждал его. Но Родхар продолжил спокойно подписывать бумаги. Закончив, сложил стопкой и сказал:

— Значит, выезд завтра.

И вскинул на него взгляд.

Успел уловить во взгляде главного ловчего странный блеск. Однако тот сразу притушил все и поспешил откланяться.

А Родхар оттуда прямиком отправился в кабинет и вызвал к себе на доклад главу дознавателей.

* * *

Когда король ушел, Мара еще некоторое время стояла, разглядывая свои дрожащие руки. Но недолго. Почти сразу явилась ее личная камеристка мадхен Кройц и с ней двое слуг. Камеристка охватила быстрым взглядом комнату, правда, неизвестно, что она рассчитывала увидеть, потом сдержанно кивнула и проговорила:

— Мадхен, если вы закончили завтракать, позвольте забрать посуду.

— Да, конечно, — сказала Мара и отвернулась.

Сзади раздавался звон посуды, которую слуги собирали на два подноса. Вроде бы ничего особенного, но это почему-то заставляло ее чувствовать себя лишней и голой. Она отошла в сторону, чтобы не мешать, и хотела выглянуть в окно, но тут же услышала:

— Мадхен не подходите к окнам. Ради вашей же безопасности.

Это было так дико. Мара резко обернулась на свою свою тюремщицу, кивнула и вообще ушла в спальню. Думала, что ее оставят в покое. Зря.

Камеристка отправила слуг с подносами и вошла следом. И замерла перед ней, сложив перед собой руки:

— Мадхен Хантц, какое вам приготовить платье?

Мара пожала плечами:

— Мне все равно. Любое.

И только потом осознала, что наедине та назвала ее по имени. Выходит...? Непонятно, что выходит. Но она явно не государственная преступница и не сокровище, чтобы прятать ее с такими предосторожностями. Она всего лишь прихоть короля, которому захотелось новую игрушку. А эта мадхен Кройц вовсе не рада тому, что ей приходится обслуживать игрушку. Да, положение...

— Знаете, — проговорила Мара. — Я и сама способна себя обслужить, если вы принесете мне уют и принадлежности для шитья.

Женщина, державшая одно из платьев, замерла. Потом сухо проговорила:

— Вам принесут все, что скажете. Еще что-нибудь?

— Нет. Я бы хотела побыть одна.

— Как вам угодно, — кивнула камеристка.

Ушла и унесла с собой платье.

А Мара наконец осталась одна.

Подошла к туалетному столику из розового дерева и замерла, глядя на себя в зеркало. Трудно было не понять, для чего она здесь. И сколько она еще продержится? В какой момент королю надоест играть в благородство? И тогда...

А когда все закончится, и он вернется к своей невесте, к Истелинде, в конце концов. Да мало ли, сколько еще у Родхара Айслинга будет женщин. Он ведь король.

Куда ей потом? В монастырь? В петлю? В реку с камнем на шее?

Довольно, сказала она себе и огляделась.

Вот если бы можно было незаметно выбраться отсюда, честное слово, она бы ушла из замка пешком. Плохо, что у нее нет денег. Но в сундуках, кроме одежды, имелось еще специальное маленькое отделение, в котором Мара успела заметить кое-какие украшения. Не хотелось, но, видимо, все-таки придется позаимствовать у Родхара Айслинга что-то.

А пока...

Взгляд упал на окно. Нет, это отпадает, вряд у нее получится спуститься по простыням. Надо искать другой способ. Она встала и принялась прощупывать стены.

Неизвестно, что она собиралась найти, но это же старинный замок. Здесь должны быть ходы в стенах и тайники. Его строили давно и прочно, чтобы он мог выдержать длительную осаду. А такие покои наверняка должны иметь на случай войны запасной выход. Может, и не один.

Еще девчонкой у себя в Хантце Мара как-то наткнулась на старинный ход в стене и побежала к отцу. Потом батюшка объяснил ей, что это делалось, чтобы можно было спастись. И показал еще другой тайный подземный ход, ведущий аж до самого оврага. Только ей не помог тайный ход, увы. Она все равно не смогла удержать свой замок.

Так. Довольно об этом.

Мыслить надо в другом направлении.

Но только она углубилась в свои исследования, как вернулась с платьем мадхен Кройц. А также ей принесли то, что она просила — уют и принадлежности для шитья.

— Будете переодеваться, мадхен Хантц? — спросила камеристка, когда слуга ушел, и они остались одни.

А это обязательно? Хотелось спросить ей. Видя, что она молчит, камеристка сказала:

— К обеду вы должны переодеться.

Должна.

— Хорошо, — выдавила Мара. — А пока оставьте меня.

Та чопорно кивнула и удалилась.

А Мара, как только ключ повернулся в замке, сразу же снова вернулась к своим поискам. Прощупывала очень внимательно. Особенно ее привлекал гобелен в спальне, почему-то интуитивно казалось, что здесь что-то может быть...

Неожиданно рука наткнулась на неровности в кладке. Она стала ощупывать и тихонько простукивать. Есть!

От предчувствия удачи сердце заколотилось в горле. Но что именно она нашла? Надо было сначала посмотреть. Мара осторожно откинула край гобелена. Там действительно оказалась скрытая в стене дверь. Запертая. А у нее нет ключей.

Мара в изнеможении опустилась на пол и подперла рукой лоб. И тут же подскочила. Принесла набор для шитья. Ножницы! Черт...

Сама понимала, насколько это глупо, пытаться открыть старый заржавленный замок ножницами, но все же попробовала, раскрыла и сунула один конец в скважину и попыталась повернуть. Уж неизвестно, как ей удалось, но что-то внутри старого замка хрустнуло. Он провернулся и щелкнул.

О... Когда дверь с тихим скрипом приоткрылась, Мара не могла поверить своим глазам. Замерла, прислушиваясь и гадая, сколько еще у нее времени до обеда. Больше двух часов должно быть точно.

Только посмотреть, сказала она себе. Не больше. Быстро сбегала в гостиную и придвинула к входной двери стул, чтобы услышать, если кто-то войдет. И сразу вернулась к потайному ходу. А там пыль, путина, видно, что этим ходом очень давно не пользовались. Ступала осторожно, ощупью...

В какой-то момент услышала, что стул, оставленный ею в гостиной закрипел. Мара повернулась бежать назад, но ей вдруг показалось, что перед глазами мелькнул черный волк. Она оступилась и вскрикнула.

* * *

Доклад дознавателя заставил короля еще больше задуматься. Получалось, кто-то сознательно повредил его оружие?

— Причастность главного ловчего, вероятнее всего, только косвенная, — сказал дознаватель. — Уже взяты под наблюдение все, кто мог иметь к этому отношение. Интересно другое.

— Что? — спросил Родхар.

— Лорд Белмар отправил гонца с посланием. Сразу перехватить его не удалось, но я отправил за ним людей. Пока удалось выяснить, что гонец направляется по дороге в Грихвальд.

А вот это уже было неприятно.

— Что еще?

— Вы приказали установить наблюдение за местом содержания служанки.

— Кстати, где она? — Родхар подался вперед.

— Здесь, не так далеко. В городе. Я позволил себе поместить ее в пустующий особняк.

— Хорошо.

— Так вот, сир. Сегодня утром вокруг крутились трое. Один интересовался девушкой. Имени не называл.

Родхар внезапно похолодел.

— Наблюдение продолжать, — сказал он. — Обо всем все докладывать мне.

Отпустил дознавателя, а сам просто не мог на месте усидеть. Ему нужно было увидеть ее, удостовериться, что с ней все в порядке. Что она в безопасности. Быстрым шагом вернулся в свои покои, его пытался перехватить по дороге секретарь, он отмахнулся:

— Позже!

Влетел в спальню. Тут же отослал камердинера, запер дверь — и к ней. Потому что от непонятной тревоги сжималось сердце. Прошел через смежную комнату, в которой дежурил доверенный человек. Тот немедленно подскочил и поклонился:

— Сир.

— Жди снаружи, — бросил ему, а сам подошел к двери.

Отпер и хотел войти, но дверь открывалась с трудом. Что за чертовщина? К двери был приставлен стул. Он толкнул посильнее, стул с грохотом отъехал в сторону, а Родхар замер на пороге.

И тут он услышал вскрик.

Как рванулся в спальню, сам не помнил. Но ее там не было.

ГДЕ??? Он стал озариться вокруг, ища ее. Звук... Странная возня за гобеленом. У него чуть сердце не выскочило из груди! Сдернул к чертовой матери гобелен, а там ход. Родхар бросился в этот ход и наконец ее увидел.

Она упала, споткнулась об острый выступ и поранила ногу.

Мгновенно схватил ее на руки и вынес оттуда. Задрал юбку, увидел длинную царапину. И все! От страха, что она могла пострадать, куда к черту делся его контроль! Он целовал ее как безумный.

Кровать оказалась ближе всего.

глава 44

Было адски трудно остановиться, сдержать себя. Все равно что вырвать глоток воды у умирающего от жажды. Но когда он понял, что ее тонкие ручки отталкивают его, Родхар остановился.

Ведь целовала же его... Целовала.

Ладно.

Он с силой оттолкнулся и сел спиной к ней, приходя в себя. Отбросил волосы со лба и сказал:

— Пообещай, что не будешь больше пытаться убежать. Это опасно.

Голос звучал хрипло, сбивался. В нем еще кипела страсть, но уже отходила, оставляя после себя боль от неудовлетворенности и досаду. Девушка молчала некоторое время, потом прошептала:

— Обещаю.

— Хорошо, — кивнул он. — Потому что в противном случае я вынужден буду приставить к тебе охрану.

Потом встал и пошел в ванную.

Когда Родхар вернулся с водой и чистой тряпочкой в руках, она уже сидела на кровати, прикрыв ноги подолом платья. На него взглянула настороженно.

— Надо промыть рану, — сказал он, стараясь не смотреть на нее.

Сел рядом, она было дернулась, но позволила. Горечь бурлила в душе короля, однако он осторожно промывал длинную царапину на гладкой белой коже и говорил:

— Ход старый, там пыль. Может вызвать воспаление. Надо наложить заживляющую мазь и перевязать.

Закончив промывать, убрал все в ванную и сходил к себе за заживляющей мазью. А девушка так и сидела на кровати, только волосы собрала. Увидела его встрепенулась, как будто что-то хотела сказать, но тут же осеклась, а он сделал вид, что не замечает. Они оба, не сговариваясь, старались держаться так, словно ничего не произошло.

Странное состояние. Мужчина сам себя не узнавал, но каким-то шестым чувством понимал, что так будет правильнее. Когда закончил

обрабатывать рану, отошел и сказал:

— Ты здесь оказалась не случайно, Мара. За тобой охотятся. Это опасно.

— Я поняла, — тихо проговорила она.

Родхар кивнул. Протер тщательно руки, а потом взял свечу и сказал:

— Сиди здесь, я посмотрю, куда ведет этот ход.

* * *

Получалось совсем уж нехорошо.

В спальне королевы есть тайный ход, а он, король, даже не подозревает, что ход действующий. Родхар знал, что отец при последнем ремонте приказал заложить часть тайных ходов замка. Сам он был тогда еще ребенком.

Потом, вступая на престол, Родхар получил вместе со всеми реликвиями рода еще и карту ходов. Так вот, на карте данный ход был показан как короткий, всего десяток метров, тупиковый отросток, просто пустота в кладке. И против него стояло указание — заложен.

Оказалось, что карта ходов доблестно врет!

Так и подмывало теперь лично проверить все помеченные там ходы. И НЕ помеченные тоже. И вообще, перевернуть весь замок вверх дном! Однако Родхар понимал, что сейчас в нем просто говорит мужская неудовлетворенность. А досада побуждает крушить все.

Он заставил себя успокоиться и сосредоточиться на главном. Кто-то оставил действующим этот ход в спальне королевы, а его умышленно ввели в заблуждение. Кто, когда это было сделано? Черт бы его побрал! Вокруг одни интриги и заговоры!

Трудно поверить, что отец не знал о существовании хода в спальне своей жены. Тогда кто? Тот, кто составлял эту карту, или тот, кто вносил в нее изменения?

Король сейчас чувствовал себя крайне глупо. Если бы Мара Хантц не обнаружила потайную дверь и не полезла туда, он бы так и пребывал в блаженном неведении. Он — король!

В конце концов, Родхар действительно отрешился от всего лишнего и ступил в этот чертов ход. Оказалось, что никакой он не

тупиковый. Ход долго петлял, пока наконец не вывел его в часовню, в которой хранился символ рода — Ледяной Клинок Айслинг. Аккуратно под накрытый ковром постамент. Король огляделся и сразу же повернул обратно.

Девушка была в комнате одна.

Теперь он вообще боялся надолго ее оставить.

* * *

Конечно, это был шок.

И стыд. Горели щеки, губы, но еще больше горело в груди от досады. Все вышло глупее некуда. Мара сидела на кровати, и не было желания даже подняться. Так и смотрела в одну точку.

Зачем она вообще сунулась в этот ход?

Наверное, от безысходности и желания хоть что-то изменить в своей жизни. Изменила. Теперь она дала слово, что не будет пытаться бежать.

Девушка недовольно поморщилась, прикрывая подолом босые пальцы ног.

А как было не пообещать?! В той ситуации она и не то бы пообещала...

Зато во всем есть положительный момент. Она выяснила, что Родхар Айслинг не насильник. И поцелуй его... Приятны. И можно понять всех этих женщин, которые словно мотыльки на огонь, стремятся в его постель.

Его жене повезет.

Потом она напредила себе, что думать ей стоит о чем угодно, только не об этом. Мара вздохнула и стала оглядывать спальню. Что поделать, слово дала, значит, придется какое-то время здесь жить.

И неожиданно для себя успокоилась.

Странно, конечно, но стоило принять ситуацию, и у нее сразу изменилось восприятие. Не зря говорят, когда судьба закрывает одну дверь, она открывает другую. Теперь это уже был не тупик, а некий новый этап, который надо пережить.

Значит, рано опускать руки.

Мысли потекли в другом направлении, словно вода, отведенная плотиной. Теперь Мара уже по-иному присматривалась к своему вынужденному жилищу.

Из-за беспорядка комната казалась разоренной. Наполовину содранный гобелен висел на стене, открывая зияющий проем потайного хода. И это было так неправильно, что наводило на мысли о разрухе. И ей как-то сразу припомнился родной Хантц.

Ее разграбленный замок. Ее сад, большой розовый куст, подарок отца матушке. То, что ее предки собирали веками.

Плохая она хозяйка. Во многом тут вина Меркеля, ее подлого опекуна. Но она и сама виновата, нельзя думать только о своей гордости. Там остался старый преданный слуга Хиберт. Хотя бы ради него она должна.

И... Вот тут опять надо было переломить себя. Но Мара вдруг подумала, что раз уж она вынуждена постоянно видеть короля, ей стоит как-то подумать о судьбе своего замка? Спасти то небольшое, что от него осталось.

Может... Прощение подать?

Однако со стороны потайного хода послышались шаги. Это значило только одно — Родхар возвращался. Она снова невольно вздрогнула и занервничала, а сердце заколотилось в горле.

Еще несколько секунд, потом сначала заплясало на стенах пламя свечи, потом показался он. Родхар Айслинг высокий мужчина, его плечи едва поместились в узкий и низкий проем двери, ему пришлось нагибаться, чтобы пройти.

Но вот он выпрямился и взглянул на нее.

Господи, куда сразу улетучились все здравые мысли.

Остался один стыд и смятение, ее снова стало заливать краской. Мара первой отвела взгляд. Мужчина прошел в гостиную, а она опять чувствовала себя так, словно под ней горит земля.

* * *

Родхар торопился, ему казалось, если ее надолго оставить там, что-то может случиться. В довершение всего вспомнил, что забыл запереть дверь. И это было последней каплей. А когда вышел из

потайного хода и взглянул на нее, думал сердце вырвется. Его неудержимо потянуло к ней.

Однако он видел, что девушка напугана. Пришлось напомнить себе, что важнее всего ее безопасность. Ключ. Надо запереть дверь.

Уже в гостиной он вдруг замер, остановился на полпути.

Что с ним творится? Откуда эти мысли? Поставил свечу на стол и оперся о него руками. Тряхнул головой. Повел плечами, качнулся вперед. Его тянуло обратно, к ней. В постель. Смять ее, теплую, мягкую. Зарыться лицом в серебристые волосы, вдыхать их запах...

Он на ней помешался.

Может, она ведьма, а?

Околдовала его, как Малгита?

Король невесело засмеялся. В ведьм он не верил, это сказки, а вот в человеческое коварство — да. Сейчас он пойдет, и...

Мужчина только громче расхохотался. Никогда Родхар Айслинг не насиловал женщин. И довольно об этом.

А вот расспросить ее не мешало. Он оттолкнулся от стола, замер на мгновение, пригладил двумя руками растрепавшиеся волосы. Взял со стола небольшой кубок и серебряный кувшин с морсом и вернулся в спальню.

Девушка так и сидела на кровати, взглянула на него испуганным мышонком. А потом вскинула подбородок и заметно напряглась. Родхар не смотрел на нее, но боковым зрением замечал все движения. Вот приоткрыла рот и шевельнулась, как будто что-то хотела сказать, но промолчала. Он наполнил кубок и подал ей. Кувшин отставил на туалетный столик. Прислонился к столику, сложив руки на груди, а сам повернулся к ней и спросил:

— Скажите, мадхен, как вы нашли этот ход? Вы знали о его существовании?

— Что?

Она искренне удивилась и даже, кажется, перестала бояться. Во всяком случае, испуганной мышью больше не выглядела.

— Нет, конечно, откуда мне было знать?

— Но вы нашли его так уверенно и быстро.

А вот сейчас ее светлые глаза сверкнули гневом. Девушка рывком поднялась с постели, поставила кубок на тумбочку и отошла. Родхар

мысленно хмыкнул, а сердце снова ёкнуло и потянулось к ней. Он заставил себя подавить порыв.

— Объясните, — сказал сухо. — Мне нужно знать.

— Я... — она раздраженно пожала плечами. Потом внезапно выдохнула и посмотрела на него. — Я понимаю, что это глупо, но мне нужно было найти какой-то выход. Сидеть взаперти... Простите, ваше величество, — она замолчала, но тут же продолжила. — Это ведь старинный замок. Мне показалось, что такие покои должны иметь запасной выход на случай войны.

Она рассказывала, а Родхар ловил себя на том, что почти не слушает, а больше смотрит на нее. Но вот она сказала про гобелен.

— Почему он вас привлек?

— Не знаю, мне казалось, что здесь что-то может быть. А когда я нашла дверь...

— Она была не заперта?

— Нет.

Девушка замолчала и отвела взгляд, а ему стало тревожно.

— Мара! Говорите!

Она вздрогнула и неохотно сказала:

— Дверь была заперта, но я открыла ее ножницами.

— Чем? — час от часу не легче. — Какими ножницами, откуда они у вас?

— Они были в наборе для шитья. Вы заберете его у меня?

Король едва сдержался, чтобы не вспылить.

— Нет, — сказал он. — Дальше.

— А дальше я вошла в ход, хотела только посмотреть и вернуться. Но в гостиной закрипел стул. Я быстро повернула обратно, а перед глазами мелькнул черный волк и...

И тут Родхар резко подался вперед.

— Как ты сказала?

глава 45

Видит тотем рода?

Король был потрясен. КАК такое возможно?!

Чего стоило заставить себя принять то, что тотем рода, проклятый черный волк, не существует сам по себе. Его носитель — он. Но это как.... если бы она вывернула его наизнанку и вытащила на свет тщательно охраняемую древнюю тайну.

А если лжет? Откуда ей об этом знать? Кто научил, кто подослал ее, зная...

Или она все-таки ведьма.

И все, что происходит с ним сейчас — колдовство.

Родхар лихорадочно соображал, а в душе поднималась ревность и жажда собственности. Так значит, волк выбрал ее? Черта с два! Мужчина не был готов делиться. Она только его!

* * *

Мара не понимала, что происходит и уже просто злилась. Эти странные вопросы, сухой тон. Король ее подозревает в чем-то?

Все настолько перемешалось. И да, она сболтнула лишнее. Но зачем, спрашивается, Родхару Айслингу знать, что ей мерещится или снится. Это касается только ее.

Однако король прожигал ее взглядом и ждал ответа. Пришлось повторить.

— Ты уверена? — отрывисто бросил король.

Он выглядел так странно, и сам был похож на того волка из ее снов. Маре даже вдруг показалось, что он сейчас бросится, и снова повторится то, что было недавно. Такими замедленно плавными и хищными вдруг сделались его движения. Кровать слишком близко, и убежать она просто не сможет...

Мара инстинктивно сжалась и подалась от него в сторону. А мужчина опомнился и огляделся вокруг себя. Момент прошел, но

осталась неловкость.

— Сир, ваше величество, — начала она, показывая на наполовину содранный гобелен и открытую дверь за ним. — С этим надо что-то делать. И скоро уже обед, мадхен Кройц сказала, что я должна переодеться.

— Мадхен Кройц превышает свои полномочия, — хрипло проговорил мужчина.

Обжег ее взглядом и подошел к двери потайного хода. Тронул ее, потом повернулся к ней:

— Дайте сюда ваши ножницы!

— Сейчас, — Мара тут же побежала к туалетному столику за ножницами.

Так странно, но сейчас она ощущала себя сообщницей. Мужчина возился с замком, чертыхаясь, пытаясь закрыть снова и снова. В какой-то момент она вдруг заметила, что он неудачно перехватил ножницы и поранил ладонь. Ахнула испуганно, а он резко обернулся:

— Что?!

Мара еле заставила себя выдавить:

— У вас кровь.

А он смотрел на нее, как будто не понимал, о чем она говорит. Снова этот взгляд, горячий и жадный. И острый край ножниц, который он сжимал в руке. Надо было что-то делать, иначе он поранится еще больше.

— Можно, я? Я попробую.

Родхар Айслинг секунду смотрел на нее, потом отодвинулся в сторону и протянул ей ножницы. У Мары дрожали руки, но как-то так вышло, может, она уже приноровилась, замок щелкнул.

— Все.

Повисла пауза. Положение опять стало глупым, а воздух как будто загустел и с трудом проходил в легкие.

— Сир, надо перевязать...

Она не успела договорить. Мужчина бросил:

— Пустое.

И стремительно вышел.

Родхар щел к себе, не замечая ничего. Ни человека, вытянувшегося при его появлении в струнку, ни того, что у него ладонь измазана кровью.

Все-таки ведьма.

Все-таки!

Сжечь ее. Отдать инквизиции. На костер.

Но король прекрасно знал, что никогда не сделает этого! Он сам готов был уничтожить любого, кто будет угрожать ей, жизнь отдать за нее. В конце концов, мужчина закрыл глаза и шумно выдохнул.

Прежде всего, надо успокоиться. И разобраться с тем потайным ходом.

* * *

Из гостиной слышалось, как хлопнула дверь, а потом повернулся ключ в замке. Мара невольно вздрогнула и попятилась, разглядывая свои дрожащие руки.

Что было это все?

Потом она опомнилась. Быстро выровняла постель и, как смогла, прибралась в комнате. Конечно, полностью скрыть следы беспорядка не удалось. Гобелен так и висел наполовину содранный, но она подтащила тяжелый стул и перевесила свесившийся конец на его спинку. Так хоть как-то можно прикрыть дверь потайного хода.

Закончив с этим, быстро переоделась и вышла в гостиную. И как раз вовремя. Почти сразу вслед за этим появилась мадхен Кройц и с ней двое слуг с подносами. Принесли обед.

Опять на две персоны. Слуги быстро и сноровисто выкладывали на столе разные блюда и приборы, ее личная камеристка-тюремщица стояла в стороне, зорко наблюдая за их работой. А Мара ждала, что сейчас появится король. Но вот слуги закончили сервировать стол, поклонились и, не поднимая глаз, исчезли.

Как только они остались одни, камеристка чопорно поклонилась, проговорила:

— Приятного аппетита, мадхен Хантц, — и вышла, не забыв при этом запереть ее.

Мара озадаченно смотрела на дверь, потом перевела взгляд на стол. Разложенная там еда пахла соблазнительно, и да, после всего ей хотелось есть. Она еще некоторое время постояла, прислушиваясь. Ничего.

Пожала плечами и села за стол.

Только собралась есть, за дверью раздались твердые шаги. Он. У нее сердце заколотилось в горле. Так и есть. Послышался звук ключа в замке, а следом отворилась дверь.

Вошел Родхар Айслинг.

Короткий холодный взгляд. Ей показалось, ее пригвоздили к месту, ни шевельнуться, ни слова вымолвить. А мужчина повернулся, чтобы запереть дверь и сразу после этого сел напротив. На нее взглянул мельком, словно она предмет мебели. И бросил сквозь зубы:

— Приятного аппетита, мадхен.

Наверное, так и бывает, с горечью подумала Мара. Не зря говорят, что благосклонность королей скоротечна. Она на секунду смежила веки, дав себе передышку, и проговорила так доброжелательно и спокойно, как могла:

— Приятного аппетита, ваше величество.

А потом принялась за еду, хотя кусок не лез в горло.

* * *

Все это время король боролся с собой.

Ему надо было понять, откуда у нее такая власть над ним? Что с ним в ее присутствии происходит? Родхар перебирал в памяти все, что знал об этой Маре Хантц с первого дня, как увидел ее на отборе. Она ведь сразу привлекла его внимание необычным цветом волос и независимой повадкой. И чем дальше, тем привлекала больше.

Но было ли что-то еще? Особенное, неправильное, колдовское? Сейчас он мог бы сказать — да! Эта девица ведьма.

Другого объяснения не допускала его гордость.

Иначе, как могло произойти, что он практически у ее ног?

Не говоря уже о том, что на его глазах она сделала невозможное. Заперла ход, ведущий в часовню, где хранится Ледяной Клинок — артефакт рода, используя вместо ключа ножницы! Родхар мог

поклесться, что с таким же успехом она могла бы использовать и веретено, и щепку для растопки. И она видела волка.

Сейчас, сидя против нее за столом, мужчина старался следить за девушкой отстраненно. Только факты и никаких эмоций. Если имеет место колдовство, оно должно быть пресечено. Но вот она заговорила.

Просто пара слов. Взгляд. А у него сладко сжалось и потянулось к ней сердце. И Родхар внезапно сдался. Теперь ему было все равно, будь она хоть сто раз ведьма, он хотел только ее.

Но тем хуже было все остальное. Завтрашняя охота. Интриги. Отбор.

Усилием воли он отодвинул все это.

* * *

Мара старалась лишний раз не сталкиваться взглядом с королем. А лучше было вообще сделаться незаметной. В конце концов, его величество съест обед и уйдет, а она как-нибудь разберется со своими эмоциями.

И тут она вдруг заметила, что у него свежий порез на ладони. Ахнула и потянулась к нему:

— Сир, надо перевязать!

— Пустое, — хриловато проговорил он, накрывая ее ладонь своей.

И сразу изменилось все, словно не было никаких странных событий. Их руки снова сталкивались над столом, его большая смуглая и маленькая белая ее, и это было похоже на странный танец.

Но вот обед закончился.

Родхар встал, и Мара тоже поспешила подняться. Секунду он смотрел на нее, потом сказал:

— Завтра я уезжаю на охоту.

Ей сразу стало тревожно и одиноко. Но он добавил:

— Сейчас мне нужно идти, но я вернусь после ужина. Постарайтесь не заснуть.

глава 46

Оставив девушку запертой в королевской спальне, Родхар уже понимал, что и это убежище ненадежно. Ее безопасность чисто условная, до тех пор, пока кому-то не придет в голову подкупить слуг или сунуться в потайной ход.

А ему надо уезжать.

И никаких лишних движений он сейчас себе не может позволить, это только привлечет ненужное внимание. А вот заложить ход в покоях, отведенных для будущей королевы Хигсланда необходимо. Это как раз можно было сделать, пока король вместе со всем двором будет охотиться.

Но для этого ему нужно было переселить Мару.

И мозг заработал, изыскивая варианты. Когда решение принято, действовать проще, есть цель, есть пути достижения. Колоссально трудно и тяжело было другое. Скоро к концу подойдет отбор, и ему придется жениться. Он король, он должен.

Родхар тряхнул головой отгоняя от себя эту мысль. Время еще есть. Пусть его немного, король хотел провести его с ней. Но уже сейчас понимал, что ему мало этого времени, катастрофически мало. Он должен найти выход, придумать что-то еще.

Сейчас король направлялся в кабинет. На лице не отражалось никаких внутренних переживаний. Напротив, он был бодр и работал продуктивно, как никогда.

И принимал просителей, которых с утра накопилось много. Несколько раз заходил главный ловчий, докладывал о подготовке завтрашней охоты. Родхар слушал его, делал замечания по теме и отпускал шутки, а сам пристально следил за придворным. А тот в свою очередь отслеживал его реакцию, и несколько раз Родхар уловил хищный блеск в глазах Белмара. Нетерпеливые жесты и легкую нервозность.

В другое время его бы позабавила эта игра. Сейчас, зная, что Белмар замышляет что-то, король был предельно собран и внимателен. И потому при подобной активности крайне интересно было прошение, которое ближе к концу дня подал ему главный ловчий.

Двухдневный отпуск в связи с семейными делами.

— Однако? — Родхар откинулся в кресле, удивленно глядя на него. — А как же охота, Белмар?

— Сир, все готово. Мои люди уже на местах. Я ручаюсь, все пройдет идеально, — склонился тот в поклоне и прижал руку к сердцу.

Король видел подвох, однако игру продолжил.

— Да? И чем же вызвана такая срочность? — спросил он небрежно. — Ты прекрасно мог бы дожидаться окончания охоты и потом съездить в имение по семейным делам.

— Безусловно, сир, — снова поклонился главный ловчий. — Но тут вопрос жизни и смерти.

— Хммм? И что же это... Вернее, кто?

— Сир, — Белмар оглянулся и понизил голос. — Это мой бастард. Ложь. Король в этом был уверен.

Белмара никогда и ничего не интересовало кроме успехов его драгоценной дочери. И даже если бы перемерли разом все его бастарды, он не оставил бы Истелинду без поддержки на отборе.

Ибо, это уже самое смешное, несмотря на то, что уже практически решен вопрос, на кого падет выбор на отборе, Белмар не терял надежду увидеть однажды свою дочь королевой. Для этого надо было всего лишь подвинуть в сторону принцессу Гринвальда. Дело весьма непростое, но не такое уж невозможное. Ведь до сих пор не выяснено, с какой целью лорд Белмар отправлял нарочного в Грихвальд.

Черт побери...

Родхар теперь взглянул на главного ловчего по-новому. Невольно мелькнула мысль приставить к принцессе Амелии дополнительную охрану, а матрес Пасквел приказать, чтобы она с девушек глаз не спускала.

Больше всего короля бесило то, что в этой подковерной борьбе за власть он был чем-то вроде куска мяса. Этакое приложение к трону. Однако внешне же выражение его лица никак не изменилась. Король только хмыкнул и, пододвигая к себе прошение об отпуске, спросил:

— Я надеюсь, это не лишит нас приятного общества леди Истелинды?

— О, нет, сир, — тут же поклонился главный ловчий и выдал с многозначительной улыбкой: — Моя дочь ни за что не пропустит охоту, особенно, если там будете вы, ваше величество.

А, значит, если его там не будет, вполне вероятно, что Истелинда будет отсутствовать тоже.

— Рад слышать, — проговорил король и размашисто подписал бумагу.

Главный ловчий поклонился и вышел. А король тут же приказал:

— Лорда Хойта ко мне!

* * *

Меньше, чем через полчаса глава дознавателей вышел от короля, получив все необходимые указания. Потом Родхар еще вызвал к себе смотрительницу отбора.

Генеральская вдова явилась почти сразу, как будто ждала этого. Держалась хорошо, что все равно выглядела немного нервной и настороженной.

— Добрый день, матрес Пасквел, — проговорил Родхар.

Вдова присела в книксене:

— Добрый день, сир.

— Прошу прощения, я сегодня был занят, не смог уделить достаточно внимания. Как ваши подопечные? Не заскучали?

— Все в порядке, ваше величество. Девушки понимают, что у короля дела государства, и он не всегда может позволить себе выделить время на развлечения, — проговорила генеральская вдова.

— Похвальное понимание.

Теперь надо было сообщить главное.

— Матрес Пасквел, завтра двор почти полным составом выезжает на охоту в предгорья, — начал он. — Я прошу вас проследить за всеми участницами. И особое внимание уделить леди Белмар. В буквальном смысле не спускайте с нее глаз.

Женщина вскинула на него сосредоточенный взгляд и понимающе кивнула:

— Сир, сделаю все, что смогу.

— Благодарю, — сказал король. — Можете быть свободны. Встретимся за ужином.

Генеральская вдова с достоинством поклонилась и покинула кабинет, шурша юбками. Под конец ему казалось, что она хотела

задать какой-то вопрос, однако промолчала. И это хорошо, потому что Родхар догадывался, о ком она хочет спросить, но не готов был дать ответ.

Времени оставалось в обрез. Король только успел переодеться и спустился к ужину в большой зал, где его уже ждали накрытые столы.

Положенное время он там высидел, внимание участницам уделил.

Теперь он мог наконец отправиться к Маре Хантц.

Третий раз он должен был увидеться с ней за этот день. И каждый раз странная жажда и предвкушение становились сильнее. Мужчина замер перед дверью, испытывая внутреннюю дрожь, и закрыл глаза.

Интересно, если бы он просто переспал с ней в первый же день, влечение уже давно бы исчезло? Теперь он не знал. Он не знал даже, хочет ли избавляться от этого чувства. Оно становилось ярче и, вместе с тем, утонченнее, как будто пробовал новое вино, и не мог остановиться.

Король мрачно хмыкнул.

Сколько женщин перебывало в его постели? Много. Разве он их считал? Простолюдинок и благородных дам. За некоторыми из них он даже волочился. Но такого с ним прежде точно не бывало. Хорошо это? Плохо? К черту.

Может, во всем виноват тотем рода?

Мысль промелькнула и исчезла. Родхар приложил ладонь к двери и подался вперед, прислушиваясь к тишине внутри. Казалось, он слышит биение ее сердца, чувствует запах. Мужское естество мгновенно настроилось на нее,

Он медленно выдохнул.

И отпер дверь.

* * *

Король как ушел с обеда, так до самого ужина никто Мару не тревожил. Мара была предоставлена себе весь остаток дня. Сначала сидела, пытаясь понять, что значили слова короля:

«Сейчас мне нужно идти, но я вернусь после ужина. Постарайтесь не заснуть».

И, честно говоря, у нее было беспокойно на душе. Потому что она так и не поняла, какие у него на нее планы. Король говорил о безопасности, но даже если так, все было слишком странно.

Потом она пыталась заставить себя писать прошение по поводу ее замка. И тут на дыбы вставала ее гордость. Ведь он был в ее замке и все своими глазами видел. И про то, что дядя Меркель обворовал ее, знает. А если королю все и так известно, стоит ли напоминать об этом? В конце концов, Мара оставила эту мысль до поры до времени. Пусть дозреет. Она всегда делала так, если была неуверена в чем-то.

А день склонялся к вечеру, и за окнами, к которым ей ради ее же безопасности запретили приближаться, темнело. Принесли ужин. На этот раз поднос был один.

Мадхен Кройц, перед тем как уйти вместе со слугами, зажгла свечи, чопорно поклонилась ей и сказала:

— Доброй ночи, мадхен. Посуду мы заберем утром.

Все это только подогревало ее сомнения. У нее даже аппетит пропал. К еде Мара так и не притронулась, а за окном совсем уже стемнело.

И вот наконец снова щелкнул замок.

Она буквально взвилась от волнения и обернулась.

Дверь гостиной тихонько отворилась, на пороге стоял король. Оба замерли, глядя друг на друга. При свете свечей его смуглое выразительное лицо казалось вылепленным из камня, а огонь во взгляде еще сильнее обжигал. Ей сразу стало трудно дышать, и похолодели руки.

Она сказала себе, что ей не страшно. Присела в книксене и проговорила:

— Добрый вечер, сир.

Он качнулся вперед. Непроизвольный жест, потом странно дернул шеей и резко поправил волосы.

— Добрый.

— Я...

Они сказали это одновременно.

— Простите, ваше величество, — Мара опомнилась первой.

Весь остаток дня Родхар искал выход из положения.

Ему нужно было ехать на эту проклятую охоту хотя бы для того, чтобы иметь возможность проследить, что замышляют за его спиной. И надо было что-то делать с потайным ходом.

Сначала король собирался приказать заложить потайной кладкой. Потом передумал, такой путь отхода действительно стоит сохранить на всякий случай. Но поменять дверь и дополнительно выставить на подступах надежную решетку.

И разумеется, девушки там в момент, когда будут вестись работы, не должно быть.

Когда шел сюда, Родхар почти убедил себя взять Мару с собой. Это решило бы вопрос, и если она будет рядом, ему будет спокойнее.

Но сейчас он смотрел на нее, такую беленькую и хрупкую, и понимал, что ничего не выйдет. Сделать это незаметно невозможно, даже если переодеть ее пажом. Он только привлечет к ней ненужное внимание, удобнее для врагов было бы только нарисовать большую красную мишень у нее на груди. Потому что устроить несчастный случай на охоте проще простого! Достаточно было вспомнить ужас, который он пережил, когда увидел, как на нее бросился волк, и потом под ней понесла лошадь.

Волк...

Что-то вдруг сложилось в его мыслях.

— Мадхен Хантц, — начал он. — По поводу завтрашней охоты.

— Да, ваше величество, — она уставилась на него светлыми глазами.

Совсем другие мысли всплыли, другие желания, но он подавил все. И сказал сухо и спокойно:

— Ты должна будешь перебраться в мою спальню.

* * *

Мара не поверила своим ушам.

— Что? — прошептала беззвучно.

Это такая шутка или...

Сначала похолодела, потом краска бросилась в лицо. Она выпрямилась и сказала:

— Простите, нет.

Повисло звенящее молчание. Видно было, что король разозлился, челюсти сжались, на них круто обозначились желваки, а кулаки он сжал просто до хруста.

— Я. Сказал.

— Нет. Ваше величество.

— Мадхен Хантц! — отрывисто бросил он, подходя вплотную.

И навис над ней темной глыбой. Хотелось пригнуться, отвести глаза, но она бы скорее умерла, чем это сделала. Несколько бесконечно долгих секунд они смотрели друг на друга, наконец король отчеканил:

— Вы переберетесь в мою спальню, мадхен Хантц.

— Я...

— Потому что здесь будут вестись ремонтные работы.

Он не повышал голоса, но говорил так жестко, что это прозвучало оглушающе. Мара почувствовала себя дурой. Сейчас она действительно ни слова не могла из себя выдавить. А он еще добавил:

— Заимейте привычку слушать, не перебивая.

И ждал. Пришлось ответить.

— Я поняла, сир.

— Отлично, — сквозь зубы процедил мужчина, сверкнул на нее взглядом и перешел в спальню.

Боже... Казалось, протест ее задушит.

Мара так и стояла спиной к дверям спальни. Оттуда доносился какой-то шум, она зажмурилась, и вдруг шаги, резкие, решительные. Обернулась — Родхар Айслинг вышел из комнаты, легко и без усилий держа сундук, который двое слуг сюда несли. Взглянул на нее и прошел мимо.

Удаляющиеся шаги отдались в ушах грохотом. Потом опять слышался шум и снова шаги. Когда он появился на пороге, Мара все-таки сказала:

— Ваше величество, это неприлично.

Станный взгляд у него проскочил.

— Вашей чести ничего не угрожает, — глухо проговорил король.

Снова прошел мимо нее. Вернулся через минуту с вторым ее сундуком и замер на пороге.

— Можете взять поднос? — спросил.

Она кивнула. Молча взяла со стола поднос со своим несъеденным ужином.

— Следуйте за мной, — бросил он и пошел вперед.

Идти оказалось недалеко. Они миновали две роскошно обставленные смежные комнаты, а дальше была дверь. И Мара уже поняла, что это и есть королевская спальня.

— Поднос поставьте на стол, — сказал мужчина, проходя с сундуком куда-то за ширму.

Мара механически подошла к столу и поставила на него поднос. Оглядываться даже не решалась. Это была сугубо мужская комната. Здесь были ЕГО вещи, ЕГО постель. Здесь витал ЕГО запах.

Пока она пребывала в прострации, мужчина вернулся, замер на секунду, глядя на нее, потом подошел к столу. Спросил:

— Вы ужинали?

— Спасибо, я не хочу, — какая тут еда?!

— Сядьте и поешьте.

Резко. Она невольно вздрогнула.

— А потом ложитесь спать.

И тут Мара вскинула на него взгляд.

Спать?! Но кровать в этой спальне всего одна. И это ЕГО кровать! Она уже набрала полную грудь воздуха, чтобы отказаться, как он повернулся к ней спиной и резко проговорил:

— Поешьте и ложитесь спать. Я лягу в кресле в другой комнате. Успокойтесь, вашей чести ничего не угрожает.

Помолчал секунду и добавил:

— Я уеду очень рано. Меня не будет день, может быть, два. Продержитесь это время. Еду вам оставят на столе. И больше вас никто не беспокоит.

Не оборачиваясь кивнул ей:

— Доброй ночи, мадхен.

И вышел. Дверь закрылась, ключ провернулся в замке.

Все?

У нее еще некоторое время звенело в ушах, и просто невозможно было поверить. Потом она шевельнулась, подошла к столу, механически съела крохотный кусочек.

А дальше?

Дальше Мара оглянулась на большую королевскую кровать и невольно зажмурилась. Спать здесь... Она подошла ближе. На полу перед ложем лежала шкура волка. Раздеться Мара не решилась, только скинула обувь.

Ступила на шкуру, и осторожно села на край ложа.

глава 47

Странное это было чувство. Волчья шкура под ее ногами напомнила Маре того волка, что напал на нее на охоте. И каким-то образом тот волк теперь ассоциировался со зверем из ее снов. Она некоторое время смотрела на густой мех, потом, как была одетая, прилегла с краешку поверх одеяла.

Лежала, глядя перед собой.

Ее жизнь сузилась в одну точку. С того самого дня, когда ее дядя, Меркель Хантц, явился к ней в замок и заявил:

«Собирайся, поедешь со мной в королевский замок!»

Все полетело кувырком. Королевский отбор, старый извращенец барон Малгит, охота, ее феерический позор. Но даже после этого у нее были силы бороться. Оставался родительский замок, пусть и разграбленный до нитки ее бесчестным опекуном. Оставалась возможность выйти замуж, пусть за мужчину почти вдвое старше ее, да к тому же с двумя взрослыми дочерями. Но.

Теперь у нее ничего нет. Родительский замок... Неизвестно, сможет ли она когда-нибудь заплатить подати.

Ей теперь некуда отступать. Родхар Айслинг лишил ее всего. Он взял ее «в долг».

При этом поселил ее в своей спальне, а сам спит в кресле в другой комнате. И защищает ее от какой-то ему одному ведомой опасности. Впрочем, тут как раз Маре было понятно многое, в войне за внимание короля все средства хороши. А она нищая сирота, и устранить ее ничего не стоит.

Но ведь все это временно!

Отбор скоро подойдет к концу, король женится, двор перестанет лихорадить. Какое место в этом всем будет у нее, взятой «в долг»? Вот тут мысли заканчивались.

Жизнь сузилась в точку.

Но.

Она жива. Значит, ей все еще есть за что бороться. Батюшка любил говорить, что не может быть всегда плохо, черная полоса рано

или поздно пройдет, и жизнь наладится. А то, что сейчас, надо просто перетерпеть. Главное, после всего суметь остаться собой.

«Меня не будет день, может быть, два. Продержитесь это время».

Она продержится. День, два, неделя.

А потом?

Мара глубоко вздохнула и провела рукой по глазам и все-таки попыталась заснуть. Это ей удалось не сразу, поначалу прислушивалась к каждому шороху в соседней комнате, потом пришел сон без сновидений.

* * *

Девушка спала крепко и не могла видеть, как перед рассветом тихо, без скрипа, открылась дверь в королевскую спальню. Высокий и сильный темноволосый мужчина занес и поставил на стол полный поднос еды. Замер сначала, глядя на ее почти нетронутый ужин. А потом, бесшумно ступая, подошел к кровати и долго смотрел на спящую.

* * *

Во сне ее кожа казалась прозрачной, а серебристые волосы разметались по покрывалу и как будто светились в полутьме. Она спала, из-под подола виднелась маленькая нога в чулке. Родхар чувствовал непреодолимое желание коснуться, даже руку протянул. Но тут же отдернул.

Его тихо окликнули из-за двери:

— Сир?

Родхар Айслинг тут же вышел. Проходя мимо доверенного слуги бросил:

— Глаз не спускать.

Потом облачился в охотничью куртку и покинул свои покои. Дальше уже не было необходимости таиться, король шел по коридорам своего замка, твердо впечатывая шаги в пол. Перед ним склонялись, короля приветствовали. А он милостиво кивал, на лице его застыла

самоуверенная усмешка. Никто бы не смог сейчас догадаться, что его величество думает отнюдь не о предстоящей охоте, а о том, как сохранить свою тайну.

А меньше, чем через час, Родхар Айслин уже выезжал во главе процессии на охоту в предгорья. Рядом с ним по левую руку ехала на своем гнедом жеребце принцесса Амелия, а справа на резвой кобыле игреневой масти восседала красавица Истелинда.

К тому моменту, когда солнце позолотило верхушки деревьев, они успели выехать из Лендрио и уже полчаса, как были в пути.

* * *

Королевский кортеж растянулся по живописной дороге. При свете дня гораздо лучше можно было оценить продуманные наряды дам. Его величество снисходительно смеялся шуткам и уделял внимание фавориткам отбора. А сам при этом внимательно присматривался к деталям.

В этот раз с ними не было главного королевского ловчего. Родхар сам подписал его прошение, и теперь лорд Белмар мог отсутствовать два дня под благовидным предлогом. Однако он не оставил Белмара без присмотра. О каждом шаге главного ловчего ему должен был докладывать глава дознавателей. Первого нарочного от лорда Хойта Родхар ждал через час. Тот должен был нагнать их на полпути к охотничьему лагерю в предгорьях.

Сейчас кортеж двигался не спеша, оглядываясь временами назад, король прикидывал, сколько понадобится времени, чтобы быстро вернуться назад. Получалось, раза в три меньше. Это примерно час. А его огромный мощный жеребец мог покрыть это расстояние еще быстрее.

Обратил он также внимание на то, что красавица Истелинда сегодня выглядела нервной. Хоть и старалась держаться непринужденно, однако несколько раз Родхар засек, как она оглядывалась назад, как будто тоже ждала каких-то вестей. И крайне неприязненно реагировала, когда к ней обращалась матрес Пасквел.

А генеральская вдова, несмотря на почтенный возраст, ехала верхом и находила повод обращаться к прекрасной Истелинде

постоянно. Родхар только порадовался тому, что смотрительница отбора так основательно подошла к исполнению своих обязанностей. Так он мог на какое-то время отвлечься и заняться своими делами, но и свиту свою из вида не выпускал.

Первый нарочный от Хойта нагнал их, когда кортеж углубился в лес. Доставил донесение от главы дознавателей, в котором сообщалось, что лорд Белмар на рассвете выехал в сторону своего имения. Однако очень скоро повернул обратно, въехал в город и вернулся в замок со стороны «грязных» ворот.

Что и требовалось доказать.

Родхар шумно выдохнул и оглянулся назад, чувствуя, что его начинает душить ледяная ярость. Несколько строк внизу записки гласили:

«В покоях, смежных с покоями вашего величества, начаты ремонтные работы. В связи с этим, я позволил себе выставить, помимо королевской стражи, еще дополнительную охрану из своих людей».

Если бы не эта приписка дознавателя, вполне вероятно, что он мог сорваться обратно в замок. Король быстро пробежал взглядом послание еще раз, потом кивнул, отпуская нарочного.

А спустя короткое время после того, как тот уехал, человек в простой темной одежде привез какое-то послание Истелинде. Родхар видел, как она жадно прочитала записку и тут же спрятала ее за корсаж.

— Леди Белмар, что это у вас? И почему вы отстали?

— Ах, сир, — она тут же расцвела ослепительной улыбкой. — Это от батюшки.

— Да? — спросил Родхар с ленцой в голосе. — И что же пишет наш главный ловчий?

— А... Батюшка пишет, что благополучно добрался в имение.

Ложь. Но не вытряхивать же записку у нее из корсажа.

Король только лишний раз убедился в том, что подозревал ее правильно.

глава 48

Король теперь не мог, когда его выставляли дураком, а дочь главного ловчего именно это сейчас и делала. Лорд Белмар был у него на особом счету и пользовался королевским расположением. А его дочь красавица Истелинда росла при дворе, и Родхар настолько привык к ней, что прощал ей дерзость и проделки.

Он всегда считал, что доброе отношение — это что-то, что следует ценить. Оказалось, что доброту воспринимают как слабость. Ну, что ж. Отныне многое будет иначе.

Родхар саркастически хмыкнул. В этот момент из кустов у обочины неожиданно выпорхнула птица. Лошадь Истелинды шарахнулась в сторону и взвилась на дыбы. Наездница справилась с управлением, однако несколько неприятных секунд это ей доставило. Родзар следил за Истелиндой, прищурившись, потом сказал с ленцой:

— Будьте осмотрительнее, леди Белмар. Это охота, может произойти что угодно.

Красавица смертельно побледнела и проговорила:

— Благодарю вас за предупреждение, сир.

— Не за что, леди Белмар. Вашего батюшки здесь нет, а мы несем перед ним за вас ответственность. Осторожность не повредит, — сказал он и отвернулся.

И неожиданно поймал на себе пристальный взгляд принцессы Амелии. Уже долгое время девушка ехала молча и только наблюдала. Ему показалось это странным. Родхар подъехал ближе и негромко спросил:

— Что-то не так, леди Амелия?

Судя по виду, она хотела что-то сказать, но с другой стороны от него теперь снова ехала Истелинда, и Амелия только натянуто улыбнулась и выразительно промолчала. Не понравилось это королю, он дал себе слово при первой же возможности расспросить принцессу.

Черт бы его побрал!

Они еще до места не доехали, а ему уже не терпелось вернуться обратно.

Этим утром Мара проснулась позже обычного. Возможно, сказалось то, что заснула она поздно, а может, во всем виновата была незнакомая обстановка, но она не сразу поняла, где находится. И только опустив ноги на волчью шкуру, поняла, что она у короля в спальне.

Тут же вернулось все.

Вспомнились ночные размышления, причины, по которым она тут оказалась. Она пошевелила пальцами, зарываясь в пушистый мех, потом наклонилась вперед и встала.

При свете дня обстановка воспринималось иначе. Роскошно, богато, не удивительно, ведь это была королевская спальня. И вместе с тем, здесь не было ничего лишнего или вычурного. Покои, в которые король поместил ее до того, тоже поражали богатством, но, несмотря ни на что, они казались нежилыми и какими-то обезличенными. А это была истинно мужская комната, где все подчинено вкусам хозяина. Наверное, глядя на ее убранство, можно бы многое узнать о Родхаре Айслинге.

Особенно вот этот небрежно брошенный на кресло темно-зеленый дублет...

Маре вдруг показалось, что она подглядывает. Она тут же ушла в ванную. Здесь тоже было великолепно. Чего стоила серебряная ванна с массивными ножками, декорированная под грифона. Все это смущало, но куда больше ее смущал висевший на вешалке мужской халат. Не трудно было догадаться, кому этот халат мог принадлежать.

К счастью, тут был большой жбан чистой воды с серебряным ковшиком. Мара быстро умылась, сменила платье на новое и постаралась скорее уйти из ванной.

А пока она умывалась и приводила себя в порядок, взошло солнце. Его свет пробивался через цветные стекла витражных окон — еще одно чудо королевской роскоши. Конечно, хотелось выглянуть, но Мара не решилась, прекрасно понимая, что ее уж точно никто не должен здесь видеть.

Подошла к столу и нахмурилась.

Здесь стоял второй поднос полный еды, накрытый белой вышитой салфеткой. Еще был морс в небольшой оплетенной бутылки и кувшин

взвара. Когда это все принесли? Когда она спала? Плохо. Но одежда на ней была не тронута, и проснулась она почти в той позе, в которой заснула.

В конце концов, она махнула на все рукой. Еда под салфеткой пахла аппетитно, а ей хотелось есть. Мммм... Там были ароматнейшие мясные пирожки.

Поев немного, Мара стала осматриваться в комнате. Раз уж ей предстоит сидеть тут, как сказал король, день или два. Надо было найти себе какое-то занятие.

В дальнем конце комнаты в простенке между витражными окнами стояло бюро из темного дерева. А рядом большой поставец, только вместо посуды в нем были книги. Это ведь ничего, если возьмет что-нибудь почитать?

Почему-то накатило волнение. Ведь книги — это было нечто даже более личное, чем халат в ванной. Мара вытерла о юбку повлажневшие ладони и направилась к шкафу.

Она уже подошла и стала осторожно водить кончиком пальца по корешкам, читая названия, когда снаружи послышались какой-то металлический звук и странная возня.

Мара уставилась на дверь и замерла на месте.

* * *

Шум и металлический лязг повторились. Потом глухо прозвучало:

— Ваша милость, где именно нужно менять дверь?

— Проходи дальше, — негромко и сурово. — Здесь не стой.

Что-то тихо, буквально несколько слов.

— Понял?

— Как есть, ваша милость.

И удаляющиеся шаги.

Маре показалось, что из нее воздух выпустили. Сразу вспомнилось:

«Вы переберетесь в мою спальню, мадхен Хантц, потому что здесь будут вестись ремонтные работы».

Боже, какая глупость, ведь Родхар сказал ей...

Она нервно хихикнула, прикрывая рот ладонью, и снова вернулась к книгам.

С трепетом рассматривала отливавшие золотом тисненные корешки. У них дома в родительском замке были книги. До того, как мерзавец Меркель все вывез. Немного и, конечно, не так роскошно оправленные, в обычном переплете из телячьей кожи. А здесь были настоящие сокровища. И ТАК много, у нее просто разбежались глаза. Были даже трактаты по философии и космогонии. Некоторые на других языках, которых Мара не знала. Но на полях стояли пометки, сделанные твердым мужским почерком.

Надо же. Мара и не подозревала, что его величество Родхар Айслинг так хорошо образован. Он всегда казался ей грубоватым и чуточку мужланом. Ладно, допустим, иногда не чуточку.

Она и сама не заметила, как мысленно упомянула его без раздражения, а даже... Когда опомнилась, усмехнулась про себя. Вот что делают книги и хороший завтрак. Это звучало настолько цинично, что девушка закатила глаза.

Теперь день, проведенный в запертой спальне короля Хигсланда, уже стал казаться ей странным приключением, о котором она будет когда-нибудь рассказывать внукам. Если доживет до старости.

Мара выбрала среди книг две. Травный справочник с рисунками и подробным описанием все известных лекарственных трав и изумительно оформленную гравюрами книгу легенд Хигсланда. Села в кресло и начала читать.

* * *

А вокруг творились интересные тайные дела.

Вернувшись в замок, главный королевский ловчий не стал там задерживаться. Еще подъезжая, он заметил, что подозрительно много людей Хойта слонялось у главных ворот. Наверняка следят за кем-то. Ему нужно было всего-то увидаться с одним из своих верных людей и дать задание.

Потом он так же незаметно выбрался из замка и вошел в небольшой скромный дом, находившийся в двух кварталах оттуда. Этот дом Белмар купил на днях через подставное лицо. Через

некоторое время сюда по одному стали подходить нанятые им сбирь. Каждый из них получил свою задачу. А лорд Белмар отправил нарочного дочери, а сам остался ждать отчета.

Все это могло бы показаться пустой тратой времени, однако главный ловчий не страдал ни слепотой, ни размягчением мозга. Белмару не составило труда понять, простую истину. Король настолько заинтересован бледной девчонкой с белесыми волосами, что, судя по всему, прячет ее для себя.

В другое время ему было бы безразлично, кого, где и зачем прячет Родхар Айслин. В конце концов, у мужчины могут быть тайные пристрастия. Но не в этот момент, когда на кону фактически судьба государства!

Король вот-вот женится на принцессе Грихвальда, а она показала себя достаточно умной и воспитанной, чтобы спокойно отнестись к тому, что у мужа всегда будет фаворитка. И вот это место фаворитки, которая при удобном случае может заменить королеву (мало ли, что может случиться, родами умрет или от несварения желудка скончается), должно было принадлежать его дочери Истелинде.

И все шло по плану, пока не появилась эта ущербная сиротка, которую вообще сюда пригнали для Малгита. С тех пор все и началось. А девчонка так хитра, что умудрилась вцепиться в короля как клещ. Но это ничего, два дня достаточный срок, чтобы ее найти и устранить досадное препятствие. Лорд Белмар был уверен, что девица Хантц города не покидала. А, возможно, и пределов королевского замка.

Через пару часов он получил первые сведения.

Странная возня замечена у входа в покои, в которых будет поселена будущая королева Хигсланда, и у часовни, в которой хранится Ледяной Клинок Айслинг. А особняк в пригороде, за которым велось наблюдение, пуст.

Его прошила внутренняя дрожь, настолько близкой оказалась разгадка. Однако главный ловчий не рискнул действовать сейчас. Слишком опасно, кругом полно дознавателей. Он решил дождаться ночи.

Мара ни о чем этом не имела понятия.

Она провела день за чтением. Только несколько раз прерывалась, чтобы перекусить. Когда наступил вечер, перебралась от окна вглубь комнаты, туда, где на металлических подставках горели толстенные даже не суточные, а наверное, недельные свечи. Взяла с собой очередную книгу и забралась с ногами в кресло.

И зачиталась. Опомнилась, когда уже наступила ночь. Хотела уже встать и перебраться на кровать, как в замке неожиданно повернулся ключ.

Дверь открылась, вошел Родхар Айслинг.

глава 49

Для короля весь день прошел в чудовищном напряжении. Необходимость поддерживать образ беспечного охотника и постоянно усиливавшаяся тревога. Еще несколько донесений пришло от главы дознавателей, и после каждого последующего он мрачнел все больше.

Родхар физически ощущал, как стягиваются щупальца тьмы вокруг того маленького источника света, что ему был так дорог. Это было мучительно. Постоянно подавлять желание все бросить тут к чертовой матери и мчаться назад. К ней.

Но охоту король, конечно, отработал. Его величество был азартен и напорист, как никогда. Не помня себя, с безрассудной смелостью бросался в бой со зверем и выходил победителем. На радость и восхищение своих подданных. На самом деле, Родхар просто торопился с этим покончить, но был предельно собран и контролировал себя стальной рукой.

Наконец свечерело. Король вместе с гостями и девицами участницами отбора покинул лагерь и въехал в небольшой охотничий замок неподалеку, чтобы разместиться там на ночлег. И тут прибыл еще один нарочный, привез донесение.

Короткое, всего несколько слов.

«Известная персона снова в деле»

Означало это, что Белмар вернулся в замок и начал действовать. Это поставило точку. Дольше он уже не мог сдерживать себя.

Котреж только что прибыл, не все даже успели спешиться. Толчая, двор охотничьего замка был не так уж велик. Родхар еще раз пробежал взглядом записку дознавателя, а потом спрятал за пазуху и стал разворачивать коня обратно к воротам.

— Ах, сир? Куда же вы? — раздался капризный голосок Истелинды.

Все это время дочь главного ловчего носилась на своей резвой игреневой кобылке так, словно за ней черти гнались. Старалась постоянно держаться рядом и завладеть его вниманием. До последнего момента он это терпел. Достаточно.

— Дело государственной важности, леди, — отрывисто бросил король. — Я вынужден немедленно уехать.

— Как? — глаза красавицы расширились, в них загорелись ревнивая подозрительность и беспокойство. — Сир, мы вернемся с вами.

Среди лордов раздался ропот, кто-то порывался последовать за ним. Однако Родхар жестко отрезал:

— Никто со мной не едет, все остаются на своих местах. Веселитесь, отдыхайте и пируйте, встретимся завтра.

Он уже собирался направить коня к воротам, как в спину донеслось:

— Но сир!

И тут король обернулся и обратился к смотрительнице отбора:

— Матрес Пасквел! Проследите, чтобы претендентки отбора ни в чем не нуждались и были устроены со всеми удобствами. И если это потребуется для их безопасности, можете запереть их в собственных покоях!

— Разумеется, ваше величество. Все будет исполнено! — по-военному четко ответила генеральская вдова.

— Что?!.. — возмущение было написано на лице Истелинды.

А принцесса Амелия оглядела ее с какой-то непередаваемой сочувственно — презрительной усмешкой. Первая спешила и направилась к крыльцу. За ней, кажется, потянулись остальные, но что происходило дальше, Родхара не интересовало. Он уже покинул замок.

Потом было около часа бешеной скачки. Встреча с Хойтом, быстрый доклад обстановки, несколько отданных на ходу приказаний.

И вот...

Он наконец стоял на пороге своей спальни и с замирающим сердцем смотрел на нее.

Девушка была растеряна. Сидела в кресле, скинув туфельки, книга на коленях. А в светлых глазах испуг и скрытый женский интерес, который она еще не успела спрятать. Совсем как в тот день, в саду, когда он застал ее в розовой беседке.

Точно так же Родхар не мог отвести взгляд от выглядывавшей из-под подола маленькой босой ноги, чуть приоткрытых розовых губ и разметавшихся серебристых волос. И так же, как тогда, чувствовал

непреодолимое влечение. Только тогда он еще не понимал, что это сильнее его, а сейчас осознавал полностью.

Он... словно на полном скаку налетел на непреодолимое препятствие.

Он сам загнал себя в эту ловушку, из которой нет выхода.

Но хуже всего было то, что он не хотел ничего иного.

«Ты нарвался, Родхар Айслинг», — сказал себе мужчина. — «Ты попал».

А девушка опомнилась, интерес во взгляде сменился настороженностью. Она поднялась из кресла, на ходу на шаривая ногой туфельку, и склонилась в поклоне.

— Добрый вечер, ваше величество.

Родхар молча кивнул и вошел в комнату.

* * *

Сначала Мара прийти не могла в себя, он застал ее врасплох. Смотрела на него, как баран на новые ворота. А он на нее. Как будто собирался поглотить взглядом.

Король вернулся?!

Черт... Она уже расслабилась, была не готова, думала, в ее распоряжении и эта ночь. И вообще, уже как-то обвыкла в этих покаях. От этих мыслей стало стыдно.

Мара встала, этикета еще никто не отменял. К тому же, это прекрасный способ сохранить дистанцию.

И тут она наконец поняла, что ее смущает.

Кровь. У него рукав был разорван.

— Сир, — проговорила она испуганно. — Вы ранены. Нужно позвать лекаря.

— Пустое, — отмахнулся он.

Прошел вглубь комнаты прямо к стоявшему у дальней стены шкафу с глухими дверцами. Открыл его, привычным жестом вытащил рубашку и только потом опомнился, оглянулся на нее. Секунду

смотрел, что-то решая про себя, потом тряхнул головой и прошел в сторону ванной.

Будет принимать ванну?

О...

Все, что сейчас здесь происходило, было неприлично, недопустимо! Мара даже зажмурилась, ощущая себя здесь лишней. Но ведь он король, и это ЕГО спальня, а она случайная гостья. Она отошла к стене и замерла, стараясь казаться незаметной и ни в коем случае, не прислушиваться.

Однако ванну он принимать не стал. Мужчина очень скоро вышел, переодетый в чистую белую рубашку. Влажные волосы были зачесаны назад и блестели, видимо, он просто смочил их водой. Взглянул на нее мельком и прошел к столу.

Состояние неловкости только усилилось, и напряжение такое повисло в воздухе, хоть ножом режь. Мара стала, мелко переступая, незаметно отходить вдоль стены, и тут он обернулся. Взглянул на нее исподлобья и проговорил:

— Извините, мадхен. Но сейчас я не могу покинуть эту комнату.

— Что вы, ваше величество, — смешалась она. — Это ваши покои.

Опять повисла пауза.

Наконец он сказал:

— Может быть, вы поужинаете со мной?

Отказываться было глупо. Мара кивнула.

— Да, конечно, — проговорила и пошла к столу.

А он повернулся к ней всем корпусом. И тут Мара увидела, как проступает у него на рукаве чистой белой рубашки свежая кровь. И невольно ахнула:

— Сир! У вас кровь. Нужно перевязать рану!

Секунду он смотрел на нее, потом неожиданно согласился.

— Хорошо. — Сел на стул и уставился на нее.

И что ей теперь было делать?! Но тут он сам пришел на помощь. Скомандовал:

— Откройте шкаф. Там найдете ветошь, нитки, иголку. Все. В ванной найдете остальное. Приходилось шить раны?

— Да, — быстро ответила Мара.

Она же все-таки дочь рыцаря и хозяйка замка, пусть и бывшая, матушка учила ее всему. Король кивнул. А она прошла к шкафу, достала оттуда все необходимое, поставила на стол и сразу ушла в ванную. И там замерла, хмуря брови.

Раны-то ей шить приходилось, смущало другое. Ему ведь придется снять рубашку, а это уже неприлично СОВСЕМ! Впрочем, чего уж переживать. С ее уничтоженной репутацией волноваться не о чем. Но был внутренний стержень — самоуважение. Предел, который она переходить не хотела.

В конце концов, она сказала себе, что не будет на него смотреть. Но ей и не пришлось. Потому что он просто разорвал рукав и ждал ее так.

А дальше...

Она промыла рану и стала шить, стараясь причинять ему как можно меньше боли. Но мужчина даже не шелохнулся, только смотрел на нее. И, черт побери, это было интимно. Слишком интимно... Ее затыгивало в это непрощенное, ненужное, недоступное, временное. Нельзя было этому поддаться.

Наконец она наложила на швы чистую повязку с заживляющей мазью и затыгнула.

— Все.

— Спасибо, — проговорил он.

Хрипло звучал голос, низко, ее неожиданно накрыло волной мурашек. Мара кивнула и постаралась отстраниться и отойти, но он перехватил ее за руку.

— Поужинайте со мной.

* * *

Станный это был ужин. Наверное, ей надо было отказаться, но не получалось. Мара кивнула и села напротив. Начала есть, а кусок не идет в горло, потому что эта чертова интимность обволакивала, затыгивала ее как в кокон.

Но, похоже, не только у нее был неважный аппетит. Потому что Родхар Айслинг не столько ел, сколько странно смотрел на нее. А ей

было жарко под его взглядом, трудно дышать. Казалось, это ее поглотит. И все же ужин закончился.

— Благодарю, — проговорил он, поднимаясь с места.

И тут Мара замерла, понимая, что сейчас что-то будет.

глава 50

Он хотел сказать, что ей придется еще некоторое время потерпеть его. И лучше, наверное, ей будет лечь спать, а он подежурит в кресле.

Потому что все это было затеяно не зря.

То, что сейчас делал король, называлось охотой на живца. Это когда ягненка оставляют в ловушке в лесу и ждут, когда явится крупный зверь, чтобы его задрать. Только сейчас ягненком была Мара, а ждал он того, кто явится по ее душу.

И если главный ловчий попадется, пощады не будет. Но теперь он вынужден бездействовать и ждать, пока кто-то тайно покушается на жизнь безумно дорогой для него женщины.

Когда Родхар думал об этом, в сердце вскипала ярость. Он готов был подгонять события, молился, чтобы Белмар не свернул с намеченной цели, и не затаился. Чтобы проявил себя сейчас. Но надо было ждать! Потому что спугни его, потом он затаится, станет осторожнее и отследить его будет труднее.

А из донесений дознавателя складывалась картина действий и план заговора.

Король на охоте. Его нет в замке.

У главных ворот будет провокация. Это оттянет стражу и людей Хойта. Часть стражи подкуплена, защита у девчонки останется минимальной. Поскольку никто не ждет удара, похищение пройдет гладко. А что будет дальше с Марой Хантц? Предполагалось, что король об этом никогда не узнает.

Поэтому Родхар вернулся тайно.

В собственный замок проник через один из подземных ходов. И сразу встретился с главой дознавателей. А тот за этот день поработал хорошо. Стражу полностью заменил под благовидным предлогом на преданных людей. И во всех уязвимых местах приказал установить ловушки.

Одну из этих ловушек король проверил лично. Успел увернуться только благодаря хорошей реакции и тому, что он был осведомлен заранее. Зубья решетки скользнули мимо, всего лишь оцарапав его, и разорвали рукав.

Пустяк.

Но этот пустяк неожиданно сблизил их. Стер между ними грань.

И все смешалось. Забылось, что где-то рядом опасность. Здесь и сейчас были только они вдвоем. Ее полуоткрытые губы и ожидание в глазах.

* * *

Наверное, ей все-таки лучше было отказаться и уйти сразу. А теперь Мара замерла, ноги словно приросли к полу, и не шевельнуться, и не отвести глаз.

Глаза... У него темные глаза, и в них хочется утонуть.

Где-то там далеко на краю сознания предостерегающе мелькнуло: «Опомнись! Это же Родхар Айслинг!»

Но сейчас ей было все равно, что он король. И что он почти женат. Он медленно протянул ей руку, ладонью вверх, и она эту руку приняла. А дальше воздух в легких просто исчез. И они как-то оказались рядом.

Слишком близко его грудь. И шумное дыхание, кажется вливается прямо в нее.

«Нельзя!» — кричал разум.

Но ведь он уже целовал ее.

Пусть это повторится. Пусть он поцелует ее еще раз.

Нельзя. Но ведь немного можно...

Стук в дверь ворвался внезапно.

У него судорожно дернулись руки обнять ее. На долгую секунду они оба замерли, возвращаясь в реальность. Наконец он выпустил ее и откликнулся:

— Да!

Из-за двери слышалось приглушенное:

— Сир, началось.

— Иду, — резко бросил король.

Потом повернулся к ней:

— Прошу прощения, леди, я вынужден вас оставить. Ложитесь спать.

Зацепил лежавший на кресле темно-зеленый дублет, на ходу надел его и вышел, оставив ее одну. Ключ снова провернулся в замке. А ей хотелось кричать ему вслед:

«Стой! Тебе же нельзя. Откроется рана...»

Но ведь он не услышит. Он Родхар Айслинг, Ледяной Клинок, и он не остановится перед опасностью. Она все еще смотрела на дверь, потом отвернулась. Так глупо. Жаль, что так все оборвалось, тревожно за него и хотелось плакать.

«Ложитесь спать» — сказал он ей.

Мара посмотрела в сторону кровати. И да, наверное, так и надо было поступить. Но она все равно бы не смогла сейчас заснуть. Долго рассматривала свои ладони и хмурилась, потом ушла в ванную. Увидела там брошенную им одежду. Этот испачканный кровью разорванный рукав.

И снова взвилась тревога. Ох, как это было трудно, сидеть взаперти сейчас! Она вдруг поняла, что ей надо успокоиться. Найти себе дело. Хоть какое-то, неважно.

У нее есть нитки и игла, а штопать она умела не только раны.

Подхватила дублет, быстро смыла кровь, потом уселась в кресле и стала аккуратно зашивать прореху. А когда закончила, просто сидела, держа дублет на коленях. Почему-то страшно было его выпустить.

* * *

Когда Родхара вызвали, перед воротами как раз началась стычка. Но к этому они были готовы, пока стража занималась беспорядками на площади у главных ворот замка, четверых из людей Хойта выставили тайно следить за часовней, в которой хранился Ледяной Клинок Айслинг. Они должны были отрезать пути отступления тому, кто полезет в ход. А сам Родхар с остальными засел в засаде в покоях королевы.

Король ждал, исходясь нервами от напряжения. А мысли метались.

Было что-то мистическое в том, как Мара безошибочно нашла потайной ход. И волк. Все это неспроста! А если ее охраняет тотем рода? Что тогда? Что это значит для него тогда?!

В тот момент он не успел додумать.

Потому что началось.

И да, попалась дичь в капкан!

Заговорщики нарвались на ловушку в ходе. Бросили раненого и попытались прорваться обратно, но в часовне их уже ждали. А место там на выходе узкое, не развернешься. Был короткий ожесточенный бой, шестерых наемников взяли.

Но Белмара с ними не было. И может быть, главный королевский ловчий вышел бы сухим из воды, если бы глава дознавателей не подстраховался. И не поставил своих людей еще и на подступах к часовне. Там его и взяли.

Теперь лорду Белмару предстояли крайне неприятная ночь в застенке и допрос. И сколько бы он ни кричал, что не виновен, трудно было объяснить, как случилось, что он, вместо того, чтобы находиться в имении, оказался причастен к заговору против короля.

Только Родхара это уже не интересовало. Главное было сделано, но ему еще надо было убедиться, что с девушкой все в порядке. Он быстро вернулся, отпер дверь, стараясь не шуметь. Думал, что она спит.

И вдруг увидел ее в кресле.

Она сидела, держа на коленях его дублет, и смотрела на него. В тот миг он и понял, что нет, не будет ничего, как задумывалось раньше. Все просто полетело к черту.

* * *

В нем все еще кипел азарт боя, ярость в крови мутила сознание, подтапливала. В таком состоянии трудно контролировать себя. Не надо было приходить к ней так сразу, надо было дать себе успокоиться. Но он уже был здесь, и никакая сила не повернула бы его обратно. Оставалось только держаться, держаться, сколько хватит сил.

Но она прошептала:

— Родхар...

И сил не стало.

Мужчина сам не помнил, как оказался рядом с ней на коленях и притянул к себе.

Неловко, неумело, жарко. Так ярко, что душа лопается и горит сердце.

Он прижимал ее к себе вместе с дублетом, которую она продолжала держать в руках и вместе с креслом. Как будто хотел срастить с собой, приковать. И это ощущалось так правильно, как будто они вернулись в тот момент, когда он нес ее из леса на руках.

Тот час, когда они были вместе, о котором она будет вспоминать в старости.

«Но ты же понимаешь, что этот мужчина не твой», — говорил разум. — «Он король и всегда будет принадлежать Хигсланду. И никогда тебе. Он женится, потому что должен».

«У него и невеста уже есть, и даже красавица любовница», — звучал в душе саркастический смех. — «А у тебя есть только то, что здесь и сейчас».

То, о чем она потом будет помнить вечно, когда останется одна.

Мара мягко отстранила его.

Попыталась. Не знала даже, получится ли. Получилось. Мужчина нехотя поднял голову и взглянул на нее.

И вот сейчас.

Она взяла его лицо в ладони, глубоко вдохнула и начала:

— Родхар Айслинг...

Мужчина напрягся, брови сошлись на переносице, в лице непонимание. Но Маре уже было все равно, она решилась.

— Я. Беру тебя в долг. У Хигсланда. У твоей невесты. Ты сегодня мой.

— Ты... — застыл он, с жадой вглядываясь в ее глаза. — Мара?! Это значит да?! Мара?!

Сказать это — все равно что в пропасть прыгнуть, не будет пути назад. Она едва слышно прошептала:

— Да...

На секунду еще они замерли без движения, потом он жарко выдохнул:

— Ты не пожалеешь об этом. Клянусь! Ты не пожалеешь!

Что говорить? Мара жалела уже сейчас о том времени бесконечного одиночества, которое будет ждать ее. Но это будет после. А сейчас его подрагивающие от нетерпения руки обнимали ее и стягивали одежду. Их дыхание смешивалось. Ей казалось, что если он остановится и перестанет касаться ее, она просто умрет.

Закрылись глаза, сплетались тела, мелькали тени на потолке, дрожали в пламени свечей.

Страсть — огонь,
Любовь — свет,
Плата за тело — тело,
Плата за сердце — сердце.
Если огня слишком много, он сожжет и тело, и сердце.
Останется ли свет?
Если света не было с самого начала, пусть крошечного,
Когда сгорит огонь, останется лишь холодный пепел.
Но если был свет...

Она ведь знала, что так будет. Знала с самого начала, как его увидела.

И да, она ни о чем не жалела сейчас.

* * *

Но если был свет...

Одного глотка ему было мало, он хотел пить из этого источника всю жизнь.

Его с ума сводил контраст его смуглого тела и ее белой кожи, эти серебристые волосы, рассыпавшиеся по подушке. Маленькая крепкая грудь с тугими сосочками, он мог накрыть обе одной ладонью. Гладкий и плоский живот, стройные ноги, а между ними нежная розовая раковинка плоти. Все. Он хотел это стройное тело снова и снова. Но и не только. Еще больше он хотел ЕЕ.

Еще когда в первый раз увидел, Родхар уже знал, что не будет другой, будет она.

Но только сегодня понял.

Девушка затихла в его объятиях, тоненькая, хрупкая, негибкая. До безумия сладкая. Его приз, его награда. Его ЖЕНА. Король поднялся на локте, глядя в ее лицо. Зарылся рукой в серебристые волосы. Она ахнула:

— Рука! Родхар, у тебя опять кровит рана!

— Пустяки, — усмехнулся он.

Потом встал, отпер бюро, открыл маленьким ключиком секретный ящик, достал оттуда перстень и подошел к ней. А она уже сидела на кровати, серьезная, настороженная, простыня натянута до самой шеи.

— Руку дай, — проговорил тихо.

Нахмурилась, в глазах непонимание. Но руку протянула.

— Мара-Элизабета Хантц, — Родхар опустился рядом с ней на кровать и надел ей кольцо на палец. — Я беру тебя в жены.

Она отдернула руку и замотала головой:

— Нет, мы не можем. Будут осложнения с Грихвальдом.

Король усмехнулся, перечит ему и спорит с ним даже сейчас. Навис над ней и сказал:

— Просто скажи «да».

А дальше уже его дело, как все это устроить.

* * *

Ужасно прошло для Истелинды все. Охотничий замок значительно уступал тому, к чему она привыкла, по комфорту. Комнатки тесные, служанки — одна на пятерых. Горячей воды не дождешься, ничего не дождешься! Естественно, все внимание прежде всего принцессе Грихвальда. А ей по остаточному принципу.

Боже, как ее бесила эта бессловесная рыба Амелия.

Думает, если на все улыбается и молчит, Родхар будет считаться с ней?! Нет! Истелинда знала этого мужчину, он будет считаться только с той, кто сможет удержать его интерес в жизни и в своей постели. А кроме нее это просто некому сделать!

Но с королем творилось что-то странное.

Она просто не узнавала его, в последнее время Родхар стал сам не свой. Что с королем случилось? Раньше его всегда веселили и приводили в восторг ее смелые выходки. А теперь?

«Будьте осмотрительнее, леди Белмар»

«Осторожность не повредит»

«...можете запереть их в собственных покоях!»

Эти отрывистые фразы он бросал специально для нее! Истелинда была в шоке.

Такая перемена. Так жестко! В чем причина? Красавица мучилась вопросом и просто не находила ответов. Ну не могла эта белесая мышь привлекать его настолько!

Здесь дело в другом.

Ее съедало беспокойство. Она ждала нарочного, но от отца, почему-то не было вестей. А ей надо было знать, что происходит. Запертой здесь, в глуши, она чувствовала себе волчицей в клетке. И старая змея, матрес Пасквел, как назло, не сводила с нее глаз.

Она пыталась отправить нарочного отцу. Но подкупить стражу не удалось.

«Приказ его величества»

«Никто не покидает замок»

Получалось, они здесь в заточении?!

А ей же надо отсюда во что бы то ни стало вырваться. Но как? Оставалось только просить кого-то из лордов. Никто не захотел ей помочь.

«Милая леди, зачем ехать, на ночь глядя? Дороги небезопасны».

Проклятые трусы!

Все эти напыщенные лорды, эти жалкие пьяницы, тут же уселись за столы и стали травить свои охотничьи байки, жрать жареную оленину и упиваться вином. Она была так зла, что даже не спустилась к ужину.

Зато к ней немедленно явилась матрес Пасквел. Оглядела ее с подозрением и спросила:

— Леди Белмар, почему вы не ужинаете со всеми?

— Я нездорова, у меня нет аппетита, — ответила Истелинда и отвернулась, не желая разговаривать с генеральской вдовой.

— Хммм, — хмыкнула та.

Постояла еще некоторое время и убралась. Ну наконец-то! Подумала Истелинда и вдруг услышала, как в замке поворачивается ключ.

Ее... заперли?!

— Нет! — кричала она и колотила кулаками в дверь. — Не смейте меня запирасть!

Но на ее крики никто не пришел.

В тот момент она генеральскую вдову ненавидела люто. Поклялась себе, что если... Нет, не если, а когда она станет королевой, Пасквелы ей за все ответят. И их дети и внуки. До тринадцатого колена!

Но можно было сколько угодно злиться, положение было невыносимым. Что бы она ни предприняла, все оказалось невозможным. В итоге Истелинда промучилась полночи, меряя шагами комнату. Потом кое-как заснула до утра.

А утром приехал король.

глава 51

Наконец-то! Это вопиющее недоразумение разъяснится!

Истелинда уже готова была броситься к королю. И нет, она не стала бы донимать его жалобами. Надо было показать себя неунывающей, сильной и веселой. Месть — потом. А пока ей нужно вновь завладеть его вниманием и выяснить, что происходит.

Для этого всего лишь нужно приблизиться к Родхару за столом и потом на охоте.

Но ей никто не дал такой возможности.

Приехав с утра, король предложил гостям заняться охотой или выбрать себе по вкусу другое развлечение. А сам пригласил принцессу Амелию на конную прогулку. Наедине.

* * *

Прошедшая ночь никак не шла у короля из головы. Но чувства и желания пришлось держать в узде. У него теперь появилась цель, и все остальное было подчинено этой цели.

Именно потому, не дожидаясь рассвета, этой же ночью под охраной верных людей из королевского замка тайно уехала Мара Хантц. Родхар сам вывел ее подземным ходом и усадил в закрытую повозку.

— Жди меня, — сказал он ей. — Я постараюсь управиться как можно быстрее.

Поцеловал на прощание и велел сопровождению не останавливаясь гнать до самого Хантца. Смотрел повозке вслед, а ему виделись ее тревожные глаза. И слышалось сказанное тихим голосом:

«Береги себя».

Он вынужден был отправить драгоценную женщину одну. Настроение у короля было ни к черту, но ему надо было срочно включаться в дела. Неделю срока положил он себе, чтобы все уладить. И вот он здесь. В охотничьем замке в предгорьях.

Родхар испытывал определенное уважение к принцессе Амелии и хотел сначала переговорить с ней. Потому и на прогулку ее пригласил, что хотел сделать это без свидетелей. А сейчас он ехал по утреннему лесу рядом девушкой, которая негласно считалась его невестой и думал, что все познается в сравнении.

Отбор. Охота. Развлечения. Дела государства...

Все то, чем он был занят ДО.

Как быстро у мужчины меняется жизнь, когда у него появляется цель. Прежнее существование казалось Родхару хаотичным брожением, теперь все упорядочилось и выстроилось в одном направлении. И сразу стало видно главное.

Примерно полчаса они двигались по тропинке, все время поднимаясь выше. Когда лес начал немного редеть, появились скалы, засыпанные листвой, и сосны, Родхар выбрал подходящее место остановился.

— Давайте немного передохнем, леди Амелия.

Девушка молчала почти всю дорогу, сейчас тоже была немногословна. Кивнула ему и проговорила:

— Как вам будет угодно, ваше величество.

Ни в голосе, ни во взгляде ее не было намека на угодничество. Спокойное достоинство. Принцесса была умна и не могла не понимать, что пригласил он ее сюда не просто так. Однако терпеливо ждала, давая ему возможность начать первым.

Но, черт бы его побрал, начать было нелегко.

Родхар помог ей спешиться, проводил к удобному выступу скалы и предложил сесть. И пока она устраивалась, шурша юбками, отошел в сторону и стоял спиной. Потом обернулся и спросил, подходя ближе:

— Леди, что я могу для вас сделать?

С минуту примерно она пристально смотрела на него, потом проговорила:

— Сир, насколько я понимаю... вы определились с выбором?

Он молча кивнул.

— И это не я?

Родхар вынужден был качнуть головой и сказать:

— Нет.

Еще некоторое время девушка смотрела на него.

Это был трудный момент, неприятный для любого мужчины. Сейчас она имела право бросить ему в лицо любое обвинение, и ему пришлось бы проглотить, стерпеть.

Вместо этого Амелия неожиданно произнесла:

— Сир, мужчину делают великим не богатство и не военная доблесть. Он становится великим, когда совершает невозможное.

Родхар невольно вздрогнул, а Амелия сказала уже другим тоном:

— Вы можете сделать для меня кое-что.

Ему пришлось выдохнуть.

— Что именно? Скажите, и я это сделаю.

Девушка болезненно поморщилась, потом начала, глядя в сторону:

— Сир... у меня способности к магии.

— Что?! — вырвалось у него.

— Да, — Амелия кивнула.

Потом вытянула руку ладонью вверх. На ладони заплесал язычок пламени, превратился в огненный шарик, который она покатала в пальцах, и исчез. И пока Родхар потрясенно смотрел, сказала:

— Это проявилось еще в детстве. Семья тщательно скрывала.

Еще бы! Подумалось Родхару, кому надобна на троне жена — ведьма?!

— А за два месяца перед тем, как отправить меня на отбор, мой отец пригласил магистра Яна Торуна из Неполисской Академии, чтобы запечатать мой дар. А Ян... Мы...

Она сбилась. Молчала какое-то время, потом глубоко вздохнула.

— Чтоб вы знали, сир, запечатать дар — это чудовищно. Это все равно что жить с постоянным ощущением...

— Я имею представление, — сказал Родхар.

У него тоже был своевольный тотем рода.

— Сир, я бы хотела учиться в Неполисской Академии и стать магиссой.

Магиссой? Неполис еретический город. Издревле славился как вольная и неприступная цитадель магов. Странное желание для принцессы, участь которой сводилась к тому, чтобы быть разменной монетой в политических играх отца, но Родхар мог понять ее, как никто.

— Я сделаю все, что будет в моих силах, — сказал он. — Обещаю вам, Амелия.

Она солнечно улыбнулась, впервые за все время их знакомства, и проговорила:

— Спасибо, ваше величество.

Прогулка продолжилась еще немного, но когда главное уже выяснено, оставалось только придумать, как выполнить обещанное.

Следующей на очереди у короля была дочь главного ловчего.

* * *

Все остальные в этом проклятом замке были заняты своими делами и развлечениями, одна Истелинда не могла найти себе места. Ожидание и неопределенность. Дурное предчувствие, которое возникло еще вчера, и никак не отпускало. И никакой возможности связаться с отцом.

Замок по-прежнему был закрыт. Приказ короля. Неофициальный. Но так было даже хуже, потому что за этим скрывалась какая-то тайна.

А прогулка, на которую король забрал ту бессловесную рыбу, принцессу Грихвальда, все тянулась и тянулась. Ей уже стало казаться, что они отсутствуют целый год. Однако наконец два всадника въехали во двор.

Истелинда увидела их из окна своей комнаты. Не трудно было догадаться, кто это, в одном она сразу узнала короля, в другом принцессу Амелию. Они беседовали как друзья, король что-то заинтересованно говорил, а эта бессловесная Грихвальская рыба просто сияла от счастья.

Зрелище Истелинде не понравилось.

Однако она тут же вострепнулась. Надо было срочно привести себя в порядок и выглядеть красивой и беззаботной, чтобы вернуть себе внимание и интерес короля. Мухи, как известно, не ловятся на укус. А мужчины в этом похожи на мух.

К тому же, Истелинде вдруг показалось, что Родхар делает это специально, чтобы позлить ее, возбудить ревность. Ну что ж, она

готова была ему подыграть.

А дальше...

Она уже знала, как будет действовать дальше.

Когда к ней явилась матрес Гермiona Пасквел, дочь главного ловчего была готова. Конечно, здесь все равно бы не получилось привести себя в порядок по-настоящему, но и сейчас она выглядела свежо и очаровательно.

Смотрительница отбора в комнату не вошла, замерла на пороге и проговорила:

— Леди Белмар, его величество ждет вас.

Даже так? У нее будет личная встреча? Это даже лучше того, на что Истелинда надеялась. Но от этого генеральская вдова не стала ей приятнее. Потому она и проговорила надменно:

— Благодарю.

Та смерила ее взглядом и процедила:

— Не за что. Следуйте за мной, леди Белмар.

«Ничего, попадешься ты мне, старая змея», — подумала Истелинда.

И с высокомерной улыбкой двинулась за генеральской вдовой следом.

Замок был не так велик, но они шли куда-то уже довольно долго. Честно говоря, Истелинда была удивлена. Она думала, что король будет ждать ее в малой гостиной при своих покоях или, в крайнем случае, в общем зале. Однако они двигались в другом направлении, и это настораживало. Какие-то служебные помещения, нижний уровень...

— Послушайте, матрес Пасквел, — спросила она недовольно. — Вы уверены, что мы правильно идем?

— Абсолютно уверена, — не оборачиваясь проговорила генеральская вдова.

А Истелинда разозлилась.

— Куда вы меня ведете?! И как вы смеее так со мной разговаривать, я дочь главного ловчего!

— Именно, леди Белмар, — сказала смотрительница отбора и остановилась перед какой-то дверью. — Успокойтесь, мы уже пришли,

Толкнула дверь и показала жестом:

— Входите.

Невольная дрожь пробежала по плечам Истелинды, она не хотела показывать свой страх, но прежде, чем войти, заглянула. Король действительно был там, стоял к дверям спиной. Но обстановка ей совершенно не понравилась, пустая комната, голые стены, грубая мебель...

Она улыбнулась и присела в поклоне:

— Добрый день, сир.

Родхар Айслинг резко повернулся, скользнул по ней странным взглядом и показал на один из табуретов, стоявших в центре комнаты:

— Садитесь, леди Белмар.

глава 52

Король смотрел на девушку и вспоминал свой разговор с главой дознавателей. А та, брезгливо подбирая пышные юбки, усаживалась на грубый табурет. Опасливо оглядывалась по сторонам и при этом продолжала улыбаться ему. Наигранность, лицемерие, хитрость и страх и попытка воздействовать. Родхар и раньше подмечал в ней эту двойственность.

Но ведь это же Истелинда Белмар. Дерзкая и несносная. Она всегда была такой искрометной и яркой, что это заставляло закрывать глаза на ее очевидные недостатки. А сейчас все неприглядное открылось разом.

Ее причастность к заговору отца подтверждена. Служанка и оружейник на допросе показали, что действовали по ее указке. Он сам видел, как она получила записку от отца, доставленную нарочным. Но, прежде чем судить и выносить приговор, королю надо было знать, что в этом исходит от нее самой, а что от воспитания и обстоятельств.

Что касается самого Белмара, тот тут все было путано, грязно и отталкивающе. Глава дознавателей Хойт только начал работать с ним, и уже всплыли факты, достаточные, чтобы заточить главного королевского ловчего в самый дальний тюремный замок. Конечно, еще предстояло копать и разбираться в мотивах и противоречивых и запутанных действиях. Но кроме его интриг и попытки физически устранить Мару Хантц, еще имел место сговор с Холдаром Грихвальским. Гонца, отправленного Белмаром к Холдару, взяли на обратном пути, когда тот вез ответ.

Государственная измена.

Черт побери! Все это за спиной у короля!

Сейчас Родхар видел перед собой дочь главного ловчего, и ему надо было понять, насколько глубока ее вина. Но как бы ни повернулось дело, Родхар твердо решил не упоминать имени Мары Хантц. И потому начал с другой стороны.

— Леди Белмар, вы приказали вывести из строя мое оружие, — проговорил он. — Скажите, вы сделали это по своей инициативе или по приказу отца?

Боже, как вся эта обстановка не нравилась Истелинде, а холодное молчание короля настораживало. Совсем не этого она ждала. Но ведь король мужчина, значит, всегда есть шанс. К тому же, она знала, что Родхар Айслинг ее желал, значит, если дать ему желаемое... Она уже готова была действовать решительнее.

И тут этот вопрос.

И официальный тон. Ей показалось, что на нее выливается ушат ледяной воды. Отвлечь, мелькнуло у нее в голове. Девушка очаровательно улыбнулась и проговорила:

— Ах сир, я право не понимаю. О чем вы?

И для верности похлопала ресницами, этот беспроегранный прием всегда помогал. Король некоторое время смотрел на нее нечитаемым взглядом. Наконец сказал:

— Нет смысла отпираться, леди, ваша служанка и оружейник на допросе показали на вас.

От гнева Истелинду бросило в жар. Жалкие людишки!

— Ложь, — жестко отрезала она. — Мой отец может подтвердить...

— Ваш отец задержан за участие в заговоре против короля.

— Что?... — пролепетала Истелинда.

До нее стало доходить, насколько положение серьезно и одновременно глупо. Все сразу сложилось в единую цепочку, стало ясно, почему нет вестей отца, а все «странности» в поведении короля получили объяснение.

Нет! Хотелось ей кричать. Не может все рухнуть из-за глупой случайности!

Она попыталась улыбнуться и начала, осторожно выбирая выражения:

— Сир... Но ведь это была просто шутка...

— Шутка, леди? — холодно спросил король. — Я мог погибнуть. Знаете, как подобные действия квалифицируются?

— Нет, нет, что вы, ваше величество, я никогда...

— Просто скажите, леди, вы сделали это по приказу отца, или по собственной инициативе?

Вот сейчас ей стало страшно по-настоящему. Ведь что бы она ни сказала, любой ответ ее погубит. Истелинда сделала то единственное, что может сделать женщина в подобных обстоятельствах. Она заплакала, громко всхлипывая и картинно размазывая слезы по щекам. Король некоторое время смотрел на нее, потом вынул из кармана носовой платок.

— Вот, возьмите, — протянул ей и отвернулся.

— Благодарю, сир, — пробормотала она, выдохнув с надеждой.

Потому что король, кажется смягчился. Все-таки женские слезы действуют на мужчин безотказно. Но тут он заговорил:

— Леди Белмар, я снимаю вас отбора.

— Что?! — Истелинда поверить не могла, ей показалось, что она ослышалась.

А король повернулся лицом и холодно отчеканил:

— Вы получите положенное вам вознаграждение, а после...

— Нет! — крикнула она, бросаясь ему в ноги. — Умоляю! Сир! Я сделаю, что угодно!

Замерла, глядя ему в глаза и прошептала:

— Сир... Я буду вашей, прямо здесь и сейчас. Я люблю вас, Родхар...

* * *

Красавица цеплялась за него и заглядывала в глаза, а Родхар не чувствовал ничего, кроме разочарования. Лживая, красивая, как ядовитый цветок, и такая же опасная.

Смотрел на нее и вспоминал свой разговор с Хойтом прошедшей ночью. Когда он в последний раз поцеловал Мару и велел ей быстро одеваться, а сам вышел искать главу королевских дознавателей.

Ему снова нужны были помощь и совет, а также людские ресурсы. Хойт выслушал его план, коротко кивнул и предложил еще кое-что, отчего план Родхара приобрел законченный вид. А требовалось немедленно изыскать все необходимое, чтобы тайно отправить Мару в Хантц. Где она будет находиться в безопасности под охраной, до тех пор, пока он здесь все уладит.

Это было сделано быстро.

Теперь королю предстояло заняться делами. А их было полно! Заговор, отбор, возможные трения с Гривальдом. Слушал доклад, и все это вставало стеной. Но если у мужчины есть цель, не бывает непреодолимых препятствий. Вместе с тем, Родхар отдавал себе отчет, что без Хойта, без его аналитического ума и железной хватки, он бы один вряд ли справился так быстро.

Они как раз говорили о заговорщиках. Но с тем, как поступить с ними и с главным ловчим, вопросов не возникало. Короля волновало другое — как поступить с Истелиндой? Решение напрашивалось само собой — выдать девицу замуж и отправить в провинцию. Только кто же сможет совладать с такой особой?

Первоначально Родхар подумывал выдать ее за старого извращенца Малгита. Но его останавливало его то, что барон Малгит вполне может отправиться к праотцам. Или ему помогут это сделать. Тогда красавица Истелинда останется богатой и свободной вдовой. И будет плести свои интриги дальше.

Нужен был серьезный и сильный мужчина, который сможет держать ее в руках.

— Не представляю себе, что делать с дочкой Белмара, — сказал он, озвучивая вслух свои тайные мысли.

— Сир, — проговорил Хойт. — Отдайте ее мне.

— Тебе? Ты уверен?

— Вполне, — ответил тот с саркастической усмешкой.

Глава дознавателей был сухого и крепкого телосложения. Суровое лицо с жесткой складкой губ, следы от оспы. Стальной взгляд, который могли выдержать очень немногие.

Родхар, пристально оглядел мужчину, и сказал:

— Хорошо, она твоя.

* * *

Король молча смотрел на нее, и это был хороший знак. Кажется, ей удалось его разжалобить! Истелинда приободрилась и начала с придыханием:

— Ах, сир...

И тут он сказал:

— Вы не дослушали, леди. Научитесь не перебивать.

Такой резкой отповеди она не ожидала. Истелинда замерла, глядя на него, а Родхар Айслинг отстранился и проговорил:

— Я снимаю вас отбора. Вы получите положенное вам вознаграждение в качестве приданого. Выйдете замуж за лорда Хойта и уедете жить в его родовой замок.

Что?!

Стоило ей представить этого сухого, жесткого типа с посеченным оспой лицом, она взвилась тигрицей:

— Нет! Никогда! Я НЕ ВЫЙДУ за этого урода замуж!

* * *

Если Родхар и сомневался, думая, что наказание будет слишком жестоким, сейчас у него все сомнения отпали.

— Леди Белмар, вы непосредственно участвовали в заговоре против короля, а ваш отец уличен в государственной измене. На все имущество вашей семьи будет наложен арест. Поэтому благодарите Бога, что нашелся тот, кто согласился взять вас в жены. Иначе вы вместе с отцом отправились бы в заточение, — сказал он.

И вышел.

Что кричала ему вслед девица, его не интересовало. В конце концов, он выдал ее замуж за достойного мужчину. Будет умной, найдет в этом браке свое счастье.

Теперь, когда вопрос с дочерью главного ловчего был решен, следовало заняться остальными.

глава 53

Охотничий замок притих. Настороженность ощущалась везде, гости затаились. И дело было даже не в том, что король не поехал охотиться, а отправился в кабинет и занялся делами.

Внезапное изменения настроения его величества было замечено всеми. И гости терялись в догадках, чем оно вызвано. А ближе к полудню во двор въехала закрытая повозка.

Дальше еще интереснее.

Во двор охотничьего замка спустилась бледная и подавленная Истелинда Белмар. Красавицу невозможно было узнать, как будто кто-то стер все краски на ее лице и выключил в глазах свет. Леди Белмар села в повозку, дверца закрылась за ней, и повозка выехала со двора, сопровождаемая стражей.

Все это без объяснений.

Тут замолчали даже самые добросердечные конкурентки по отбору, утверждавшие, что вся красота дочери главного ловчего заключается в умело наложенной косметике. Слишком уж гнетущим было впечатление. Когда же попытались расспросить смотрительницу отбора о причинах столь скорого и странного отъезда дочери главного ловчего, матрес Гермiona Пасквел отвечала одинаково:

— Леди Белмар выходит замуж и отправляется к мужу в имение.

Те, кто знал Истелинду, скорее поверили бы, что небо рухнет на землю, чем в то, что она сделала это добровольно.

Это мгновенно вызвали тихий ропот и сплетни. Ведь если фаворитка отбора так внезапно выбыла, то для этого должны быть веские причины? С отбора уже выбыли ранее три претендентки, но этот случай был особый. И как тут не задуматься о своем собственном положении?

Потом до самого обеда гости были предоставлены сами себе, а сразу после обеда был объявлен выезд. Король занимался делами и на обеде опять-таки не присутствовал. Появился его величество только в момент выезда, перекинулся парой фраз с лордами и усакал первым.

А охотничий кортеж, растянувшись ручейком по лесной дороге, отправился из предгорий обратно в столицу. Ситуация стала

неопределенной. Зато было подмечено, что принцесса Амелия выглядела довольной, и глаза у нее против обыкновения сияли.

Это можно было списать на то, что король определился с выбором невесты и не стал ждать официального завершения отбора, а сделал ей предложение во время утренней прогулки. Но почему тогда его величество не сделал официального заявления? Не объявил принцессу Грихвальда невестой и не назначил день свадьбы?

Хотя, конечно, спешить с выводами было рано. Возможно, официальное объявление будет сделано по прибытии в королевский замок? Смотрительница отбора матрес Пасквел, у которой пытались выведать хоть что-то, никакой информации не давала.

В любом случае, было ясно, что отбор, вероятнее всего, подходит к концу. Кто-то испытывал досаду из-за нереализованных амбиций, другие сожалели о веселых и интересных состязаниях, которые устраивала генеральская вдова.

Теперь участницы отбора и неженатые лорды стали понемногу присматриваться друг к другу.

* * *

А у короля были дела.

После неприятного объяснения с Истелиндой Белмар он заперся в кабинете до самого обеда. Требовалось разобраться с внутренними проблемами. Составить послание для Холдара, короля Грихвальда таким образом, чтобы тот не смог предъявить ему ни одной претензии. А так же разыскать магистра Яна Торины из Неполисской Академии, которого Холдар вызывал запечатывать дар Амелии.

У него родился некий план, как выполнить обещанное и помочь принцессе Грихвальда отправиться учиться в Неполис. Но все это было сопряжено с определенными трудностями. Родхар уже сейчас представлял себе, как будет рвать и метать Холдар, лишившись расходного материала в виде дочери.

Означало это только одно — нужны убедительные аргументы. И тут действовать предстояло тонко и ничего не упустить. А главное, дело было такой секретности и важности, что доверить это Родхар его

мог только узкому кругу лиц. Ему нужно было срочно возвращаться в столицу.

К обеду король завершил дела здесь, назначил выезд и не дожидаясь гостей ускакал первым. Но прежде отправил нарочного с секретным поручением в Хантц.

* * *

Весь день Мара провела в дороге.

Этот внезапный отъезд. Все завертелось так мгновенно, так неожиданно и странно. События, люди, интриги и заговоры. Она была далека от всего этого, как оно могло с ней происходить? Поверить было невозможно. А в голове пустота и звон.

Когда только выехали, Мара почти ничего не замечала вокруг себя, а перед глазами виделось только лицо Родхара.

«Жди меня. Я постараюсь управиться как можно быстрее».

Жди меня.

Жди.

Господи, как изменилась ее жизнь... Сейчас Родхар Айслинг занимал ее всю.

Мару вывезли из Лендрио затемно, а до того она не спала ночь. Было... столько всего. Но сейчас она помнила только объятия и кровь у него на рукаве. Как он, интересно?

«Жди меня».

Хотелось повернуть обратно. Закрыть его собой. Наверное, она непроходимая дура.

* * *

За окном понемногу рассвело, наступило утро. Гнали быстро, и к тому времени, когда солнце поднялось над горизонтом, они уже въехали в Даршантц. Мара сбилась со счета, сколько раз она его проезжала за последнее время. Кажется три, нет, четыре. Говорят, обратная дорога всегда кажется короче? Ей так не казалось, но ехали они действительно быстро, быстрее, чем в предыдущие разы.

Городок Даршантц остался позади. Теперь они гнали по главному тракту, и в окно Мара могла видеть сопровождавших ее повозку всадников. Их было шестеро. Серьезные молчаливые мужчины в темной одежде. Она уже знала, что такую одежду носят королевские дознаватели. Не стража.

И это наводило на некоторые мысли. Если бы не перстень, который ей надел на палец Родхар, и если бы не его слова, Мара скорее подумала бы, что при таком сопровождении ее заточат где-то в глуши. А вообще, она ни о чем не могла думать, все было перемешано в душе.

Какое-то время она держалась на возбуждении, потом усталость взяла свое. Повозка неслась по тракту, ее трясло и подбрасывало, но не сильно. В конце концов, Мара приноровилась и заснула.

Просыпалась тяжело, в голове туман. От неудобной позы затекло все, большого труда стоило выпрямиться. Она даже не сразу поняла, что не так. Только потом до нее дошло. Повозка стояла, они никуда не двигались, а снаружи слышались возня и какой-то шум. Стало тревожно.

Мара выглянула в окно, а потом приоткрыла дверцу.

— Что происходит?

Вышло хрипло и совсем тихо. Однако ее услышали. Один из сопровождавших ее мужчин отделился от остальных и немедленно подошел к двери.

— Леди Хантц, вам что-нибудь нужно? — спросил почтительно.

Леди? Вообще-то Мара была дочерью обычного рыцаря, а леди — это титул. Но она сейчас не стала заострять внимание на этом.

— Мы стоим? — спросила, понимая, насколько это глупо, констатировать очевидное.

— Так точно, леди, — мужчина поклонился. — Сейчас перепрягают лошадей, через несколько минут все будет готово и мы тронемся в путь.

— А... — пробормотала Мара, прикрывая рол ладонью.

Ее смущала эта подчеркнутая вежливость. А мужчина проводил ее жест взглядом и проговорил:

— Если хотите, можете выйти размять ноги, но... — он замялся и оглянулся назад.

— Нет, спасибо, — сказала Мара.

Видимое облегчение обозначилось на его лице, мужчина отошел, и скоро они действительно тронулись. Оглядевшись вокруг, Мара узнала место. Получалось, что они уже свернули с тракта, но теперь дорога будет только хуже.

Дорога действительно была ужасна. Они тряслись и тряслись, и только когда свечерело, добрались до Хантца. А там уже вскоре показались стены ее родительского замка. И чем ближе подъезжали, тем сильнее у нее билось сердце.

Вот наконец перед ней были ворота. Родной дом.

Мара глубоко вдохнула и на секунду зажмурилась.

* * *

Страшно было взглянуть правде в глаза. Что встретит ее дома? Разруха, разорение?

Один из сопровождавших ее всадников подъехал к воротам, чтобы постучать в них рукоятью меча. А Мара решилась-таки открыть глаза и взглянула на крепкие стены своего замка. Стоят. По ним не скажешь, что творится внутри.

Стук раздался еще раз.

Ей было трудно дышать. Почему не открывают? Хиберт... Старый верный слуга, с ним ничего не случилось?! Она уже готова была вылезти и сама бежать к воротам, и слышались шаркающие шаги и недовольный голос:

— Кого еще принесло?!

Голос звучал бодро. Значит, живой и здоровый!

— Хиберт! Это я! — крикнула Мара, чувствуя, как сердце выскакивает.

— Мадхен Мара! Это вы?! Сейчас...

И тут же обрушился на кого-то:

— Не стой столбом! Открывай сейчас же!

Ворота открылись, повозка вместе с сопровождением въехала во двор и остановилась. И Мара наконец увидели причину, почему не открывали так долго.

Во дворе стояли возы с добром. И около возов два стражника.

Сначала она опешила, а потом поняла, что это. Вещи, которые вывез ее мерзавец опекун. А из открытых дверей на крыльцо вышла полная женщина с лицом, перекошенным от злости.

Уже темнело, но во дворе грели факелы, и хорошо было видно, кто это. Жена дяди Меркеля, ее Мара сразу узнала, а та, в свою очередь, узнала ее. Дядина жена, видимо, направлялась к возам, но теперь свернула в ее сторону и выкрикнула:

— А, вернулась!

Хиберт сразу шикнул на нее, а один мужчина из сопровождения Мары перегородил дорогу. Но та продолжала кричать:

— Смотри! Смотри, что ты сделала?! Довольна?

— Что я сделала? — спросила Мара. — Объяснитесь.

— Это из-за тебя моего мужа заточили в тюрьму!

Это было что-то новое, но, если честно, Маре вовсе не было жаль обворовавшего ее мерзавца. А тетка продолжала, все больше распаляясь:

— Он для тебя так старался! Все для тебя! А ты, тварь неблагодарная! Жениха нашел, обул, одел! Платья тебе покупал!

Жениха? Мара хотела сказать, что Меркель продал ее Малгиту, как товар. Но здесь было слишком много посторонних, им этого точно не нужно было знать.

— Дядя ограбил меня и пытался за моей спиной продать замок, — сказала она.

— Да! Потому что ему нужно было возместить потраченное на тебя! Твой нищий замок все равно бы отошел твоему жениху в приданное!

Мара старалась удержать самообладание, но от этого всего ее начинало трясти мелкой дрожью, а от возмущения сдавливало горло и уши закладывало. Наверное, потому она и пропустила момент, когда к замку подъехал отряд из пяти стражников, заметила их, только когда они въехали во двор. И Хиберт пошел им навстречу, показывая рукой и ворча:

— Что ж вы долго так? Совсем стемнело!

Что ответил старший, Мара не услышала, потому что именно в тот момент дядина жена набрала в грудь побольше воздуха и еще громче заорала:

— Но ты же не захотела честно выйти замуж! Ты предпочла стать потаскухой, которую вышвырнули с отбора аж два раза! Позор! Честным людям противно находиться с тобой рядом!

— Матрес, что вы себе позволяете? Замолчите сейчас же! — разкодернул тетку один из сопровождающих.

Та явно не ожидала, сбилась, захлопала глазами. Внезапно воцарилась тишина, и в этой тишине он обратился к Маре:

— Леди Хантц, что прикажете?

На нее смотрели, пришлось ответить.

— Проводите гостью за ворота, — сказала Мара так спокойно, как смогла.

Тут до тетки наконец дошло и она заголосила:

— Нет! Ты что, выгоняешь меня на ночь глядя? Как я доберусь? Вozy отправятся домой только завтра!

— Мне все равно. Хотите идите пешком, хотите ночуйте под стеной замка, — сказала Мара.

Развернулась и ушла в дом.

У нее все еще звенело в ушах и сжималось сердце.

Потаскуха. По сути, тетка была права.

глава 54

Неприятная истина, озвученная теткой, как плевок.

Все просто. Кем бы сама Мара себя ни считала, весь Хигсланд будет думать о ней именно так. А Родхар Айслинг поистине безумец, если решится взять ее в жены. Как он вообще собирается это сделать? Как заставит всех этих людей замолчать?

В какой-то момент ей вдруг стало казаться, что все, случившееся с ней, сон, из которого она вынырнула только сейчас. Зато она дома.

Первое, что бросилось в глаза — громоздившиеся везде вещи. Беспорядок. Впрочем, это не имело значения. Мара уже прошла в холл, но ее нагнал тот мужчина из сопровождения, дознаватель.

— Леди Хантц, — мужчина поклонился.

За его спиной маячил Хиберт. Старый слуга был серьезен и смотрел настороженно. Она ведь все еще хозяйка в этом замке? Наверное, иначе обращались бы не к ней.

— Слушаю вас, господин... — Мара замялась. — Простите, не знаю вашего имени.

— Лорд Гальде, к вашим услугам, — представился тот.

Вот как, даже лорд.

Мара сложила руки перед собой и кивнула. А мужчина проследил ее жест, задержался взглядом на кольце и проговорил, переходя на деловой тон:

— Леди, мне было поручено сопровождать вас до места и вернуться. Однако я считаю, что есть необходимость задержаться. Двое из моих людей отправятся с донесением, остальные будут обеспечивать вашу безопасность.

Хотелось спросить, зачем он ей это говорит, если все равно решает сам? Вперед выдвинулся Хиберт. Но тут мужчина, видя ее замешательство, сказал:

— Леди, я и мои люди можем стать лагерем за воротами замка.

Ах да, ее репутация. Но только негоже было выставить за дверь людей, которые будут охранять ее.

— В этом нет нужды, лорд, — сказала Мара. — В замке найдется место для всех.

И обернулась к своему старому слуге, который по прежнему настороженно ждал:

— Хиберт, размести наших гостей и позаботься об ужине.

Тот сразу приободрился, закивал и выдал деловито:

— Все будет сделано, ма... леди Мара. Ступайте, отдохните, ужин я принесу сам.

И тут же повернулся к дознавателю, тесня его в сторону выхода:

— А вас, милорд, прошу следовать за мной. Уж не гневайтесь, гостей не ждали, будем потчевать, чем богаты...

Дальше Мара уже не слушала.

Она взяла свечу и направилась к себе, только сейчас осознавая полностью, насколько устала. Весь день тряслась в повозке, ее до сих пор немного штормило, особенно это было заметно, когда поднималась по лестнице. Но вот, наконец, она добралась до своей светелки. Открыла дверь и замерла на пороге.

Наверное, это все стараниями Хиберта. Но так неожиданно. Мара видела, что вернулись на свои места привычные ее сердцу вещи. Она узнавала их, трогала. Тут, конечно, не все, но даже так комната уже смотрелось по-другому. В конце концов, она уселась на кровать и закрыла лицо ладонями.

Ее жизнь снова сделала кульбит.

Как будто тайная рука вмешалась и опять перекроила все. И понятно, что легко ей теперь не будет. Придется доказывать всем и каждому свою правоту, потому что кинуть в нее грязью захотят многие. Маре было безразлично мнение окружающих о ней, что уж теперь переживать, когда ничего не осталось от репутации, и у нее, незамужней девицы, одни мужчины в замке. Плохо то, что она несовершеннолетняя и не может пока в полной мере распоряжаться собой.

А в голову лезло разное. Все смешивалось в кашу, не разобрать. То, что ей совсем недавно кричала в лицо тетка, и жаркие объятия. Королевская спальня, книги с его пометками на полях, его дублет, небрежно сброшенный на кресло. Свечи...

«Я беру тебя в жены».

Кольцо.

Просто сон, в который так хотелось бы верить.

В дверь неожиданно постучали, она встрепенулась и вздрогнула.

Повернулась к двери, а стук повторился. Почему-то тревожно стало.

— Мадхен Мара! Я вам ужин принес, — раздался из-за двери приглушенный голос старого слуги.

Даже стыдно стало, что она себе такого надумывает. Мара тут же встала и отперла. Вошел Хиберт с подносом и порога начал:

— Вы уж простите старика, обещал написать вам, да не успел, — бормотал он неся поднос на стол. — Но тут такое, творится, мадхен, нос достанешь, хвост воткнешь!

Поставил еду на стол и позвал ее:

— Мадхен, поешьте. А я расскажу пока.

Присел рядом на табурет и потер колени. И тут же подскочил:

— Простите старика, вы теперь леди.

— Хиберт, — посмотрела на него Мара. — Никакая я не леди. Это просто... Не обращай внимания, я по-прежнему мадхен Хантц, та самая.

— Хмम्म, — старый слуга повел бровями. — Та, да не та, мадхен! Я видел, как этот лорд вам кланялся. И кхम्म... — он показал взглядом на перстень и многозначительно покашлял: — Кх-кхम्म! Да. Поешьте, мадхен. Эх, знал бы, что вы приедете, чего повкуснее для вас бы достал.

Мара немного смутилась и отвела взгляд. Но не объяснять же сейчас, тем более, все по воде вилами писано. Уставилась на стол.

А там на подносе был нарезанный хлеб немного мяса, сухой сыр, яблоко и в кружке горячий травяной взвар. Есть Маре вроде и хотелось, но усталость притупила все чувства. Однако она все же поела, хотя бы просто из уважения к тому, что Хиберт старался. Поела, и впрямь стало лучше.

— Разместились гости? — спросила, отпивая взвар из кружки.

— Так точно, мадхен, — кивнул слуга.

— Хорошо, — пробормотала она, потом взглянула на него и улыбнулась. — Ты как здесь?

— Хорошо мы, мадхен. Его вели... кхम्म. Сразу, как вы уехали, значит, тут разместились стража. А на третий день денег привезли из казны. И работников, — он облизал губы и прищурился,

перечисляя. — Крышу чинить начали, еще штукатурить, белить, лестницы подновить надо было в башнях. И это... Но на ночь я работников в замке не оставлял, отправлял на хутор к арендаторам. Люд бесхитростный, еще подтибрят чего по простоте душевной. А оно последнее, беречь надо.

— Хиберт, — улыбнулась она, покачала головой и потерла переносицу. — Спасибо тебе.

Старик расцвел улыбкой в ответ, потом вдруг сказал серьезно:

— Пустое, мадхен. Меня король оставил следить за сохранностью замка. «Головой отвечаешь» сказал.

— Что? — прошептала Мара.

Это было так странно слышать. Она-то думала... А он, оказывается, еще когда забирал ее, уже тогда обо всем позаботился. Сразу защемило сердце. Родхар, Родхар, во всем такой...

— А позачера, мадхен, начали из имения вашего дядюшки награбленное обратно привозить. Три дня возили. А сегодня супруга вашего дядюшки явилась ругаться, что мол, прихватили лишнего, отдайте. А я сказал — нет. Я же хорошо помню, что Меркель из дома вашего батюшки вынес. Ну, она и взбеленилась.

Хиберт взглянул на нее и осекся. Потом сказал:

— Мадхен Мара, вы на эту гадюку, прости меня Господь, не обращайтесь внимания. Мало ли что она своим языком наплетет.

— Да, — сказала Мара, силясь улыбнуться.

Но оба понимали, что расслабляться рано. Дядина жена еще понесет по всей округе, как ее бедную обидели, и неизвестно еще, что от себя добавит. А лорд Гальде может, и защитит ее замок от нападения, но ему не под силу защитить ее от злословия и прочих мелких неприятностей.

Повисла пауза. Хиберт посидел еще чуть-чуть и засобирался.

— Пойду я, мадхен, гляну, что там, а вы ложитесь спать. И дверь закройте. Я-то буду следить, но все равно, на всякий случай.

И старый слуга ушел.

Этой ночью Маре опять снился черный волк. Он сидел у ее кровати, высунув язык, как большая собака.

* * *

А наутро как раз первые неприятности и начались.

глава 55

Это случилось после завтрака.

Мара проснулась рано, наскоро перехватила хлеба с куском холодного мяса и сразу занялась разгрузкой завалов в холле. Двоих стражников ей выделили в помощь, перетаскивать вещи и расставлять по местам. Для остальных тоже дело нашлось. Надо было закончить разгрузку оставшихся возов, а кого-то отправить за продовольствием.

За это время подошли работники, ночевавшие на хуторе арендаторов. Подвезли пиломатериалы, ворота были открыты, работники устанавливали леса. А голос Хиберта, руководившего всеми, казалось, слышался отовсюду.

Замок сейчас был похож на жужжащий улей. Сама Мара тоже принялась за работу. И это было лучше всего, занять руки, чтобы голова не думала. К ней несколько раз подходил лорд Гальде, неодобрительно хмурился, а один раз негромко, так, чтобы слышала только она, сказал:

— Леди, вам не нужно этим заниматься. Достаточно приказать.

Возможно, он был прав. Мара вскинула на него взгляд и проговорила:

— Мне это не трудно.

— И вам нужны служанки, — безапелляционно выдал мужчина и шагнул чуть ближе.

Именно в этот момент со стороны открытых ворота замка донеслось:

— Вот! Только посмотрите!

Дядина жена.

За всеми этими делами Мара забыла о ней. Где она ночевала неизвестно, вероятно, на хуторе у арендаторов. Но сейчас тетка торчала в воротах с видом оскорбленной добродетели, и рядом с ней стоял Карл Пфаль, один ее многочисленных кузенов. Мара подумала, что скорее всего, они договорились заранее, потому что оповестить его тетка не могла. Кузен смотрел на нее, оттопырив губу, кривился презрением.

— Да, — процедил. — Выходит, правду говорят.

И погано заржал. Началось!

«Нет», — сказала себе Мара, а вслух спросила:

— Что-то забыли, тетя?

— Как ты смеешь?! — завизжала тетка. — Здесь остались мои вещи!

— Ничего вашего здесь нет.

— Вещи были взяты из моего дома! — продолжала визжать та, постоянно оглядываясь на кузена и тычками побуждая его к действию.

— Понимаю, тетя, чужое брать всегда легко, а возвращать потом трудно, — сказала Мара.

И обернувшись к Хиберту, жестом показывая, чтобы разгруженные возы выгнали за ворота. Дядина жена сначала замерла с выпученными глазами, потом ахнула:

— А... Карл! Ты слышишь?!

Но лорд сурово нахмурился и двинулся в их сторону. И туда же стали подтягиваться стражи. У Карла Пфаля достало ума понять, что связываться с королевской стражей не стоит. Сразу попятился и потянул за собой тетку.

— Пойдем, Алисия, зайдем в другой раз, — со значением проговорил, понизив голос.

Ну да, конечно. Дождаться, когда она будет одна.

— Можете не утруждаться, — бросила Мара вслед и приказала: — Закройте ворота.

Тетка с кузеном убрались с глаз, за ними закрылись ворота. А Мара развернулась и пошла к дому. Понятно, что это только первые ласточки. Будут еще и еще. На полпути ее нагнал дознаватель и сказал, глядя в сторону ворот:

— Леди Хантц. Я вынужден буду сообщить королю.

— Не надо, — мотнула она головой. — Я справлюсь. У его величества и без этого хватает хлопот.

Некоторое время еще висело молчание, пока Хиберт не прикрикнул:

— Чего встали? Продолжаем работу!

Надо было вернуться к работе, но Мара ушла в сад. Ненадолго, просто небольшая передышка. Слишком много людей вокруг.

Побыть одной, отрешиться.

Сад за время ее не такого уж долгого отсутствия успел зарости сорняками и травой. Не сильно, но требовалась прополка. Здесь тоже непечатый край работы. Мара быстро оборвала несколько особенно разросшихся сорняков и пучков травы. А потом замерла перед большим розовым кустом.

Замерла, потеряла лоб и переносицу. Возможно, она опять берет на себя больше, чем может снести, и этот лорд Гальде был прав, ей стоит просить у короля защиты? В конце концов...

Нет, сказала себе Мара, от сплетен не бывает защиты. Надо просто стать выше и сильнее всего этого. И с этим она должна справиться сама. Потому что если она даже такой малости не может, зачем тогда она Родхару?

— Мадхен, — калитка сада скрипнула за ее спиной. — Пойдемте, я там взвар горячий приготовил.

Хиберт.

Когда он только успевает все? Мара обернулась и сказала:

— Сейчас, только полью розы.

А потом пошла и до вечера занималась приведением замка в порядок. Но не переделала и десятой доли.

* * *

У короля дел было еще больше.

По возвращении из охотничьего замка он плотно засел в кабинете и уже третий день занимался делами. При этом к нему на доклад постоянно ходил глава дознавателей. А так же было замечено, что между Хигсландом и Грихвальдом ведется активная переписка.

Двор недоумевал, что происходит? Потому что случившееся с лордом Белмаром и его дочерью не осталось тайной. Это было настолько шокирующе, что открыто говорить не смели. Но все шептались о том, что главный королевский ловчий поплатился за участие в заговоре. Никто доподлинно не знал, с какой целью

заговорщики проникли в часовню с главной реликвией Хигсланда, но тем разнообразнее были домыслы.

Что касается отбора, то здесь тоже не было ясности.

Все ждали, что по прибытии в столицу король объявит о своем выборе. Официально представит невесту и назначит дату свадьбы. Однако ничего подобного не произошло. Более того, вечером его величество не появился на ужине. И на другой день тоже. Девушки терялись в догадках, а матрес Пасквел на все вопросы отвечала односложно:

— Его величество занят.

Наконец, ближе к вечеру следующего дня его величество внезапно отбыл. А перед этим произошло еще одно событие.

глава 56

Возвращаясь из охотничьего замка, король уже имел примерный план действий. Конечно, не хватало деталей и информации, однако все это он намерен был добрать на месте.

Родхар положил себе срок — неделю. Завершить отбор, разобраться с заговором и наступить на горло тем, кто вздумал проверить, не шатается ли под ним трон. Очень короткий срок, но кара должна быть эффективной и быстрой, чтобы надолго отбить охоту плести интриги за его спиной.

Усложнялось это еще и тем, что заговорщики годами готовились, а у него время было ограничено. Но он, черт побери, король. И Хигсланд его дом.

Торопился Родхар еще и по другой причине. Мара. Они были близки, и если эта близость принесла плод, то... Мужчина думал об этом с замиранием сердца, неожиданно для себя понимая, что готов стать отцом не ради долга перед королевством. Он безумно хотел, чтобы это было так. Но и опасался тоже. Наследник должен быть рожден в законном браке, чтобы его права не оспорил никто.

И потому — неделю не больше.

А зарывшись с головой в эти проклятые дела, он в первый же день понял, что отвлекаться нельзя ни на что. Он может не успеть. Решать надо было только первоочередные задачи, остальное побоку.

И первое по степени сложности — переговоры с Грихвальдом.

Выполнить обещание данное Амелии, было не только делом чести, таким образом Родхар развязывал себе руки. В этом случае его брак уже был не политической необходимостью, а переходил в разряд внутренних дел королевства. И здесь он уже мог выбирать жену по своему усмотрению.

Заставить Холдара принять его условия можно было только в одном случае, — предъявить такие козыри, чтобы упряму из Грихвальда нечем было бы крыть, но при этом, оставить пути к отступлению. Где-то надавить, чем-то поступиться.

Если так посмотреть, в этом деле ему помог главный королевский ловчий. Гонец, которого Белмар отправил в Грихвальд, привез ответ. И

это письмо за подписью Холдара, сейчас у него на столе.

«Торопиться не стоит, пусть сначала произойдет то событие, которого мы все ждем. А после, когда посеянное зерно принесет плоды, можно будет подумать, как прополоть сад от сорняков и расчистить место для достойного. Что касается артефакта, о котором шла речь, он должен быть дополнен».

И в самом конце вместо подписи стояла приписка:

«Тот, кто действует нам на благо, может рассчитывать на нашу благосклонность».

Родхар читал эти строки и прямо видел самодовольную улыбку Холдара, а в душе вскипала ярость. Потому что, если перевести это все с птичьего на нормальный язык, смысл написанного был циничен и прост до безобразия.

Дождаться, пока король женится на Амелии и произведет на свет наследника. А потом, когда в нем уже не будет нужды, устранить. Отравить, устроить несчастный случай на охоте, возможностей множество.

Понятно, что в этом случае поднимется смута, будут волнения, знать начнет борьбу за трон. И в этой ситуации будет вполне логично, если королева, чтобы уберечь наследника, обратится за помощью к отцу. А Грихвальд, разумеется, окажет поддержку и военную помощь. Совершенно очевидно, что Холдар планировал быть при внуке регентом и фактически получить Хигсланд под свою руку.

Все просчитано наперед!

И ведь все это сработало бы, не выбери Мару его волк.

Иногда Родхар поражался тому мистическому, что с ним происходило из-за девушки с серебристыми волосами. Это было глубоко личное, то, что Родхар никогда не вынес бы наружу.

Раньше он не воспринимал всерьез старинные байки о том, что тотем рода реален и имеет собственный разум и выбор. И поначалу был шокирован. Исходился от ревности, что волк выбрал ту же женщину, что и он. Мужчина не готов был ее ни с кем делить. Но так было до тех пор, пока он не принял, что волк часть его. То, что может сделать его сильнее.

Ведь не вмешайся волк, он уже несколько раз мог потерять ее. Как в случае с потайным ходом. Родхар был уверен, что ход ей показал волк. Почему не ему?! Пусть так. Он не стал искать объяснения, что хотел этим доказать ему своевольный тотем рода. И какая тут связь, ведь ход вел в часовню, в которой хранится Айслинг — Ледяной Клинок. Все это он собирался выяснить потом.

Прежде всего королю предстояло закончить дела с Грихвальдом.

Конечно, забавно было осознать, что с него, образно говоря, уже и шкуру сняли, и поделили. Злой хохот душил его, стоило подумать об этом. Хотелось сказать, не рано ли? Он жив еще и кусаться может. Впрочем, сейчас не время было для эмоций

В этом деле не сходилась многое, письмо Холдара проливало на многое свет, но сразу же порождало новые вопросы. Что заставило Белмара действовать поспешно, если в письме было прямое указание не торопиться? И о каком артефакте шла речь?

Кое-что Хойту удалось выяснить на допросе, после того, как он надавил на главного ловчего. Оказалось, что артефакт, упомянутый в письме, — это карта тайных ходов королевского замка. А хранил ее главный ловчий в вещах дочери.

Когда Родхар увидел карту, у него волосы дыбом встали.

Такая же точно, как и та, которую он, вступая на престол, получил вместе со всеми реликвиями рода. Подлинная и даже более подробная. А дальше уже было нечто за пределами понимания.

Белмар получил эту карту от Холдара.

Как оригинал мог попасть к королю Грихвальда?! Понятно, что это произошло еще при отце. Но как?! Было сделано два экземпляра? Кто снял копию?

Строить пустые догадки не имело смысла. К тому моменту, когда Родхар стал королем, ни одного из составителей карты уже не было в живых. Оба умерли при странных обстоятельствах. Один во время проводимого отцом ремонта, другой вскорости после. Спрашивать не у кого.

Зато можно было выяснить другое.

Очевидно же, что у Белмара был в этом деле собственный интерес, и должны быть сторонники из высшей знати. Он бы просто не смог организовать столь масштабный заговор в одиночку. Но у

Родхара сейчас не было времени заниматься этим. Он оставил главного ловчего на растерзание Хойту.

А сам сначала отправил нарочных с письмом в Неполис.

Какой бы славой ни пользовался этот свободный город магов, на дипломатическом уровне отношения поддерживались. И ректор Неполисской Академии магии по сути приравнивался по влиянию к главе государства. В своем письме Родхар просил направить к нему в Хигсланд магистра Яна Торина.

Закончив с этим, принялся за тайное послание королю Грихвальда. Ему нужно было напугать Холдара, загнать его в тупик и одновременно предложить выход. Заставить решить положительно судьбу дочери, но при этом не спровоцировать военный конфликт. Поэтому был выбран дружественный тон. И после первых фраз приветствия Родхар написал:

«Друг мой, ты должен был сразу сообщить, что у твоей дочери запечатанный магический дар. Ибо по незнанию чуть не случилось несчастье. Если ты помнишь, брак королей Хигсланда подтверждается святыней рода, Ледяным Клинком. Я уже готов был объявить о дне свадьбы и, как должно, отвел Амелию в часовню. Но стоило ей оказаться поблизости от Айслинга, ее дар вырвался на свободу.

Мне пока что удалось сохранить это в тайне. Правда, ради этого пришлось пойти на жертвы и удалить от двора моего главного ловчего и его дочь, случайно оказавшихся свидетелями. Но я не могу скрывать вечно.

Во время венчания об этом узнают все. Дело дойдет до инквизиции, и тогда Амелия будет сожжена как ведьма. Предлагаю тебе под благовидным предлогом отозвать Амелию с отбора».

Расчет был прост. Пока Амелию защищает дипломатический иммунитет, но после оглашения невесты и принесения клятв она станет подданной Хигсланда и перейдет под действие его законов. Холдар об этом знал. На деле у короля Грихвальда было два выхода. Пойти на церковный скандал и начать войну или по-тихому отозвать дочь с отбора.

Письмо Родхар отправил и теперь с нетерпением ждал ответа.

И мучился тем, что не может пока написать Маре ни строчки. Чтобы не привлечь к ней внимание заговорщиков и тем самым не подвергнуть опасности.

На третий день ответ из Гривальда пришел.

глава 57

Король позволил себе только короткую тренировку, чтобы размяться после долгого ночного сидения в кабинете. Тренировался с двумя клинками. Сражался яростно, вкладывая в резкие и быстрые комбинации ударов все, что накопилось в душе. Нетерпение, стремление защитить, досаду, жажду действий.

А перед этим он читал донесение, которое ему принес Хойт. Один из дознавателей, лорд Гальде, отправленных с Марой, докладывал об обстановке в замке Хантц. Бесило все это безумно.

«Визиты родственников...»

Удар, отскок, поворот.

«Оскорбления...»

Еще раз, с другой руки.

«Работает сама...»

Работает сама. Работает.

У него снова была перед глазами она, сидящая в кресле. Его дублет в руках, иголка с ниткой. Их единственная ночь.

«Продержись еще немного!», — кричало что-то горячее внутри него. — «Продержись, Мара. Я скоро».

Клинки звенели, с шумом вырывалось дыхание, снова удар, отбить ответный, поворот...

— Сир, — его отвлек голос секретаря.

— Да. — Родхар остановился, отбрасывая влажные волосы со лба. — Говори.

И на ходу отдал клинки тренеру.

— Сир, — секретарь поклонился. — Прибыл посланник из Грихвальда.

Наконец-то!

— Пусть ждет в приемной, — сказал Родхар. — Я сейчас буду.

Дойти до покоев, обтереть влажным полотенцем пот, а потом переодеться в поданную камердинером свежую рубаху и надеть дублет. А потом отправиться в кабинет. На это все ушло не больше семи минут, король умел делать все быстро по-военному.

Простые манипуляции давали передышку. Пока одевался, пока шел, Родхар перебирал в голове возможные варианты ответа Холдара и свои действия. Слишком многое упиралось в разные «если».

Времени, чтобы морально подготовиться было мало, но когда король вошел в приемную, по его лицу уже невозможно было отследить никаких эмоций. Посланник ждал стоя, Родхар кивком ответил на приветствие и жестом пригласил курьера в кабинет. Секретарю, поднявшемуся уже, чтобы идти следом, бросил:

— Не беспокоить. Нужен будешь, позову.

Дело было не для посторонних глаз и ушей. А в последнее время, разбираясь с заговорами, которыми он оказался оплетен, как паутиной, Родхар уже лишний не выпускать из-под контроля возможную утечку сведений. Секретарь пробормотал:

— Да, сир,

И опустился на стул, провожая посланника из Грихвальда любопытным взглядом. Наконец Родхар закрыл дверь и прошел к столу. Нарочный так и стоял молча в центре комнаты.

— Слушаю, — сказал Родхар. — Что послал нам наш друг Холдар?

А сам исподволь разглядывал мужчину. Тот поклонился.

— Сир, у меня два письма. Одно я должен передать вам лично в руки, другое для принцессы Амелии.

Вот оно.

Ответ, которого Родхар ждал с таким нетерпением. Однако по лицу посланника гадать о содержимом письма было бессмысленно. Король жестом подозвал его:

— Дай.

А потом с колотящимся сердцем разворачивал пакет, запечатанный простой печатью. В письме было всего несколько слов:

«Друг мой, я тебя понял.

Выдели моей дочери достойное сопровождение, у границы ее встретят».

На лице Родхара ничего не отразилось, но облегчение было огромным. А также чувство мстительного превосходства. Судя по тону записки, старый черт понял, что тянуть свои щупальца к Хигсланду не

стоит. Он, конечно, не откажется совсем от своих интриг, но на время притихнет точно.

Однако посланный ждал, Родхар быстро черкнул ответ, потом вызвал секретаря и сказал:

— Сопроводи посланника Грихвальда к матрес Пасквел, чтобы он мог передать письмо отца принцессе Амелии.

Посланник поклонился и ушел следом за секретарем. А Родхар остался один в кабинете. Зажмурился и потер переносицу.

Его план начал действовать.

Но он не мог просто сопроводить Амелию до границы и сдать на руки отцу. Холдар не согласился бы так легко, если бы уже не придумал, как выгодно пристроить дочь снова. Он обещал Амелии, что поможет ей устроиться в Неполисскую Академию и стать магиссой.

Теперь многое зависело от того, как скороотреагирует на его просьбу ректор Академии.

* * *

Опять наступил момент вынужденного затишья. Король ждал известий из Неполиса и ворочал гору дел. Выслушивал доклады, отдавал приказания, но мыслями в это время был далеко. Представлял, как девушка с серебристыми волосами ходит по замку, чем она занимается. Ему казалось, он ее видел. Являлись яркие мыслеобразы, как будто какая-то часть его была с ней.

Он уже отправил в Хантц ее служанку Гизел.

Потому что кроме старого слуги (его Родхар хорошо запомнил, не каждому достанет смелости стыдить короля и указывать, что ему делать), у нее там нет близких людей, на которых она могла бы опереться. К вечеру этого дня девушка должна быть на месте.

А пока...

* * *

Наверное, влюбленным везет.

Потому что и часу не прошло, как на пороге кабинета Родхара возник высокий светловолосый мужчина и предствился:

— Магистр Ян Торин, к вашим услугам, сир.

Магистр выглядел немного взволнованно и настороженно, а Родхар мысленно усмехнулся, глядя на него. Он сделал приписку в письме, отправленном ректору Академии Неполиса, адресованную магистру Торину лично:

«Речь идет об интересующей вас особе».

И не ошибся.

Король медленно поднялся ему навстречу. Но, прежде взглянул на секретаря, а тот и сам уже понял, поклонился и немедленно покинул кабинет. Повисла короткая пауза, во время которой мужчины изучали друг друга. Наконец Родхар произнес:

— Прошу вас, проходите, магистр.

А у того вырвался нетерпеливый жест, мужчина двинулся вперед и замер в центре комнаты.

— Сир, вы писали, что речь идет о... — прокашлялся магистр, оглядываясь на дверь.

Родхар имел возможность в очередной раз убедиться, что не ошибся. Однако ему нужны были гарантии.

— Так и есть, — кивнул он. — Скажите, вы работали с принцессой Амелией, дочерью Холдара Грихвальдского?

Лицо магистра стало каменным, он церемонно поклонился и холодно выдал:

— Ничем не могу помочь. Подобные сведения не распространяются.

— Отлично, — кивнул Родхар, складывая руки на груди. — А теперь послушайте.

Мужчина еще больше помрачнел, в глазах загорелись нехорошие огоньки.

— То, что я вам скажу, должно остаться между нами.

Ян Торин презрительно хмыкнул:

— Об этом можете не беспокоиться, сир.

— Рад слышать, — бросил Родхар, невольно начиная злиться.

Собственно, теперь можно было уже озвучить то, ради чего он сюда этого магистра вызвал.

— Я обещал принцессе Амелии, что помогу ей поступить в Неполисскую Академию.

— Что?! — потрясенно воскликнул магистр. — Вы... Отпускаете ее?!

— Будьте любезны слушать, не перебивая, — недовольно проговорил король, которому хотелось отыгаться за проявленную магом презрительность.

Потом потер переносицу и уже другим тоном добавил:

— Принцесса Амелия сегодня отправляется домой, отец отзывает ее. Я должен выделить ей сопровождение до границы, а на той стороне ее встретит Холдар. Будет ли это он сам, или пошлет эскорт, неизвестно. В любом случае, принцесса должна благополучно пересечь границу Хигсланда, а дальше...

Магистр слушал, меняясь в лице, и все-таки перебил его.

— Но как? — мужчина сглотнул, нервно растопыривая пальцы. — Как вам удалось заставить его? Я знаю, Холдар был неумолим. Надеюсь, Амелия не пострадала?!

— Не беспокойтесь, — ответил Родхар. — С принцессой все в порядке. А Холдар...

Объяснять все не имело смысла, это во многом были внутренние дела Хигсланда, и мага не касались, потому он сказал просто:

— Мне было, чем надавить на него. Но давайте вернемся к главному.

— Я весь внимание.

Куда только делась презрительность, не без удовлетворения отметил Родхар. Но томить не стал.

— Амелия пересечет границу Хигсланда, — сказал он. — А дальше она просто не должна попасть к отцу. Вместо этого ей надлежит отправиться в Неполис, чтобы учиться там магии. Предупреждаю сразу, дело будет рискованным, и если оно сорвется, можно быть уверенным, что Холдар никого не пощадит. А теперь скажите, магистр, могу я в этом деле на вас рассчитывать?

Мужчина некоторое время смотрел на него, потом торжественно склонил голову:

— Да.

— Хорошо, тогда обсудим детали. Времени не так уж много, скоро выезд.

В одном Родхар был прав.

Получив его послание, король Грихвальда взбесился.

Он уже был практически у цели, считал, что выдаст замуж дочь, и Хигсланд у него в кармане. А тут разом рухнули планы, которые он строил много лет. Но Холдар был не из тех, кто легко отступает. Если ему не удалось так разыграть карту Амелии, он собирался сделать это иначе.

И принял свои меры.

глава 58

Все было продумано до мелочей. Но все очень тонко. Одна ошибка, неправильное действие, промедление, — и план повиснет на волоске. Потому все оговаривалось по минутам.

Они должны была пересечь границу, чтобы принцессу приняли люди Холдара. И только после этого можно организовывать похищение. Потому что, если это произойдет на земле Хигсланда, Холдер прокричит об этом на весь мир и с полным правом развяжет войну. А Родхару сейчас было не до войны, он собирался жениться.

— У вас будет только один шанс, — сказал он, заканчивая приготовления.

Он уже успел поговорить наедине с принцессой. Когда Амелия узнала, что Ян Торин здесь и будет сопровождать ее, смутилась и покраснела, а потом долго смотрела на него сияющими глазами. А Родхар в который раз подумал, как хорошо, что он на ней не женился, оба были бы несчастны всю жизнь.

Остро и горячо вспыхнуло в груди при мысли о девушке с серебристыми волосами...

Но сейчас надо было заниматься другим.

Из отведенной себе недели он уже потратил три дня, осталось четыре.

Магистр серьезно взглянул на него и проговорил:

— Шансов всегда больше двух.

Родхар понял, что тот имел в виду. Верно, всегда можно красиво погибнуть, сражаясь с превосходящими силами противника. Потому и сказал:

— Но это не то, что нам нужно, не так ли? Главное, добраться до Неполиса, в Академии вам уже ничего не грозит.

А в замке горячо обсуждали последнюю новость.

Неожиданный отъезд принцессы Амелии мгновенно взбудоражил умы. Получилось так, что обе главные претендентки отбора оказались устранены, и это несказанно повышало шансы остальных. Девушки носились по крылу претенденток с горящими глазами, и матрес Пасквел стоило определенного труда загнать их обратно в комнаты.

Отбор сошел с накатанной колеи. Какие строились предположения, какие надежды вспыхивали. Двор опять замер в ожидании предстоящих событий.

* * *

Исторически так получилось, что наиболее мощная и лучше всего укрепленная твердыня Хигсландских королей находилась в той стороне, откуда исходила наибольшая опасность. Впоследствии вокруг крепости, ставшей королевским замком, сформировался сильный город Лендрио.

Это и объясняет столь явное смещение столицы к северо-западу.

Происходило это в те времена, когда вожди Хигсланда еще носили на своих знаменах голову черного волка*, а Гривхальд — огромного бескрылого змея**, и они постоянно воевали между собой.

С тех пор много воды утекло. Один из предков Родхара обрел в бою*** наделенный магической силой Ледяной Клинок — Айслинг, сделавший его непобедимым. С него пошло новое родовое имя, предки Родхара стали называться Айслингами. Но для Гривхальда ничего не изменилось, его символ остался прежним, а вместе с ним и амбиции.

От Лендрио до границы с Гривхальдом было около четырех часов пути.

По хорошей дороге, большая часть которой проходила по лесу, верхом можно было добраться и быстрее. В три часа пополудни кортеж принцессы Амелии выехал из столицы и направился в Гривхальд.

Не прошло и двух часов, как Родхар с небольшим отрядом внезапно сорвался следом. Двор опять недоумевал, однако объяснялось все просто.

От Яна Торина прискакал взмыленный гонец. Оказалось, что когда они углубились в лес, примерно в одной трети пути до границы их ждала засада. Магистр смог отбиться и отправить гонца, но они все еще оставались в кольце. В том, что засаду организовал сам же Холдар, сомневаться не приходилось. Яну удалось взять в плен одного из нападавших и допросить его.

Даже если план отработан до мелочей, всего предусмотреть невозможно. Всегда найдется тонкое место, и именно там произойдет прорыв.

Родхар мчался как угорелый и готов был рвать и метать от злости на себя. Он не учел всего, слишком отвлекся на внутренние дела. С этим проклятым отбором, заговорами и интригами!

А Холдар воспользовался моментом и обошел его. Посмел устроить засаду на ЕГО земле!

Но корить себя было поздно, теперь надо было успеть отбить кортеж принцессы раньше, чем туда заявится король Гривальда собственной персоной и обвинит Хигсланд во всех грехах. Родхар даже не хотел думать, какие требования может предъявить ему отец Амелии. Возможно, брак будет первым из них.

Рычание вырывалось из груди мужчины, когда он думал об этом. Но кто мог ожидать, что Холдар нарушит все договоренности, и его люди тайно перейдут границу?!

* * *

Однако Холдар пошел гораздо дальше, чем король Хигсланда мог предположить.

Он действительно тайно перешел границу еще накануне ночью. С небольшим отрядом сам переправился вброд ниже по течению. Его люди должны были устроить засаду на дороге, перехватить кортеж его дочери и выманить туда Родхара.

А основной удар он собирался нанести в совсем другом месте.

Холдар не зря столько лет прикармливал осведомителей. О том, что творится при дворе короля Хигсланда, ему было известно не хуже самого короля Хигсланда. И даже потеря такого высокопоставленного агента, как главный ловчий Белмар (от которого Холдер, кстати, все

равно собирался впоследствии избавиться), мало что в этом плане изменила. У него по-прежнему оставалось там много глаз и ушей.

Поэтому Холдар знал, чем его будущий зять дышит, что есть и куда смотрит. А думать, сопоставлять, анализировать, все это он умел. Его не могли обмануть притворные ходы. Холдар сразу понял, что у Родхара на уме, и где тот прячет свое сокровище.

Вообще-то, ему было плевать на шашни зятя, для его целей это не представляло никакой опасности, а значит, не имело ровно никакого значения. До поры до времени.

Но Родхар посмел бросить ему вызов, отказался жениться на его дочери. Грозил инквизицией. За это его следовало наказать, и Холдар поклялся, что заставит его жениться на Амелии. Но прежде тот еще на брюхе перед ним поползает.

Это была смелая авантюра.

А король Грихвальда уже немолод. Меч еще не дрожал в его руке, однако он давно сам не ходил в походы. Можно было и сейчас отправить своих людей, а самому дожидаться дома, но Родхар очень сильно разозлил его, злость требовала выхода. И потом, хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай это сам. К тому же, ему хотелось видеть физиономию Родхара, когда тот поймет, что его поимели. Это дорогого стоило. Поэтому он и отправился сам.

Давненько не испытывал Холдар столько острых ощущений. Передвигаться надо было быстро, избегая при этом дорог и людных мест и обходя посты. Риск заставлял его чувствовать себя молодым, будоражил кровь.

* * *

Уже три дня Мара жила дома. И если бы не толпились в доме все эти люди, наверное, ей бы так и казалось, что все случившееся с ней было сном. Зато ночью ей снились настоящие сны, и обязательно в этих снах присутствовал волк. Он иногда нервничал, иногда ластился, Мара уже привыкла к большому черному зверю, ей казалось, он охраняет ее.

Днем она занималась приведением в порядок родного замка.

Работа кипела с утра до ночи с небольшими перерывами на еду и сон. За это время еще один раз приезжала тетка. На следующий день Мара как раз накануне нашла забытую теткой накидку. Велела вынести ей, а сама даже не вышла взглянуть на нее. Мара не собиралась тратить время на то, чтобы лишний раз выслушивать оскорбления. Дел и без того хватало.

Ремонт в замке был в самом разгаре. Крышу перестилать начали, но там еще далеко было до завершения, зато подновили галереи на стенах и лестницы в бастионах. Подняли леса вокруг главной башни, восстановили в отдельных местах выкрошившуюся кладку, подштукатурили.

Заодно перетряхнули все кладовые и подвалы замка. В тот же день в одном из старых запертых подвалов обнаружили бочки с каким-то омерзительным застарелым жиром, застывшим до консистенции камня. И запасы свинца, оставшиеся еще с последней войны. Свинцу Мара обрадовалась, им можно было заливать швы в кладке и желоба. А бочки с окаменевшим жиром велела пока что вынести поближе к воротам, а что с ним делать, решила подумать потом.

Теперь у нее была приходящая помощница, женщина лет сорока, жена одного из арендаторов. Она готовила на всех, убирала и мыла полы в нижнем этаже и в подвале. Теперь, когда та выполняла свою часть работы, стало легче.

На следующий день Мара принялась наводить красоту в главном зале. Проработала почти до вечера и, наверное, работала бы дальше. Если бы ее за этим занятием не застал дознаватель лорд Гальде.

— Леди Хантц.

— Да? — повернулась к нему Мара.

Мужчина был серьезен и хмур и скользнул по ней недовольным взглядом. Но к этому Мара привыкла, за его недовольством скрывалось нечто другое, чего она пока не могла понять.

— Случилось что-то? — спросила она.

— Случилось, — мужчина кивнул, кулаки его резко сжались. — Замок окружен.

глава 59

Мара ушам своим не поверила.

— Что? Как это окружен?

Тетка нагнала людей? Ей вдруг представилась толпа арендаторов с вилами. Глупость какая. Зачем? Это же смешно. А Лорд Гальде мрачно хмыкнул, темные глаза сверкнули, заговорил не сразу, сначала у него вырвалось нервное движение, выдававшее досаду. Потом все-таки сказал, морщась:

— Вооруженный отряд. Его заметили слишком поздно, а теперь отрезаны все пути отхода из замка.

Усталость как рукой сняло.

— Где? — спросила Мара, уже понимая, что задает глупый вопрос.

Если замок окружен, значит, они здесь, прямо за стенами. Ей не хотелось выглядеть глупой в глазах Гальде, но тот и подумал смеяться. Отступил на шаг и сказал:

— Пойдемте, леди, сами посмотрите.

Мара торопилась, чтобы поспевать за ним, и вслушивалась в те короткие отрывистые фразы, что бросал Гальде, пока они быстрым шагом шли на стену.

«Двигались слишком быстро...»

«Возникли внезапно...»

«Поздно среагировал...»

Куда только делась усталость, она ног под собой не чувствовала от беспокойства. Она же помнила, как Родхар отправлял ее из королевского замка. Помнила его рану и кровь. Столкновение. Чеееерт...

«Родхар!» — хотелось ей кричать. — «Что с тобой?!»

Наконец они пришли.

Во дворе ее встретил Хиберт. Старый слуга был встревожен и сосредоточен и сразу метнулся к ней:

— Мадхен Мара!

— Все хорошо, — вскинула ладонь она и огляделась.

Шестеро стражников уже заняли позиции у ворот и на стенах. Люди Гальде тоже. В центре толпились работники с хутора. Люди старались не показывать, но были встревожены и не знали, чего ждать. И общее настроение передавалось ей. Напряжение, страх.

Но ведь она хозяйка замка.

Мара не стала задерживаться во дворе, а быстро поднялась на галерею. Надо же, как вовремя Хиберт затеял ремонт, как в воду глядел! Новые доски поскрипывали под ногами, а в голове вертелось множество предположений по поводу того, кто мог окружить замок.

Но вот она выбралась на стену и взглянула вниз.

В первый момент немного рябило в глазах от волнения. Все-таки, пока не видишь собственными глазами, опасность кажется абстрактной. Она заставила себя собраться.

То, что Мара видела...

Да, замок окружен. Отряд был относительно невелик. Она насчитала тридцать всадников, но вероятно, их больше. Одежда, вооружение, особая повадка... Это не простые ополченцы, а воины.

Черт... Черт... Черт...

От группы всадников вдруг отделился один. Тронул коня, подъехал немного ближе и в свою очередь стал разглядывать их, задрал голову. И тут она увидела седые косы, торчавшие из-под его походного шлема, и интуитивно поняла.

Грихвальдец!!!

Она невольно зажмурилась, отказываясь представлять картину в целом. Если Грихвальд у стен ее замка, значить это могло только одно — война.

Множество мыслей пронеслось в голове. А сердце сжалось:

«Родхар!»

Движение рядом. Гальде.

— Леди Хантц, вам надо запереться в башне и переждать...

— Нет, — перебила она. — Я не стану прятаться.

— Леди Хантц! — с нажимом повторил тот.

Хиберт смотрел на них настороженно и ждал.

А ей вспомнилось, как говорил ее второй несостоявшийся жених Фредус Кнопхе: «Стены крепкие, замок долго простоит».

Хммм, съязвило сознание, подумать только, как много у нее было за последнее время женихов. Два? Нет, даже три, включая короля. Однако... Мара отогнала ненужные мысли.

— Стены крепкие, — сказала она. — Мы отсидимся за стенами.

Лорд сдержанно выругался сквозь зубы. Она понимала, что мужчина зол и испытывает досаду. Но сейчас бессмысленно было корить себя.

— Уверена, вы сможете организовать оборону, лорд Гальде, — проговорила она, потом повернулась к Хиберту: — Займись людьми, размести их.

— Есть, мадхен Мара!

Старый слуга воодушевился, приосанился и тут же выпалил:

— Еды маловато, но у нас есть жир и свинец! И досок хватает, новых и старых. Полезут к нам, получают закусить!

— Отлично. Топи жир и свинец. Пусть разбирают леса и готовят дрова. И всю посуду, котлы, все, что найдется, пусть снесут во двор. И пусть подсчитают запасы.

Она уже прикидывала, сколько они смогут продержаться, пока подойдет помощь. Стены крепкие, выдержат, и в замке есть колодец с питьевой водой. И на худой конец, есть подземный ход!

Хиберт кивнул и бросил на ходу:

— Я побежал, мадхен!

Остались они с дознавателем вдвоем. Мужчина недовольно смотрел старому слуге вслед и явно не разделял его энтузиазма. Потом резко дернул головой, вытянул руку в сторону осаждавших и сердито бросил:

— Вы понимаете, леди, что это значит?

— Я дочь рыцаря, — просто сказала Мара. — И понимаю, что такое война.

Повисло звенящее молчание. Наконец он отвернулся и тихо проговорил:

— Мне было бы гораздо спокойнее, если бы вы заперлись в башне. А еще лучше, если бы незаметно покинули замок. Я дал бы вам людей в сопровождение.

— А сами бы остались тут умирать?

— Для меня было бы честью умереть за вас.

Неожиданно... Только этого не хватало.

— Уж лучше живите, милорд, — сказала Мара. — И помните, мы все надеемся на вас.

Мужчина некоторое время пристально смотрел на нее, потом поклонился и пошел прочь, отдавая на ходу распоряжения своим людям и страже.

А Мара еще осталась на стене, потом сошла вниз, думая про себя: «Тебе лучше поторопиться, Родхар».

* * *

Король Грихвальда видел суету и движение на стене. И кажется, там была какая-то девчонка. Уже вторая. Одну он перехватил по дороге, сидела в повозке и дрожала как заяц. Ну и вкус у его зятка.

Впрочем, ему было плевать, скоро обе будут у него в руках. А письмо зятку он уже отправил. Представил, как Родхар взбесится, когда будет его читать, и расхохотался.

— Мой король, прикажете начинать? — к нему подъехал командир отряда.

Холдар оглянулся на него, все еще посмеиваясь. Потом кивнул и не спеша проговорил с ленцой в голосе:

— Пошли двоих к воротам. Пусть открывают. Я думаю, они достаточно насмотрелись на нас и все поняли.

Снова перевел взгляд на замок, он прямо видел, как притаившиеся в нем людишки трясутся от страха. Командир отряда коротко поклонился.

— Будет исполнено.

И хотел отъехать, но тут Холдар остановил его. Мысль в голову пришла. Не зря столько лет провел в войнах.

— Пусть обыщут окрестности, — проворчал он, поворачивая коня. — Наверняка здесь где-то есть подземный ход, и не один. Не хочу, что девчонка ушла, придется потом вылавливать ее по окрестностям. И вели подавать мне ужин, кишки подвело.

Задерживаться здесь Холдар не планировал. К тому моменту, когда зятек примчится сюда, его будут ждать дымящиеся руины этого, с позволения сказать, замка и новый ультиматум.

Но пока его люди будут возиться, можно было поесть спокойно.

глава 60

Примерно в то же время на другом конце Хигсланда происходили другие события.

Кортеж принцессы Амелии уже больше часа был в дороге.

И с самого начала, еще до того, как они выехали из Лендрио, Амелию не отпускало предчувствие какой-то неприятности. Слишком уж гладко все шло. А сейчас она смотрела из окна повозки на магистра, скакавшего рядом на сильном соловом жеребце, и не могла до конца поверить, что это происходит с ней. Что Ян рядом.

Временами он взглядывал на нее, и тогда она отводила глаза, но чаще ей было видно его сосредоточенный профиль. О том, как сложатся их отношения, она пока не гадала. Вырваться из круга дворцовых интриг и унылых обязанностей уже было достаточно для счастья. А то, что она поедет в Неполисскую Академию, сможет учиться, стать магиссой...

И все-таки ощущение подвоха присутствовало постоянно.

Особенно, когда они въехали в лес. А лес был прекрасный, живописный, богатый. И дорога, хоть и проходила по безлюдным местам, но была довольно ровной и ухоженной. До границы с Грихвальдом, проходившей по реке, ехать было часа полтора, может, чуть больше.

Тогда это и произошло.

Засада.

Первыми же выстрелами из арбалета убили кучера и лошадей ее повозки, а потом их взяли в кольцо. Яну удалось отбиться и даже прорвать кордон и отправить гонца Родхару, но уйти самим было невозможно, нападавшие перебили всех лошадей. Их план повис на волоске.

Магистр оставался спокойным, отслеживал обстановку и успокаивал ее.

— Потерпите. Постарайтесь что-нибудь съесть, а еще лучше, заснуть.

— Я не смогу. — Амелия, запертая в повозке, места себе не находила.

— Как только стемнеет, я уведу вас отсюда, — говорил Торин.

— Нет, — качала качала она головой.

Нельзя. Если они не пересекут границу до ночи, и ее не встретят на Грихвальдской стороне, отец пойдет на Хигсланд войной. Она уже поняла, что нападение подстроено специально, просто до последнего не хотела верить, что отец способен на такую подлость.

Оставалась маленькая надежда на то, что Родхар вмешается и как-то исправит положение. Но в лесу наступал вечер, и ждать становилось все тяжелей.

Но вот слышалось ржание и конский топот, это подоспел его отряд. Завязался яростный короткий бой. Амелия сидела, скрючившись на полу повозки и с ума сходила, пытаясь понять, что происходит.

Наконец бой закончился. Дверь повозки распахнулась, мужчины заглянули в нее оба. Оба были слегка ранены и взбудоражены после боя,

— Все, леди, можете ехать, дорога свободна, — сказал ей Родхар и тут же обратился к Яну Торину и отрывисто скомандовал: — Берите двух лошадей и гоните к границе. Я дам арбалетчиков в сопровождение.

Все завертелось так быстро! Ехать пришлось верхом, в обычном мужском седле, Родхар не уехал, сам сопровождал их почти до границы. В этой страшной спешке она даже не смогла поблагодарить его как следует, не было удобного момента. Только напоследок успела сказать:

— Спасибо вам за все.

А тот усмехнулся:

— Не за что, леди, — шлепнул тяжелой рукавицей по крупу ее коня и оглушительно свистнул.

Кони рванулись вперед, и они с Яном помчались к переправе. А за рекой уже был Грихвальд.

Ушли. Король Хигсланда еще некоторое время смотрел этим двоим вслед, испытывая ощущение правильности. А до того была бешеная скачка, потом бой. Теперь он испытывал легкую усталость и чувство удовлетворения, что смог, успел, сделал чью-то судьбу лучше. Может быть... В этом немного стыдно было себе признаться, но в глубине души Родхар надеялся, что от этого его собственная жизнь станет чуточку лучше.

Но. Однако.

Очень не понравилась ему та засада. Что за странные разбойники? Перебили лошадей и часть людей, но даже не попытались ограбить? От этого всего у него складывалось очень нехорошее подозрение. Холдар подлец, мог и сам засаду организовать, чтобы потом иметь повод развязать войну.

Хорошо, что он успел. Родхар вдохнул полной грудью, повернулся и направился к своему коню. Уже стемнело, ему нужно было вернуться обратно в замок и закончить с этим чертовым отбором. А завтра...

— Сир! — навстречу ему шел капитан стражи. — Там гонец с белым платком. Говорит, у него письмо для вас.

Сердце почему-то сжалось тревогой.

— Приведи, — резко бросил он, застывая на месте.

Письмо было от Холдара.

Пока читал, думал, сойдет с ума.

«Ты напал на мою дочь. Ты обесчестил ее.

Это было очень глупо с твоей стороны, друг мой. Потому что я не стану молчать. Все узнают, чего стоит слово короля Хигсланда. И ты получишь войну. Видит бог, я хотел по-хорошему, но, сынок, ты сам виноват.

Теперь тебе придется жениться на Амелии, сынок, хочешь ты этого или не хочешь. А свой Айслинг, или как ты там эту старую ржавую зубочистку называешь, ты можешь заткнуть себе в зад».

Это было еще не все. Внизу приписка:

«И да, чтобы ты не подумал, что я шучу, твоя девица Хантц побудет у меня. Будешь вести себя правильно, получишь ее обратно, если, конечно, от нее что-то останется».

Родхар взревел от ярости.

Мерзавец старый! Шкуру его постелить в изножье кровать вместо шкуры волка, а мясо бросить на растерзание псам! Писать ответ, просить его о чем-то?! Он схватил гонца за горло и буквально в считанные секунды вытряс из него все. А потом отбросил задыхающегося от ужаса грихвальдца и вскочил на коня. Выкрикнул на ходу:

— Все за мной!

И помчался в Хантц.

* * *

«Не так страшно», — убеждал он себя. — «Не так страшно»

А сердце сводило от липкого холодного страха за любимую женщину.

Но все же то, что он узнал от гонца, оставляло надежду. Холдар отправил посланца с письмом, перед тем, как скрытно подойти к замку Мары. Людей у него не так много, один небольшой отряд, иначе он бы не смог незамеченным пересечь весь Хигсланд. Проклятый старый разбойник!

Вот еще один чудовищный минус, выявленный благодаря девушке с серебристыми волосами! Пограничная стража спит на постах, а шерифы на месте умеют только воровать и напиваться! Ничего, Родхар дал себе срок, вернется, всех перетряхнет к чертовой матери!

Но сейчас ему надо было чудом успеть.

Мара.

Если она вполтину того будет сопротивляться, как она противилась ему, она не сдаст замок.

«Только продержись, Мара! Только продержись!» — кричал он в душе. — «Я иду!»

Я иду.

Иду!

Скакал ли сейчас за ним кто из его людей, Родхар даже не видел. Назад не оборачивался, не слышал, а его сознание вообще раздвоилось. Ему казалось, что он видит яркими вспышками, что происходит в замке, и одновременно ночной лес перед собой. А лес

выглядел так необычно, как будто широкий коридор, остальное призрачно, смазывается, четко только странно поблескивающая дорога. И его конь летит по этой дороге, не чуя ног, а сам он, прикинув к холке, летит впереди.

Запахи, зрение, восприятие, все изменилось. Но у него не было времени думать, что это, почему это так. Ему надо было успеть. Сделать невозможное.

глава 61

От границы с Грихвальдом до того медвежьего уголка, где Родхар спрятал свою кралоу, было около восемнадцати часов пути, если верхом и меняя лошадей, то часов за десять можно было успеть. Но это ж прискакать и упасть, одеревенев, как повешенный. Если кто-то и примчится, он ни на что не будет годен после такой скачки.

Около суток было в запасе.

За глаза хватит, чтобы спалить замок и уйти.

А замок, кстати, не казался ни большим, ни внушительным, но наметанный глаз командира отряда оценил вполне крепкие стены и подновленные ворота. Рослый ширококостный мужчина с широким шрамом, проходившим через переносицу, мрачно хмыкнул про себя и отвернулся.

И не такие твердыни сдавались, стоило им подойти к воротам.

Страх гонит осажденных из их нор. А он умел нагнать страх.

— Вы двое, — скомандовал он. — К воротам. Пусть открывают. Иначе...

Усмехнулся и чиркнул по горлу пальцем.

— Вы, — показал еще на четверых. — Искать подземный ход, должен быть где-то здесь. Остальным рассредоточиться и ждать приказа. И подайте королю ужин, у него с дороги кишки подвело.

Команда была выполнена быстро, отряд рассредоточился, королю организовали походное место для отдыха и ужин.

* * *

Было еще светло, но уже наступал вечер. Солнце золотило верхушки деревьев, когда к воротам замка неспешно подъехали два всадника. Один из них поднял арбалет и выстрелил. Болт со звоном вонзился в древесину между металлическими полосами и грозно завибрировал. Другой крикнул:

— Открывайте.

До того за воротами слышалась возня, после этого все разом притихло, повеяло странным холодом. Рыцарь не смог бы сказать, что это было, однако передернул плечами. И уже собирался крикнуть снова, как открылось маленькое оконце. В оконце мелькнуло лицо и послышался старческий голос:

— Ась?

— Открывай!

— Что?! Не слышу, кто там?

Рыцари переглянулись. Один из них тронул коня, собираясь подъехать чуть ближе и вскидывая арбалет, а другой внимательно оглядел стены. За зубцами прятались несколько лучников и арбалетчик. Их держали под прицелом.

— Стой, — бросил он сквозь зубы второму и показал глазами. — Там.

А сам погромче крикнул:

— Эй, ты, глухой! Зови хозяина!

— Ась?! — послышался наглый ответ. — Дык, нет хозяина!

Рыцарь стал злиться. С другой стороны, он прекрасно видел, что за ними следят со стен. Словить арбалетный болт желания не было. И стало уже понятно, что так просто им не откроют, придется принимать другие меры и брать замок штурмом. Но все же, на всякий случай выкрикнул:

— Тогда зови главного!

— Эт мо-о-ожно, — прокаркал наглый старик.

Некоторое время за воротами слышалась только какая-то возня, среди которой мужчина различил характерное потрескивание костра. Понесло дымом и... черт бы его побрал, отвратительнейшей вонью старого прогоркшего жира. Он уже начал терять терпение, когда раздался твердый мужской голос:

— Слушаю.

— Открывай ворота!

— Представьтесь, кто вы.

— Меньше вопросов, целее останешься. Открывай ворота!

— Ворота откроются только перед королем Хигсланда.

Оконце захлопнулось. Рыцарь выругался, и тут прямо перед копытами его коня в землю со свистом вонзился арбалетный болт. Конь заржал и встал на дыбы, пришлось разворачиваться.

* * *

Холдар обгладывал курицу и издали наблюдал за тем, что происходит у ворот. Долго возились они. Очень долго! Давным давно уже ворота должны были открыться.

Вдруг он увидел, как оба его рыцаря повернули коней и скачут назад.

— Что? — спросил он, откидывая назад голову.

— Отказываются, мой король.

Король Грихвальда нехорошо усмехнулся. Не хотят по-хорошему? Зашвырнул в сторону куриную кость и приказал:

— Взять замок штурмом.

* * *

Осажденные тоже готовились. Короткая передышка, время, которое удалось выгадать, было потрачено с пользой. Работники разложили костры, на которых в двух больших котлах начали топить жир. Все это делалось слажено и без лишних слов. Возможно, так действовала на них уверенность хозяйки, а может, потому что люди чувствовали надвигающуюся опасность.

Когда переговоры у ворот закончились, Гальде снова попытался загнать Мару в башню. Она только качала головой. Нельзя в башню. Здесь люди, простые арендаторы, одно ее присутствие помогает им побороть панику.

— Скоты без чести совести, — ругался сквозь зубы Хиберт, он был самый старый из присутствующих и хорошо помнил прежние набеги.

— У них нет лестниц и осадных орудий, — сказал Гальде, оглядываясь в сторону осаждавших. — Это передовой отряд, они будут ждать подхода основных сил. Встанут лагерем.

— Помяните мое слово, полезут! — ворчал старик.

Тем временем уже начало темнеть.

Теперь оставалось только гадать, пойдут грихвальдцы прямо сейчас на приступ, или встанут лагерем перед замком. Осаждавшие зажгли костры, однако по их поведению нельзя было сказать, что они

собираются делать дальше, Но вот несколько человек отправились рубить молодые деревца.

И Мара вдруг поняла.

Поспешность, с которой все делалось.

— Они не будут ждать утра, пойдут на штурм сейчас, — пробормотала она.

Это означало только одно — разорение, а, возможно, и разрушение родительского дома. Она невольно оглянулась вокруг, замок только-только начал приходить в божеский вид. И еще недавно она готова была пойти на что угодно, чтобы его восстановить. Ладно, не на что угодно, мелькнула мысль.

Но сдаться врагу, чтобы спасти родительский дом от разрушения? Никогда. Ее отец перевернулся бы в гробу. И потом, нет никакой гарантии, что грихвальдцы не сожгут замок. Она помнила вонзившийся в ворота болт.

А между тем, движение среди осаждавших стало активнее. Уже стемнело, и было все труднее разобрать, что там происходит, но когда те столпились вокруг костров, Хиберт, не отрываясь наблюдавший за ними, вдруг выкрикнул:

— Горящими стрелами будут забрасывать! Как пить дать!

Горящими стрелами?

А у них леса с одной стороны главной башни выстроены. Во дворе сложены пиломатериалы, на галереях свежий настил. Все это загорится, начнется пожар, будут раненые. Но главное — не допустить паники.

— Воды! — приказала она. — Таскайте из колодца ведрами, лейте на леса! Все доски максимально оттащить к наружным стенам! Топите жир, готовьте ковши и черпаки. Хиберт, давай!

— Какого черта, леди Хантц?... — с какой-то непередаваемой смесью злости и уважения прошипел сквозь зубы Гальде. — Шли бы вы отсюда!

Видно было, что мужчину так и подмывает силой отправить ее в башню. Однако он сдержался. В конце концов, тут сейчас каждому работы хватит.

— Хорошо, командуйте тылом, — бросил ей, а сам направился к воротам.

Мара нагнала его и пошла рядом.

— Если нас будут засыпать стрелами, прошу вас, не подставляйтесь.

А тот хмыкнул и покачал головой:

— Уж постараюсь, мой генерал!

— И... я тут подумала...

Мужчина даже остановился.

— Что опять, леди?

Она глубоко вдохнула и сказала:

— В замке есть подземный ход. Кого-то надо выделить для охраны.

глава 62

Медленно. Долго! Холдар злился, он рассчитывал, что девчонка сразу сдастся, а теперь приходилось терять время. Определенная трудность заключалась в том, что людей у него было действительно мало. Будь у него сейчас дополнительно три десятка лучников, все было бы проще. И чтобы взять замок, нужно было подготовить хотя бы пару лестниц.

Он подгонял своих людей, а сам страшно ругался. Какое-то странное воздействие оказывал на него этот неприметный замок. Такое чувство, как будто шерсть на загривке вставала дыбом.

— Живо! — рявкал он, оглядываясь сторонам.

Стемнело.

Издали было видно, что над замком зарево. Понятно, что там тоже готовились, и это бесило Холдара еще больше. Его люди хоть и были опытны в своем деле, а все равно у них ушло на подготовку больше часа, почти два. А все это время! Пропал фактор внезапности.

Наконец к нему подошел командир отряда.

— Мой король, — доложил. — Можно начинать.

— Вы бы еще до следующего года возились! — выверился на него король Грихвальда. — Начинайте! И ход подземный ищите, бестолочи!

Но первые стрелы, освещая багровыми огоньками ночь, уже полетели в цель.

* * *

Как только в них полетели первые стрелы, Гальде скомандовал:

— В укрытие!

Незачем бессмысленно геройствовать. Им нельзя терять людей, каждый защитник на счету. А у противника нет лучников, чтобы обстреливать их постоянно. Рано или поздно, они пойдут с лестницами на приступ. И вот тогда можно будет прицельно бить.

Но все происходило слишком быстро.

Сделав первый залп, чтобы посеять панику, те бросились на штурм сразу в трех местах. По десятке с двух флангов отвлекать, и десять отборных бойцов — на ворота. Невеликие силы защитников замка пришлось разделить. Работники метались по двору с ведрами, тушили то, что загорелось. По четверке защитников отрядили снимать тех, кто пытался лезть с флангов. Но основной удар, конечно же, был направлен в центр.

Стены были достаточно высоки, одолеть их с лестницами непросто. Такую атаку нельзя оставлять без внимания, но и отбить малыми силами вполне возможно. А ворота — это всегда самое уязвимое место любого замка. И если подобраться прямо под них, там слепая зона для лучников.

Гальде с оставшимися людьми занял позицию во дворе прямо за воротами и приготовился к бою.

А Хиберт с двумя работниками засел в надвратной башне. Отстреливаться было практически невозможно, зато там имелись отверстия в нависающем куске стены, откуда можно было лить на головы нападавших воду, свинец и кипящий жир.

Мара и женщина с хутора, та тоже ни за что не согласилась уйти, были на подхвате. Таскать-подавать-оттаскивать. Но больше ждать. У них не так много шансов, надо бить наверняка.

Хиберт опасался, что подожгут ворота, но очевидно, нападавшие очень торопились. Сумели, прикрываясь щитами, прорваться и подойти почти вплотную. Как закрепились, один из воинов, высоченный и мощный, стал вырубать топором окованную железом боковую дверь в левой створке ворот. А еще двое набили в ворота арбалетных болтов, чтобы попытаться влезть в надвратную башню, которая была ниже остальных.

Было страшно. Они как кролики в ловушке. Этот скрежет лязг железа, дыхание хищника рядом... Страшно! Но прежде времени высовываться нельзя.

— Как в старые времена, мадхен Мара, как в старые времена с вашим батюшкой. Вот, помнится, тогда... — шептал старый слуга и как заведенный повторял. — Пусть подойдут ближе, пусть подойдут...

Когда еще те двое полезли на ворота, выдохнул:

— Сейчас!

Полился кипящий жир на головы тех, кто ломился в ворота. Раздались дикие вопли, нападавшие, сбивая друг друга с ног, побежали назад.

* * *

Атака у ворот провалилась, а спустя несколько минут отошли и осаждавшие с флангов. Отбили первый приступ.

Но радоваться было рано.

Да, они смогли остановить врагов, но теперь наступило осознание, что ворота облиты маслом.

— Подождут, — щерился и хлопал себя по бокам Хиберт. — Я б на их месте точно поджег!

Из старого воина буквально сыпались воспоминания о былых сражениях. Например, о том, как они однажды выбивали тараном крепостные ворота. Здоровенное бревно на колесах, да под крышей. И сверху еще укрытое воловьими шкурами. Катили ввосьмером по подъемному мосту под градом стрел и камней.

— Жаркое дело тогда было, мадхен Мара, ох, и жаркое. Они ж как дьяволы обстреливали нас со всех сторон! Но мы до ворот добрались, — бодро рассказывал старый воин. — Вот тогда на нас сверху полилось кипящее масло! Из восьмерых нас выжили только я да старший команды. Я молодой был, он мне велел лезть под мост и убираться оттуда, а сам то масло поджег. Таран выгорел, и крепостные ворота вместе с ним.

Мара понимала, что Хиберт нервничает, но это все оптимизма точно не прибавляло. Зато она как-то разом вышла из оцепенения и воскликнула:

— Воды! Надо побольше воды!

— Воды несите! — это уже выкрикнул Гальде.

Понял, что бессмысленно бороться с неутомонной хозяйкой замка. Легче соглашаться сразу.

* * *

А как бесновался Холдар! Просто рвал и метал.

Его люди отступили, атака провалилась. И у них потери. Потери! Трое убиты и еще двое ранены. У стен какой-то халупы, горстки камней!

А время?! Время утекает!

Король Грихвальда орал, багровея от злости, а командир отряда молча выслушивал и кусал губы. Наконец не выдержал, бросил коротко:

— Мой король, им помогает ведьма, — и замер набычившись.

— Что?! — взревел Холдар. — Не мели чушь!

Однако орать перестал. Даже самые жестокие наемники бывают суеверны. И Холдар был суеверен тоже. Его было трудно пронять, но и ему невольно передался этот страх перед неведомой опасностью. Король осекся и проворчал уже другим тоном:

— Какая еще ведьма? Сопливая девчонка. Шлюха Родхара.

И зыркнул в сторону замка. Черт ее знает... Про эту Хантц говорили разное...

Повисла пауза. Пользуясь тем что король молчит, командир отряда начал осторожно выкладывать то, что ему казалось логичным:

— Мой король, сейчас бы поджечь ворота, да дожждаться, пока они выгорят, а потом...

Холдар недовольно покачал головой.

Это сработало бы, будь у него хотя еще бы сутки в запасе. Но не было этих суток. Не было! Всего несколько часов преимущества, и те таяли. А ворота гореть будут долго, и пока они не выгорят полностью, в замок не войти. Да за ними еще может быть кованая решетка. Отпадает!

Но главным было даже не это. Зарево может привлечь отряд стражи, будет стычка, Не хватало ему только стычки! Положение вообще перестало ему нравится. Но он для себя уже все решил и просто не мог уйти без добычи!

— Огней не жечь. Запалим замок, когда будем уходить, — говорил Холдар, шагая из стороны в сторону. — У вас час на все, поняли? И ход! Ход, мать вашу, ищите!

Командира отряда перекосило, однако он молча поклонился и пошел прочь, зло выкрикивая команды. Спустя короткое время его люди снова пошли на приступ.

Это была страшная ночь для короля Хигсланда.

Знать, что твоей паре грозит опасность, а ты далеко... Звереть от дикой тревоги, жилы рвать, только бы успеть. Он готов был вывернуться из шкуры, а в сознании яркими вспышками — картины. Осажденный замок, атака, кипящее масло...

Мара.

Держись.

Откуда брались силы вгрызаться и рвать пространство, сокращая путь, Родхар понятия не имел. Просто сцепил зубы и тащил на каком-то зверином выплеске энергии и себя, и коня. Знал же, что, черногривый пал бы от такой бешеной скачки еще несколько часов назад, а конь шел так же ровно и мощно, что и прежде.

Плывать было на все чудеса! В этом он потом сможет разобраться. Сейчас было важно, что он уже свернул на дорогу на Хантц.

Начинало светать.

Атаки было еще две. И они их отбили.

Гальде снял всех, кого ставил за воротами и бросил на стены, ворота с помощью Мары защищал старый Хиберт.

Теперь уже в ход пошло все. И жир, и свинец, и просто кипятки.

Когда осаждавшие в очередной раз оступили, на земле под стенами замка осталось уже девять человек убитыми. У них тоже были раненные, но, к счастью, тяжелых не было, и никто не погиб.

Ночь они продержались. Понемногу стало светать, но несмотря на усталость, никто не уходил со своих мест. Потому что в лагере противника опять наблюдалось какое-то непонятное движение. Мара со стены смотрела, гадая, чего ждать.

И вдруг...

Это было так странно, как будто кто-то толкнул ее в бок.

Обернулась. В глубине двора был призрачный волк. Большой, черный, шерсть дыбом. Тот самый, которого она часто видела во сне. И однажды — вот так, как сейчас, — в потайном ходе королевской

спальни. Волк приплясывал на месте, как будто звал за собой. А она поняла, что волк ей видится неспроста.

«Родхар!..» — мелькнуло в голове.

Бросила все и, не раздумывая, побежала за ним.

глава 63

День наступал.

В это время по плану Холдара он уже должен был находиться у границ Грихвальда. А он торчал здесь, по стенами какого-то захолустного замка. Вместо того, чтобы спокойно пересечь страну ночью по темноте, ему придется, прячась в лесах, пробираться через весь Хигсланд днем! А Родхар, каким бы он ни был олухом, наверняка уже поднял по тревоге всех шерифов.

Король Грихвальда испытывал дикое разочарование и досаду. Все преимущества он растерял, а положение стало уже просто опасным. Надо было еще ночью бросить тут все, но как будто какая-то сила удерживала его у этого проклятого замка. Самая настоящая западня. Ему казалось, что он держит руку на горле добычи, а между тем, еще немного, и в добычу превратится он сам.

Страх неприятное чувство. Сейчас Холдар испытывал самый настоящий страх, и чувство надвигающейся опасности по мере того как светлел день, все нарастало.

Нужно было волевым решением просто разжать эту воображаемую руку на горле врага. Бросить эту, ставшую бессмысленной затею. Черт с ним, он еще найдет способ прижать к ногтю Родхара. А сейчас — уходить, пока не стало поздно.

Но теперь, как это ни парадоксально, ему мешал отряд. У двух-трех всадников есть шанс ускользнуть незаметно, а у отряда в двадцать пять рыцарей — нет. Да еще некоторые из них ранены. Слишком заметно. Слишком!

Король посматривал то на замок, хорошо видимый при дневном свете, то на свое воинство, и в его голове зрел план. Но действовать надо было быстро, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Штурмуйте замок! — приказал король. — Они измотаны и не смогут сопротивляться.

— Мой король, — начал командир отряда. — Люди устали. Многие ранены.

— Что?! — взъярился Холдар и заорал, брызжа слюной и вращая глазами. — За что я вам плачу?! Ранены они! Неженки! Покажите,

наконец, на что вы способны! Раньше, чем солнце взойдет, замок должен быть взят!

— Будет исполнено! — выплюнул сквозь зубы командир отряда.

Поднялся ропот, но отряд все же пошел на штурм.

А Холдар дождался этого момента и отправился в лесок, где все это время была спрятана под охраной трех человек повозка с пленницей, которую они взяли по дороге. Девчонка сидела в повозке связанная, четверо из ее сопровождения лежали спеленатые рядом.

— Запрягайте, — бросил он своим людям, стоявшим в охране. — БЫСТРО!

— Мой король, — спросил один из охранявших. — А что делать с этими?

По-хорошему, всех надо было бы прикончить. Но у Холдара не было ни минуты лишней.

— Бросить здесь.

А сам полез в повозку. Девчонка сидела, скрючившись на полу, руки связаны, кляп во рту. Холдар усмехнулся, вытащил кляп у нее изо рта и спросил:

— Жить хочешь?

— Да, да... — закивала она.

— Тогда поедешь со мной!

Он собирался использовать ее как прикрытие. Девчонка испуганно вытаращилась. А ему было не до нее, поджимала внутренняя тревога, опасность ощущалась липкой сетью на коже.

— Чего вытаращилась?! Будешь сидеть и молчать, останешься цела! — бросил ей Холдар и тут же зарычал: — Что вы возитесь?!

И вылез наружу, на ходу выхватывая меч.

— Мой король! — метнулся к нему один из его людей. — Повозка готова, лошади впряжены. Можно ехать, сир.

Наконец-то!

Холдар кивнул и стал поворачиваться. И тут он это увидел.

В овражке напротив. Что-то вроде норы.

Холдар интуитивно понял, что это и есть тот самый подземный ход из замка, который столько времени безуспешно искали эти остолопы, его рыцари. От внезапно нахлынувшего возбуждения ему даже показалось, что там что-то светится.

Это был шанс.

Король Гривальда внезапно почувствовал, что удача наконец повернулась к нему лицом! Все получится, он еще успеет взять добычу и уйти. Сжимая в руке меч, Холдар двинулся к этому ходу, как завороченный.

Ему уже виделось, что он ставит на колени Родхара. Смех вырывался из его груди.

А свечение из зева подземного хода становилось все ярче, во всяком случае, так ему казалось. Он бежал туда, не видя и не слыша, что происходит кругом. И вдруг, когда почти добежал, навстречу ему из хода вынырнула девчонка.

Чумакая, на голове сбившийся в сторону платок... Холдар как только ее увидел, сразу понял, что это и есть ОНА. Мара Хантц, за которой он охотился, собственной персоной! Удача сама шла ему прямо в руки!

Осталось всего ничего, схватить ее и...

Неожиданно из-за спины девчонки выскочил огромный призрачный волк и бросился на него. Короля Гривальда мгновенно сковал ужас.

Знать забытую старую басню о тайном волке Айслингов одно, а видеть призрака своими глазами — другое! Зверь дышал ему в лицо и давил на него лапами, как настоящий! Его оскаленная пасть была совсем рядом. Холдар застыл, вытянувшись в струнку, меч выпал из его руки.

Он ничего не мог сделать.

Видел, что у девчонки из замка в руке странный, раздвоенный на конце сияющий клинок, и не мог шевельнуться. Она подняла этот клинок и направила ему в грудь, а он так и стоял, придавленный лапами призрачного волка.

И вдруг что-то огромное налетело на него и снесло в сторону.

* * *

Так тревожно и странно. И просто невыносимо. Мара шла за призрачным волком, а тот вел ее прямо к подземному ходу из замка.

Там был стражник, сидел на бочонке. Увидел ее тут же подскочил, вытаращив глаза:

— Куда вы, леди Мара?!

Она ничего не ответила. Только махнула рукой и бросилась к низкой окованной железом двери, отпирать засов.

— Подождите, я сейчас помогу, — сказал стражник.

Подошел и стал отодвигать ржавый засов. А волк стоял рядом, поводил головой от нетерпения, и Мара поняла, что стражник не видит волка. Получалось, его видит только она? Сразу мелькнула мысль, а все ли в порядке у нее с головой? Но думать было некогда. Засов подался, волк рыкнул и метнулся в ход, и она бросилась следом.

Ход был старый, замусоренный, извилистый и темный. Она бы точно там свернула шею, но волк слегка светился в темноте и бежал куда-то в узком тоннеле, лишь иногда останавливался, припадая на лапы, как будто прислушивался. Когда ей уже казалось, что это будет длиться бесконечно, в конце забрезжил свет.

Облегчение нахлынуло, а вместе с ним усилилась тревога.

Что ждет ее там? Куда ее заманил волк?

Под ногами уже можно было что-то увидеть, она подобрала валявшуюся на полу раздвоенную на конце палку, какими обычно ловят змей, и крепко сжала в руке. Не бог весть что, но хоть отбиться можно.

А ход внезапно кончился.

Мара даже не успела сориентироваться. Выскочила с разбегу и увидела, что на нее с мечом в руке несется тот грихвальдец с седыми косами. И кто бы сказала, почему она так поступила??? Но она инстинктивно вскинула палку и, едва соображая, что говорит, пискнула:

— Сдавайся! Я беру тебя в плен!

А дальше...

Защищая ее, вперед бросился волк. Призрак положил лапы на плечи грихвальдца и рычал ему в лицо, а тот даже шелохнуться не мог. Застыл, словно пораженный столбняком. Надо бы бежать, но Мара сама застыла, защитным жестом выставив перед собой рогатую палку.

Казалось, время замерло, превращаясь в густой клей, а окружающий мир исчез.

И вдруг откуда-то сбоку на грихвальдца ураганом налетел всадник на большом сильном жеребце и снес его в сторону.

В следующую секунду всадник уже спешил и сидел сверху на грихвальдце, прижимая меч к его горлу.

Дежа вю. Ведь это уже было в их жизни однажды, там в лесу на охоте, когда он спас ее. В целом мире существовал только один человек, способный на такое. Мара задыхалась от радости, размазывая по лицу невольные слезы, и шептала:

— Родхар, Родхар...

* * *

Уже потом, когда подоспел отряд, и всех грихвальдцев повязали, вояки тихонько шептались, посмеиваясь в кулак:

— Серьезно? Взяла в плен палкой?

— Ну точно бы взяла, если бы наш король не вмешался!

А король Хигсланда под громкие восторженные крики нес на руках свою возлюбленную в освобожденный замок.

Это была славная победа.

Но теперь предстояло сделать самое главное.

Жениться по любви — 1

Как по-вашему, что труднее всего для короля? Править мудро и оставить потомкам богатство? Одерживать победы и не знать поражений? Может быть, совершить чудо и искоренить мздоимство?

Вовсе нет.

Труднее всего для короля — жениться по любви.

Да еще в той ситуации, в которой оказался его величество Родхар.

И именно здесь, под стенами маленького провинциального замка и начинается та история, за которую Родхара впоследствии назовут великим и приравняют в славе к легендарному предку Урдехару, даровавшему Хигсланду знаменитый Ледяной Клинок Айслинг и еще многое, о чем летописи умалчивают.

Однако обо всем этом следует рассказать по порядку.

* * *

Там, у границы с Грихвальдом, Родхар бросил клич:

«Все за мной!»

И помчался на Хантц.

Для его людей, привыкших к коротким приказам и дисциплине, это означало только одно. Если король идет на Хантц, за ним идут ВСЕ, кроме дежурных подразделений.

Следом за королем, пусть и отставая на пару десятков корпусов, выдвинулся отряд стражи. Каждый уже знал свое место, пятерка лучших воинов и десять лошадей остались с Родхаром, а остальные понеслись в Лендрио и другие узловые города, оповестить шерифов. Прошло всего несколько часов, а по тревоге было поднято пол Хигсланда.

Конечно, Родхар был впереди, воины, шедшие за ним отставали, но ненамного. Ведь у них были сменные лошади. Поэтому они и прибыли на место почти вовремя и успели застать самое интересное.

А посмотреть было на что.

Такой эпический позор, как тот, что настиг короля Грихвальда, случается не каждое столетие. И уж конечно, обрастая немыслимыми подробностями, становится достоянием истории. Но и того, что произошло, было достаточно.

Люди Холдара, как учуяли, что запахло жареным, бросили его на произвол судьбы и сами угнали повозку, в которой тот собирался бежать. Правда, ушли не далеко. Не успели они отъехать от Хантца, их остановил первый же отряд, шедший Родхару на подмогу. Всех повязали, а похищенную девицу Гизел, служанку Мары Хантц на отборе, освободили и доставили в замок.

До осаждавших наконец дошло, что Холдар предал их, они сразу же сняли осаду и попытались рассыпаться по окрестностям. Но было поздно, подходившие отряды выловили всех грихвальдцев.

А сам король Грихвальда первым попал в плен.

Родхар, когда слез с него, похлопал по плечу и «любезно» предложил:

— Поживете у меня, друг мой. В почетной камере для особо дорогих гостей. Отдохнете с дороги, подлечите голову. А потом мы с вами обговорим условия.

Повернулся к своим и приказал:

— Связать, глаз не спускать. Его величество Холдар едет с нами в Лендрио.

Все, с этим было покончено.

Теперь он наконец мог сделать то, о чем непрерывно думал все восемь часов, пока летел сюда — схватить в охапку девушку с серебристыми волосами и прижать ее к себе. Чтобы убедиться, что она жива, что с ней ничего не случилось. Поцеловать ее. Долго, жадно. Зарыться ладонями в волосы и затихнуть, глубоко дыша.

И слышать шепот на ухо:

— Родхар, на нас все смотрят...

— Плевать, — рассмеялся он хрипло и шепнул ей в губы: — Я люблю тебя.

А потом понес ее в замок на руках.

Что касается его величества Холдара, то тот сначала молчал, как пришибленный и бессмысленно озирался по сторонам, а потом стал повторять:

— На меня напал волк! На меня напал волк!

— Ага, видели мы, кто на вас напал, ваше величество, — лениво отвечали ему хигсландские стражники, которых приставили его охранять. — На вас напала леди Хантц, и в руках у нее была палка!

Люди просто решили, что он притворяется безумным.

А он не притворялся, он просто спятил.

* * *

Так окончилось это дело, прозванное за тот случай волчьим.

Бесславно для короля Грихвальда, зато с большой пользой для Родхара Айслинга.

Ему было бы крайне проблематично жениться на мадхен Маре-Элизабете Хантц, девице, отчисленной и с отбора и имевшей самую, что ни на есть, подмоченную репутацию. Даже если бы он это сделал, двор не поддержал бы его, а ее попросту сжили бы со свету скрытыми насмешками и намеками.

Но ведь сейчас все было по-другому.

Эта самая Мара-Элизабета Хантц в одиночку сопротивлялась нападению со стороны врага. Не важно, что войска там было всего ничего, важно, что это была самая настоящая победа, в результате которой был пленен король Грихвальда, а Хигсланд получил небывалые преференции.

В честь этой победы малой землице, на которой стоял замок Хантц были присвоены приставка Шато, баронский титул и герб. А самой девице Маре-Элизабете за участие в пленении короля Грихвальда — почетное звание победительницы и внесение в книгу великих родов королевства всех ее заслуг перед отечеством.

Не остались без наград и другие. Лорд Гальде получил высокий чин и земли. А Хиберта официально пожаловали в рыцари. Сам король меч на плечо трижды опускал, а потом назначил старого вояку комендантом замка. Девике Гизел, служанке Мары, которая наконец

добралась до своей госпожи, тоже пожаловали награду и право именоваться «мадхен».

* * *

Теперь Родхар мог жениться на баронессе Хантц, победительнице в войне, и в этом его уже готова была поддержать вся армия. Но это надо было соответствующим образом обставить.

Конечно, он очень хотел послать все к черту и остаться с Марой. Наедине в этом маленьком замке. Или в поле. Или... Не важно где, только бы вместе.

И именно ради того, чтобы быть вместе, Родхар должен был сейчас уехать.

У короля горело сердце, а он, черт бы его побрал, не имел возможности даже поцеловать ее так, как ему хотелось. Слишком много глаз, все толпились вокруг и смотрели на них, а королева Хигсланда должна быть чиста от любых подозрений.

Он поцеловал ей руку и сказал:

— Жди.

Оставил в замке надежный гарнизон и уехал.

Жениться по любви — 2

Мара опять осталась одна.

Нет, вокруг были люди. На нее смотрели с уважением, ее поздравляли, искренне радовались. Все устали, не спали ночь, а спать никто не ложился, хотелось праздника. Эйфория от победы, которую они честно заработали, еще не выветрилась.

Но, наверное, ждать сейчас было труднее всего.

Когда ты вот-вот перешагнешь неведомую черту, страшно, что все откатится назад, по какой-то глупой причине не срастется. И тогда ты будешь всю жизнь, до самой своей смерти вспоминать мгновения те короткие, вы провели вместе.

Все радовались вокруг, а ей хотелось плакать. Еще и чудился моментами призрачный волк, вертелся вокруг нее, проявляя беспокойство. И, кажется, ревновал ее к Гизел. А Гизел...

Ох, у служанки рот не закрывался.

Во-первых, как только они остались наедине, тут же выпалила:

— Леди Мара! Не зря я на вас рассчитывала! Я зна-а-ала! Знала, что вы обойдете всех этих фифочек на отборе!

А потом рассказывала обо всем одновременно, успевая при этом возиться с платьями, умывать, одевать и причесывать Мару. Вклиниться в этот непрерывный поток слов было невозможно. Мара слова не успевала вставить, но это было даже к лучшему. У нее сейчас совершенно не было настроения.

Наконец она была причесана и одета «как леди».

К этому времени как раз пришел Хиберт. Идеально выбритый и приодетый. Ну да, он ведь теперь был рыцарем и комендантом замка.

— Леди Мара! Пожалуйста вниз, столы накрыты. Окажите честь, люди хотят видеть хозяйку замка.

Все это было неожиданно.

— Да, конечно, — сказала Мара и оглянулась на свою камеристку. — Мы сейчас с мадхен Гизел спустимся.

— Ждем вас. Леди, мадхен.

Старый вояка стрельнул взглядом в девушку, поклонился и вышел.

Мара была уверена, что ничего не может смутить и заставить замолчать эту энергичную девицу, однако та сейчас стояла и краснела, приоткрыв рот от удивления. И осознания, что...

— Кхम्म, — прокашлялась Мара. — Ты теперь мадхен. Одеться надо соответственно.

Та выдохнула не сразу и только и смогла выдавить:

— Ну, ма... леди Мара...

А потом они вдвоем за минуту перетряхнули все платья в гардеробе Мары и выбрали подходящее.

— Ох, леди Мара, — повторяла девица, разглядывая себя в зеркале. — Ох, неужели это я?

Однако в себя пришла быстро.

Наконец они спустились в большой зал, где были накрыты столы. Естественно, вся эта толпа мужчин уставилась на них, слышались приветственные выкрики. И пока они шли по залу, чтобы занять свои места, Мара успела шепнуть:

— Смотри, ты теперь выгодная невеста, если захочешь, можешь выбрать тут кого-нибудь себе в мужья.

Гизел приосанилась, скользя взглядом по залу, и проговорила:

— Нет, леди Мара, я лучше поеду с вами в столицу. В столице выбор больше!

— Смотри, довыбираешься, — засмеялась Мара. — И за какого-нибудь старика пойдешь вроде Малгита.

— Вот, кстати, — оживилась девушка. — Вот за Малгита я бы пошла!

Но дольше им переговариваться не удалось, пошли торжественные тосты.

* * *

Возбуждение держалось недолго. Все-таки люди устали, после сытной еды и пары кубков вина некоторые уснули прямо за столом. Мара поднялась к себе.

Очень хотелось спать, она даже пыталась прилечь. Но мысли, мысли.

Мысли лезли в голову. А вдруг не получится?

Но ведь это Родхар, и если он велел ждать...

* * *

А он торопился.

Снова в дороге, но в этот раз король все-таки воспользовался повозкой, которую ему охотно предоставил шериф. Это дало возможность немного выспаться. К моменту, когда он добрался до Лендрио, Родхар был уже относительно свеж и готов к действиям.

Перво-наперво, как только повозка въехала во двор королевского замка, он принял короткие поздравления с победой, и тут ушел к себе в кабинет. Там за закрытыми дверями дал распоряжения Хойту относительно пленного короля Холдара, которого должны были доставить следом:

— Найди ему подходящее место пребывания, пусть поживет в комфорте, раз уж он у нас «почетный» гость. Сейчас у меня нет времени для Грихвальда. Займусь потом.

Потом выслушал короткий доклад о том, что слышно было от Яна Троина и что творилось в столице за время его отсутствия. Под конец спросил:

— Как у тебя дела с леди Хойт?

Твердые губы главы королевских дознавателей сложились в очень мужскую улыбку. Однако ответил он в тон:

— Сейчас у меня нет времени для нее. Займусь потом.

Родхар хмыкнул. Истелинда в хороших руках, впрочем, он и не сомневался.

— Хорошо, — сказал он. — Передай секретарю пусть ко мне зайдет матрес Пасквел.

Надо было покончить с отбором.

Честно говоря, Родхар волновался перед разговором со смотрительницей отбора. Вопрос щекотливый, а ему нужно было ее содействие. Однако генеральская вдова не разочаровала. Первое, что

она спросила, после официальных приветствий, поздравлений и реверансов, было:

— Сир, я так полагаю, отбор может быть закончен?

Родхар слегка напрягся и проговорил с некоторой осторожностью:

— Вы правильно полагаете, матрес Пасквел.

— В таком случае я могу отправляться в свое имение.

— Можете, — король прокашлялся. — Но я прошу вас остаться.

— Сир?

Можно было приказать, но ему нужна поддержка, потому он просто признался:

— Матрес Пасквел, мне нужна ваша помощь.

— С удовольствием, — генеральская вдова присела в поклоне. — Но в чем?

— Я хочу, чтобы вы были моим представителем.

Женщина смотрела на него не мигая. Черт... Озвучить оказалось сложно. Он глубоко вдохнул и начал:

— Речь пойдет о сватовстве...

— Оооо! — совершенно неприлично перебила она его. — Это та, о ком я думаю?!

— Э... да, — Родхар кивнул.

Матрес Пасквел пришла в восторг.

— Сир, ваше величество! Я — всегда. Можете на меня рассчитывать!

— Спасибо, — пробормотал король.

Понимая, что теперь пожизненно обречен терпеть все эти балы, состязания в стихах, конкурсы живописи и прочие выдумки гиперактивной генеральской вдовы. Но это было малой платой за то, что он собирался получить от жизни. А вдова деловито спросила:

— Когда выезд, ваше величество?

— Завтра, — тут же ответил он.

— И это правильно! — женщина подалась вперед, многозначительно прищурилась и помахала пальцем. — Ни дня промедления. Железо надо ковать, пока горячо! Сир, положитесь на меня. Я доведу до всех, что отбор окончен и займусь подготовкой.

В тот же вечер отбор был официально закрыт. Все девушки, участвовавшие в нем, получили свое вознаграждение. А наутро большой королевский кортеж с герольдами и знаменами выдвинулся из столицы.

Родхар дотерпел до Даршантца, потом не выдержал, поскакал вперед.

Влюбленный мужчина может совершать необъяснимые поступки, имеющие глубокий смысл только для двоих. Например, проскакать верхом пол страны ради того, чтобы минуту побыть наедине. Или залезть в окно своей к возлюбленной. Или биться один на один с драконом. Или подарить ей миллион роз. А весь остальной мир в это время может тихонько постоять в сторонке.

Просто кортеж полз немыслимо медленно, как и положено торжественному шествию. А Родхар устал томиться, ему нужен был этот поток перед тем, как начнется весь этот официоз, и он опять не сможет к ней приблизиться. Однако, в том, что кортеж медленно полз, неожиданно оказалось преимущество.

Король вдруг понял, что у него есть небольшой временной зазор. А уж как этот зазор использовать, мысль пришла мгновенно. Своих людей он оставил, не доезжая до места, и приказал:

— Езжайте к шерифу округа и ждите меня там. Буду скоро.

А сам ускакал в Хантц.

На подступах к замку одинокого всадника, конечно же, заметили. Но шума никто поднимать не стал. Зачем? Если король сам стучится в ворота, закрывшись плащом до самых глаз, и хочет остаться неузнанным, значит, так тому и быть.

Стражник отворил ему немедленно. Поклонился. Родхар бросил поводья и соскочил с коня, спросил только:

— Где?

Тот вытянул руку, показывая. Дальше Родхар уже знал дорогу.

* * *

Мара с утра возилась в саду.

Полола сорняки, подвязывала побеги, поливала, пересаживала. Обстригала подсохшие побеги с большого розового куста. Из тех веточек, что она отсадила отдельно, две принялись. Но их еще надо было выхаживать и выхаживать, пока они окрепнут и дадут первые цветы. Это было важно. На самом деле, ей просто нужно было занять себя, чтобы не думать постоянно и не нервничать. Пошел только второй день, как Родхар уехал, а ожидание уже выматывало до невозможности.

Гизел первое время вертелась рядом, но такой фанатичной привязанности к работе в саду у нее не наблюдалось. Поэтому девушка вскоре отравилась заниматься нарядами Мары. Их всех нужно было проверить, подгладить, подготовить. А Мара осталась одна.

Собственно ей именно этого и хотелось сейчас.

Сидела на матушкиной скамейке у стены, сложив руки на коленях, и смотрела в пространство. Вдруг резко отворилась калитка, и как будто вихрь ворвался в сад.

Родхар!

Она только ахнула и тут же оказалась в его объятиях. Прижалась крепко-крепко, а он ее поцеловал так жадно, словно хотел выпить душу. Потом шепнул в губы:

— Одевайся! К вечеру буду.

И так же стремительно вышел.

Она даже слова не успела вымолвить, спросить ничего не успела! Так и опустилась обратно на скамейку, слушая, как скрипнули, а потом затворились замковые ворота, и раздался удаляющийся конский топот. Ведь вроде ничего не изменилось, а счастлива была как дура.

А Родхар уехал к шерифу, где и планировал дожидаться кортежа. Успел перекусить, принять ванну и почистить перышки. Надо было привести себя в порядок. Ведь не каждый день королю выпадает жениться.

Да еще по любви.

* * *

Неизвестно, как распространяются сплетни, но в замке мгновенно узнали обо всем. И тут же заметались, как наскипидаренные. В считанные часы вылизали все до блеска.

Когда наконец королевский кортеж подошел к замку, Мара от волнения не чувствовала под собой ног.

Герольды, королевские знамена...

Зазвучали трубы, и в открытые ворота замка первой въехала большая, богато украшенная повозка. Следом с ближайшим окружением сам король. Из повозки вышла исполненная ответственности генеральская вдова с гербовой лентой на рукаве и прошествовала вдоль выстроившихся в два ряда стражников в большой зал.

И началось королевское сватовство.

Для Мары все прошло ужасно быстро и как во сне. Окончательно осознала реальность она, когда наутро выехала с кортежем в столицу. Там, в часовне королевского замка должно было состояться венчание.

Снова она смотрела, обернувшись назад, как исчезают вдали стены родительского замка. И думала, в который уже раз уже ей предстояло проделать эту дорогу? В третий?

Первый раз на отбор, второй раз в долг, а теперь вот...

Она глубоко вдохнула и, пропуская мимо ушей тарыхтение Гизел, разглядывавшей всех и все комментировавшей, уставилась в окно. Нашла взглядом спину Родхара и...

И тут она увидела волка. Призрак важно трусил рядом с королем по правому борту повозки. Хорошо, что Мара сидела, а то так и села бы с открытым ртом.

* * *

Кортеж вроде бы двигался неспешно и несколько раз останавливался в дороге, и все равно к вечеру они прибыли в Лендрио. А завтра в полдень должно было состояться королевское венчание.

И вот на том самом венчании оно и произошло.

Эпилог

Обычно такие значимые события, как королевская свадьба, не свершаются так скоропалительно. Но ведь всему этому предшествовал отбор, по завершении которого как раз и должно было состояться венчание. Да еще вмешались жизненные обстоятельства в виде короткой и победоносной войны с Грихвальдом.

В общем, все состоялось быстро.

Будущая королева шла к алтарю в простом синем платье. Оно было единственное ненадеванное из тех, что Родхар когда-то приобрел для нее в Даршантце. Гизел хотела подготовить ей другое, понаряднее, но Мара сказала, что в новую жизнь пойдет только в новом.

И пусть платье было скромным, зато на груди ее красовалась широкая орденская цепь! Ну, и ожерелье с крупными бриллиантами — маленький подарок Родхара на свадьбу. Остальное Мара просто не стала надевать.

Конечно, кое-кто смотрел ей вслед с недовольством, а за спиной шептались. Однако золотая орденская цепь, полученная за подвиги в войне, затмевала даже блеск бриллиантов, и злословить открыто никто не решался.

А венчание королей Хигсланда происходило в два этапа. И вот об этом стоит рассказать подробно.

По обычаю невесту сопровождали в малую замковую часовню, в которой хранился Ледяной Клинок Айслинг. Где она и дожидалась короля. Его величество приходил туда, и на некоторое время они с невестой оставались наедине со святыней.

А потом король пристегивал к парадному поясу древний меч и переходил с будущей королевой в большую часовню, которая была выстроена рядом с малой. И там при скоплении народа совершался обряд.

На протяжении многих веков все происходило именно так.

Мару отвели в часовню, где ей положено было ждать венценосного жениха, и оставили там одну. И вот она и ждала. А волнение, нервы, все-таки не каждый день выходишь за короля замуж.

Уже и в голову полезла всякая чушь. Чтобы не переживать, она стала вертеть головой и осматриваться.

На самом деле Родхар отсутствовал совсем недолго и в часовню вошел все на пару минут позже. И на пороге замер.

Волк, призрачный тотем рода! Впервые он явился ему на глаза!

Волк деловито вертелся вокруг Мары. И на задние лапы приподнимался, и обнюхивал, и буквально мел по юбке хвостом.

«Э, э, э!» — воскликнул мысленно Родхар. — «Пошел от нее, она моя!»

А мохнатый взглянул на него, как на идиота, и картинно закатил глаза, как будто хотел сказать: «Долго будешь там стоять? А то я уже сомневаюсь в твоих умственных способностях», — и неожиданно показал носом на живот Мары.

О... Несмотря на легкий ступор, до Родхара сразу дошло. Он чуть ли не бегом бросился к невесте. А она услышала шаги и обернулась, засияла улыбкой. И...

Тут Родхар увидел, как наглый мохнатый призрак скользнул прямо сквозь ковер под постамент, на котором в драгоценной раке хранился священный меч. И исчез, как не бывало. Вот и гадай теперь, был тут тотем рода или ему все это привиделось от волнения.

«Ну, погоди же ты!» — думал Родхар, обнимая Мару.

Потом, как велит обычай, пристегнул к поясу меч и взял ее за руку.

Вот именно в тот самый момент оно и произошло.

Меч, потемневший от времени, зазубренный, старый, как будто ожил. Засветился и стал прозрачным, словно кристалл льда. А по лезвию побежали яркими цветными искрами морозные узоры.

* * *

Когда Хигсланд увидел, как переливается всеми цветами радуги священный Ледяной Клинок Айслингов, новую королеву безоговорочно приняли все.

Сей знаменательный факт был занесен во все летописи королевства, а его величество Родхар отныне был признан великим

королем и сравнялся в славе с легендарным королем прошлого Урдехаром. (И даже чуточку переплюнул его).

* * *

О чем умолчали летописи

За торжественным венчанием королевской четы наблюдали давно почившие, но так до конца и не упокоившиеся предки.

Ничего удивительного, в любом древнем королевском замке найдется пара-тройка неугомонных призраков, которым нравится пугать гостей и изредка вмешиваться в жизнь ныне здравствующих потомков.

Этого, конечно, никто не слышал, но в стенах часовни состоялся некий разговор.

— Наш-то, молодец! Не побоялся ничего! — басил мужской голос. — Все-таки привел девчонку!

— Тощенькая, — проскрипел женский.

— Псссс?! Ты вспомни себя, когда я тебя брал в жены, тоже за веник могла спрятаться.

— Я?!! — древняя дама изобразила праведное возмущение.

А мужчина важно проговорил:

— Помяни мое слово, если эта тощенькая не народит нашему парню полдюжины крепких сыновей!

— Один уже на подходе! — раздался сиплый голос с характерными рычащими нотками.

— Уже? — спросили те двое в один голос.

— Хе-хе! Зря я старался, что ли?

Однако в этот момент священник объявил его величество Родхара и Мару-Элизабету Хантц мужем и женой, и все трое дружно выкрикнули:

— Аминь!

* * *

Полетело в воздух зерно, осыпая молодых. Золотые монеты, цветы и ленты. Толпа взорвалась радостными воплями и кинулась подбирать золото. Каждый хотел монетку с королевской свадьбы на счастье.

А предстояло еще застолье! Дамы собирались блистать нарядами, а кавалеры есть за троих, плясать до упаду и пить за семерых. Сколько после той свадьбы было заключено счастливых браков! А сколько родилось бастардов... Об этом летописи точно умалчивают.

Но еще немного о разном рассказать можно.

Бонус

И еще немного о...

О геральдике и политике

По приказу Родхара герб Хигсланда был дополнен. Отныне на нем красовался черный волк с сияющим клинком в лапе, и все это на червленом поле.

Роду Хантц, теперь уже баронскому, тоже был пожалован герб. На нем была дева с двурогой палкой в руке. И этой палкой она прижимала к земле голову змеи. Весьма символический герб, если учесть, что бескрылый змей был символом Грихвальда, а король Холдар был пленен при довольно странных условиях.

Старый Хиберт, теперь уже майстер Хиберт Гольце, был в восторге от всего этого. И, являясь пожизненным комендантом замка Хантц, прибил герб на ворота.

Что касается всех томившихся в заключении майстеров и лордов, то в честь праздника им была объявлена амнистия. Однако. Заключенных-то выпустили на свободу, но оставили под бдительным оком главы королевских дознавателей лорда Андреаса Хойта.

С королем Грихвальда Холдаром произошло вот что.

Со временем легкое помешательство у него прошло, и он даже созрел для того, чтобы вести переговоры. Конечно, речи не шло о том, что безумный король, как его прозвали, вернется на престол.

Холдар подписал отречение в пользу дочери Амелии. С условием, что она выберет себе мужа по сердцу и будет править с ним вместе. А сам удалился в отдаленное имение. Все-таки, что ни говори, а рассудок окончательно в норму не пришел, и Холдару время от времени мерещился волк. Этого было достаточно, чтобы полностью отойти от дел.

О политике, любви и сложностях

А вот у Амелии дела сложились неожиданно.

Магистр Ян Торин, тот самый, который готов был умереть за нее, отказался быть при ней консортом. Сказал, что не намерен становиться игрушечным принцем и шутом. И уехал в свою Неполисскую Академию.

Ах так?! — сказала Амелия.

Тут же вышла замуж за одного из наиболее талантливых в управлении лордов. А потом сразу развелась. Отреклась от престола в его пользу и тоже уехала в Неполисскую Академию учиться магии. По своей воле.

А вовсе не для того, чтобы доказать что-то одному магистру!

И еще одна короткая зарисовка просто так
О внезапно возникающих странных чувствах

Далеко на севере Хигсланда, в горах. Чертов замок на скале, продуваемый ветрами, суровый и холодный на вид. Не замок, а одинокий зубец!

Он был виден издали, а вокруг дикий пейзаж, корявые сосны. К нему шла узкая дорога по краю скальной полки. Пока ехали, Истелинда каждый раз вздрагивала, когда налетал сильный порыв ветра. Ей казалось, еще немного, и повозка сорвется в пропасть. Однако повозка упрямо ползла вперед, а вооруженная охрана не отступала ни на минуту. Моментами на девушку накатывало отчаяние, но она все еще готова была бороться.

«Леди Хойт» — обращались к ней, а ей хотелось кричать, что никогда она не станет женой этого холодного урода! Она так готовилась сказать ему «нет», но ее даже не спросили! Вместо нее отвечал назначенный королем опекун.

Впрочем, женой его в полном смысле этого слова она не стала. Их обвенчали, однако господин главный дознаватель и не подумал консуммировать брак. Тут же после церемонии покинул церковь и отправился заниматься делами. А ее выслал в это Богом проклятое место. Истелинда была оскорблена до глубины души.

Налетел очередной порыв ветра, заставил ее вздрогнуть и прижаться стенке повозки. Еще один поворот на скальном серпантине. Теперь уже последний, за ним должен был показаться замок. Они приехали. Девушка так устала, что была рада и этому.

Но не тут-то было! Дорога здесь обрывалась, дальше пропасть.

Она готова была заплакать, однако со стороны замка с противным скрипом стал опускаться подъемный мост. Медленно. В полуметре над основанием завис и упал рывком. Поднялась пыль, потом осела.

Ей ехать по этому мосту?

Нет! — хотела крикнуть она, но не успела. Повозка уже покатила по деревянному настилу над пропастью. Она сжалась на сидении и уперлась руками в стенки повозки, как будто это могло ее защитить.

Наконец они въехали во внешний двор замка. А ее все еще трясло.

Потом преодолевали двое ворот с решетками. Не замок, а настоящая тюрьма!

Немного пришла в себя Истелинда, когда ее поместили в отведенные для нее покои. Здесь было добротно, но аскетично. И хорошо протоплено. Как бы она сейчас ни ненавидела Хойта, от тепла и ощущения твердой земли под ногами девушка расслабилась.

Ей принесли еду, и это неожиданно заставило ее собраться.

Она Истелинда Белмар. Первая красавица Хигсланда. И все равно здесь не останется. Если есть слуги, значит, их можно подкупить. Или соблазнить. Она в любом случае вырвется на свободу.

Но не сегодня. Сегодня она очень устала. Глаза закрывались. Сейчас спать, а завтра...

Завтра планам не удалось сбыться.

Потому что утром в ее покои заявила строго одетая женщина, сухая, как палка, и с неприязненным лицом. Чопорно кивнула и представилась:

— Меня зовут мадхен Кройц. Я ваша личная камеристка.

— Что? — только успела ахнуть Истелинда. — Подите прочь!

А та и бровью не повела. Приказала заносить еду и продолжила:
— Отныне я буду находиться при вас постоянно, — помедлила и добавила: — Для вашего же удобства.

Как Истелинда была зла... Она готова была кинуться на эту сухопарую и жилистую уродину с ножом, но все ножи убрали, а ложка была деревянная.

Как она в тот момент НЕНАВИДЕЛА Хойта!

Его она готова была придушить голыми руками. Но прежде — выцарапать ему глаза. Пусть только приедет. Пусть только приблизится!

Однако неделя прошла, а лорд дознаватель так и не появился. Зато эта мадхен Кройц постоянно торчала рядом. Сначала Истелинда готова была бросаться на нее тигрицей. Потом просто взвыть от безысходности. Наконец ей в голову пришло, что можно подольститься к собственному мужу. В конце концов, она красавица, и если соблазнить его, она сможет отсюда выбраться.

Проблема заключалась в том, чтобы его дождаться.

Еще несколько бесконечно долгих дней прошло.

Хойт приехал без предупреждения. Внезапно появился на пороге ее комнаты. Едва взглянул на нее, поздоровался с компаньонкой и спросил:

— Мадхен Кройц, как ваша подопечная?

«Ах ты мерзавец!» — подумала Истелинда Белмар, а вслух сказала:

— Муж мой, как я рада вас видеть.

Подошла к нему с ослепительной улыбкой и положила руку на грудь. Все это время он спокойно смотрел на нее. Потом так же спокойно взял и убрал ее руку. И, глядя ей в глаза, проговорил:

— Леди, с чего вы взяли, что меня интересуют ваши прелести?

Она буквально отпрыгнула от него и зашипела, мгновенно разъярясь:

— Ненавижу тебя! Урод!

А он засмеялся.

— Наконец-то я вижу правдивую реакцию.

И вдруг перехватил ее за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Запомните, леди, мне вы не будете лгать ни в чем. Понятно?

Он что-то сделал с ней. Наверное. Потому что она не могла отвести взгляд. Мужчина отпустил ее и ушел, а она так и осталась стоять, не понимая, что с ней происходит.

Конец